Из книг Б. Г. Столпнера
БИБЛІОТЕКИ Казанской Духовной АКАДЕМІИ
№ Инв. 202
№ Хр. Кат. 18.615
В. К. Д. А.
641
52
В 522

Философія У. Гамильтона. Очеркъ по исторіи англійской философіи новаго времени, преимущественно конца 18-го и первой половины 19-го столѣтія.

И. д. экстраорд. проф. А. П. Казанскаго.

ГЛАВА I вступительная. — Мѣсто Гамильтона по отношенію къ предшествующимъ философамъ новаго времени, а также въ частности къ предшествующимъ философамъ Англіи и Шотландіи. Біографическія свѣдѣнія о Гамильтонѣ. Гамильтонъ какъ писатель и литература о Гамильтонѣ.

Любопытное явленіе представляетъ философія въ Шотландіи. Похвальные отзывы о шотландцахъ, какъ о философахъ, попадаются у писателей еще 15-го, 16-го и 17-го столѣтій. Слава шотландской націи относительно искусства въ философскихъ диспутахъ и разсужденіяхъ была такъ велика въ то время, что, напр., во Франціи, какъ сообщаютъ упомянутые писатели, если кто-либо изъ вельможъ и знатныхъ людей желалъ дать философское образованіе своимъ дѣтямъ, онъ особенно охотно бралъ учителей именно шотландцевъ. Точно также Шотландія же очень часто поставляла преподавателей по философіи и просто философскихъ диспутантовъ въ континентальные университеты, — и это не только во Франціи, но и въ другихъ государствахъ — въ Испаніи, Италіи, Голландіи, Швеціи, Польшѣ и т. д. Словомъ, въ указанное время шотландцы были такими же извѣстными странствующими рыцарями на философскомъ поприщѣ, какими они были на военномъ. Извѣстно, какое выдающееся участіе принимали шотландцы въ войнахъ того времени, напр. въ 30-лѣтней войнѣ, въ особенности въ войскахъ, предводительствуемыхъ Густавомъ Адольфомъ [1]).

---

[1]) См. свѣдѣнія и цитаты изъ сочиненій Скалигера, Сервета или Эразма и Urquhart'а относительно шотландцевъ, какъ философовъ, сообщаемыя Гамиль-

Начиная съ 15-го же столѣтія въ Шотландіи возникаютъ университеты. Первымъ былъ основанъ университетъ въ С. Эндрьюсѣ — въ 1411 г., затѣмъ въ 1450—51 г. возникъ университетъ въ Глэзго, въ 1494 г. — въ Эбердинѣ и наконецъ послѣдній — Эдинбургскій университетъ былъ призванъ къ жизни королемъ Іаковомъ VI уже послѣ реформаціи — въ 1582 г. [1]). Эти университеты и сдѣлались кадрами, откуда выходили шотландскіе философствующіе странствующіе рыцари, перекочевывавшіе изъ одного пункта Европы въ другой.

Иногда указываютъ, что шотландской философіи, родившейся, по замѣчанію Кузена, въ шотландскихъ университетахъ и развившейся тамъ [2]), для того чтобы вполнѣ проявить себя, требовалось уничтожить университетскую систему «риджентовъ» (regenting system), подходящую подъ болѣе извѣстную у насъ англійскую же систему туторовъ, которая до нѣкоторой степени продолжаетъ существовать и въ настоящее время собственно въ англійскихъ университетахъ — въ Оксфордѣ и Кэмбриджѣ. Эта система «риджентовъ» господствовала въ шотландскихъ университетахъ до 18-го столѣтія и состояла въ томъ, что извѣстнымъ преподавателямъ — риджентамъ поручалось приготовить извѣстное число студентовъ къ выпускному экзамену по всѣмъ предметамъ, и притомъ приготовить не съ помощью читаемыхъ преподавателями лекцій, а путемъ прочтенія со студентами нѣкоторыхъ одобренныхъ книгъ. Указываютъ, что такая система университетскаго преподаванія оказалась особенно неудобною для развитія національной шотландской философіи: университетскіе преподаватели, которые, какъ сказано, главнымъ образомъ фактически и были шотландскими философами, должны были разбрасываться, занимать свое вниманіе предметами въ сущности посторонними для философіи, между тѣмъ философскія дисциплины именно требуютъ сосредоточенія, — съ другой же стороны они

томомъ — «Discussions on Philosophy etc.» 3 ed. 1866, стр. 119 прим. См. также J. Veitch «Philosophy in the Scottish Universities» Mind, I series, v. II 1877, стр. 75 и слѣд.

[1]) J. Veitch, ibidem, стр. 79.

[2]) V. Cousin «Philosophie Ecossaise» 3-ème édit. Paris 1857, стр. 17

слишкомъ были связаны рекомендованными имъ книгами, ихъ мысль невольно привыкала двигаться только по извѣстному пути и вообще не выходить изъ извѣстнаго круга, она утрачивала свѣжесть [1]). Возможно конечно, что это обстоятельство, собственно касающееся университетской жизни, могло вліять отрицательнымъ образомъ на развитіе шотландской философіи; любопытно во всякомъ случаѣ, что первый сравнительно болѣе оригинальный шотландскій мыслитель, котораго нѣкоторые считаютъ даже основателемъ такъ называемой шотландской школы, учитель болѣе извѣстнаго шотландскаго философа Фрэнсиса Гётчисона—Гершомъ Кармейклъ былъ въ то же самое время и первымъ профессоромъ моральной философіи въ Глэзговскомъ университетѣ, сосредоточившимъ свое вниманіе, стало быть, только на философскомъ предметѣ, хотя, нужно сказать, это назначеніе онъ получилъ уже довольно поздно — на 55-мъ году своей жизни [2]). Но всеже, быть можетъ, причины, задерживавшія развитіе шотландской философіи, лежали глубже. Можетъ быть, это были тѣ же причины, которыя задерживали и развитіе оригинальной европейской философіи вообще. Вѣдь только въ 17-мъ столѣтіи, со времени Декарта, въ исторіи европейской философствующей мысли вполнѣ рельефно начинаютъ проявляться новыя вѣянія, — раньше же философія въ Европѣ въ большинствѣ случаевъ была схоластическою, т. е. находящеюся подъ сильнымъ вліяніемъ авторитета. Когда такимъ образомъ послѣдовало пробужденіе мысли въ Европѣ и это пробужденіе достигло до шотландцевъ, заявила о себѣ болѣе самостоятельно и философствующая мысль шотландцевъ, — раньше же, въ силу самаго положенія вещей, шотландцамъ приходилось проявлять свои несомнѣнно засвидѣтельствованныя философскія способности только въ предѣлахъ той же схоластики — въ изученіи книгъ, считавшихся авторитетными, и особенно въ сравнительно остроумномъ толкованіи ихъ и диспутированіи по поводу ихъ.

---

[1]) J. Veitch, цитированная выше статья въ Mind v. II, а также въ томъ же томѣ Mind статья вторая о томъ же предметѣ. Въ основаніи обѣихъ этихъ статей Вича въ сущности лежитъ приводимое въ текстѣ мнѣніе.

[2]) J. Veitch, Mind, v. II, стр. 209. Относительно же Кармейкла, какъ основателя шотландской школы, см. Hamilton «The Works of Thomas Reid» 8 edit. 1880, v. I, стр. 30. См. также о Кармейклѣ, какъ философѣ, J. McCosh «The Scottish Philosophy» New-York. 1890, стр. 36—42.

Новыя вѣянія въ европейской философіи проявились между прочимъ въ системѣ Декарта (1596—1649) въ томъ извѣстномъ его положеніи, что существуютъ двѣ совершенно самостоятельныя субстанціи — мыслящая и протяженная и что человѣкъ, духъ котораго также представляетъ собою мыслящую субстанцію, можетъ познавать только состоянія своего духа [1]). Уже въ этомъ положеніи заключались затрудненія. Въ самомъ дѣлѣ, если обѣ субстанціи совершенно самостоятельны, слѣдовательно независимы, какимъ образомъ мыслящая субстанція можетъ имѣть какія-либо свѣдѣнія о протяженной? А Декартъ еще, твердо держась мнѣнія, что человѣкъ познаетъ только состоянія своего духа, утверждалъ, что внѣшній міръ, вещи, существующія внѣ мыслящей субстанціи, дѣйствуютъ на мыслящую субстанцію, производятъ въ ней образы, представленія себя, знанія мыслящей субстанціи о внѣшнихъ для нея вещахъ имѣютъ представляющій характеръ. Однако какія-же гарантіи, что это — дѣйствительно образы? — вѣдь обѣ субстанціи опять-таки совершенно независимы. Но затрудненія были и еще. Въ самомъ знаніи постарался ли Декартъ съ самаго начала такъ сказать подчеркнуть тотъ существенный его характеръ, что знаніе предполагаетъ не только познающаго, но и познаваемое? Изъ самой основной формулы Декарта, строго говоря, нельзя было вывести этого. Извѣстная формула Декарта гласила: «я мыслю, слѣдовательно я существую», — если бы Декартъ сказалъ: «я мыслю *о чемъ-либо*, противопоставляющемся мнѣ, слѣдовательно я существую», если бы онъ именно подчеркнулъ въ первой части своей основной формулы этотъ существенный характеръ знанія, очень возможно, что ходъ развитія европейской философіи въ новое время во многихъ случаяхъ былъ бы иной.

Короче сказать, хотя несомнѣнно, что многія изъ положеній Декарта, и въ частности его основная формула въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ были очень цѣнны и дали вполнѣ цѣнные результаты, эти же положенія и эта формула могли повести и къ затрудненіямъ. Подобный взглядъ на ученіе Декарта высказы-

---

[1]) См. напримѣръ Декартъ Medit. VI. Ср. перев. В. М. Невѣжиной «метафизич. размышленій» Декарта, подъ редакціей и со статьей о Декартѣ проф. А. И. Введенскаго — Труды С.-Петербургскаго философск. общества, вып. 1. Спб. 1901.

вался уже давно, онъ въ сущности въ общихъ чертахъ былъ высказанъ еще въ 18-мъ столѣтіи Ридомъ, истиннымъ отцомъ такъ называемой шотландской школы, когда Ридъ, въ виду скептическихъ заключеній Юма, предпринялъ пересмотръ основныхъ положеній европейской философіи новаго времени [1]), — такой же взглядъ съ обстоятельнымъ обоснованіемъ былъ высказанъ и недавно шотландцемъ же, въ настоящее время профессоромъ Эдинбургскаго университета Сетомъ [2]) И дѣйствительно, уже не говоря о затрудненіяхъ, къ которымъ привело ученіе Декарта на континентѣ, не говоря о философіи окказіонализма, о томъ обстоятельствѣ, что даже и Спиноза въ сущности не обосновалъ критически положеній своего пантеизма, а высказалъ ихъ только догматически, затрудненія съ особенною силою выразились въ послѣдующей англійской философіи и прежде всего въ ученіи знаменитаго англійскаго философа Локка. Локка (1632—1704) англичане нерѣдко называютъ первымъ основателемъ спеціально британской науки — эмпирической психологіи,— и этотъ эпитетъ конечно вполнѣ заслуженъ Локкомъ. По замѣчанію проф. Смирнова, задача изслѣдованія духовныхъ явленій для психологовъ Англіи состояла въ томъ, «чтобы разлагать сложныя состоянія духа на ихъ простые элементы. Производить этотъ анализъ», продолжаетъ проф. Смирновъ, «иногда легко, а иногда чрезвычайно трудно и требуетъ замѣчательной силы и умѣнія вести дѣло», — и далѣе проф. Смирновъ показываетъ, что англійскій же философъ Бёркли вполнѣ обладалъ этими каче-

---

[1]) «The Works of Th. Reid», изд. Гамильтономъ, т. I — «An Inquiry into the Human Mind» см. напр. посвященіе, 1-ю вступительную главу и заключеніе, также «Essays on the Intellectual Powers of Man», passim. Ридъ особенно нападалъ на положеніе Декарта, что духъ человѣка можетъ познавать только свои собственныя состоянія, на «теорію идей», какъ формулировалъ онъ это Декартовское положеніе.

[2]) A. Seth «Scottish Philosophy. A comparison of the Scottish and German answers to Hume» 2 ed. Edinb. a. Lond. 1890, стр. 8—15. Этимъ сочиненіемъ, однимъ изъ самыхъ послѣднихъ по шотландской философіи, мнѣ приходится, какъ можно видѣть въ текстѣ, часто пользоваться въ настоящемъ предварительномъ очеркѣ развитія европейской и англійской философіи до Гамильтона, а также придется пользоваться и въ другихъ частяхъ моего изложенія.

ствами [1]). Это замѣчаніе въ данномъ мѣстѣ своего сочиненія проф. Смирновъ дѣлаетъ по отношенію къ Бёркли, какъ психологу, но то же замѣчаніе можно сдѣлать и по отношенію къ Локку, первому давшему образцы такого анализа. За этотъ-то анализъ Локка и называютъ основателемъ англійской эмпирической психологіи, или, какъ можно выразиться еще, послѣдующаго эмпирическаго или психологическаго направленія въ философіи. И если бы задаться вопросомъ, что̀ поддерживало этотъ анализъ, на этотъ вопросъ можно бы было отвѣтить, что этотъ анализъ согласовался съ положеніями Декарта. Въ самомъ дѣлѣ, если духъ человѣка можетъ познавать только свои собственныя состоянія, причемъ эти состоянія не связаны съ самаго начала съ противопоставляющимся познающему, не предполагаютъ въ себѣ съ самаго начала отношеній, если духъ человѣка представляетъ совершенно опредѣленную, независимую, какъ-бы законченную субстанцію, то не естественно ли человѣку, при этой опредѣленности и законченности, постараться свести свои духовныя состоянія къ наиболѣе простымъ элементарнымъ формамъ, выдѣлить именно первичные элементы своихъ духовныхъ состояній? — вѣдь только изъ комбинаціи этихъ, также въ сущности независимыхъ, первичныхъ элементовъ и составится все знаніе. Но кромѣ анализа есть и другая сторона дѣла, есть та сторона, которую Кантъ назвалъ бы синтетическою, въ силу которой мыслящее существо можетъ сознавать свое существованіе и свое тожество какъ мыслящаго субъекта, только познавая противопоставляющееся себѣ — объекты, — и для этой стороны ученіе Локка даетъ очень мало. «Логическое завершеніе ученія Локка», говоритъ проф. Сетъ, «не оставляетъ для него ничего кромѣ атомовъ чувства, не заключающихъ въ себѣ отношеній (unrelated), простыхъ или частныхъ идей, съ которыми онъ и отправился въ путь, какъ съ матеріалами всего нашего знанія. Но этого завершенія самъ Локкъ избѣгаетъ, отчасти открыто уклоняясь отъ своихъ собственныхъ принциповъ, отчасти же благодаря неточности своего языка» [2]). Приговоръ кажется строгимъ, и однако дѣйствительно очень трудно изложить ученіе

---

[1]) А. Смирновъ «Философія Бёркли». Варшава 1873, стр. 26—27 и слѣд.

[2]) Scottish Philosophy, стр. 31.

Локка какъ вполнѣ связную, логически послѣдовательную и точную философскую систему. Въ частности, по отношенію къ интересующему насъ вопросу о познаніи духомъ человѣка внѣшнихъ вещей Локкъ въ первыхъ книгахъ своего знаменитаго сочиненія «Опытъ о человѣческомъ умѣ» вездѣ выражается такъ, какъ будто для него нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что эти вещи существуютъ, вездѣ дѣло идетъ о внѣшнемъ опытѣ, какъ объ одномъ изъ самыхъ надежныхъ источниковъ познанія, признаются даже первичныя качества матеріи, которыя такъ и познаются, какъ существуютъ въ матеріи. Тѣмъ не менѣе въ IV-й книгѣ, гдѣ Локкъ переходитъ къ оцѣнкѣ достовѣрности различныхъ видовъ знанія, оказывается: во 1-хъ, знанія наши о внѣшнихъ вещахъ менѣе достовѣрны, чѣмъ наше же интуитивное знаніе о собственномъ существованіи и знаніе черезъ доказательство о существованіи Бога; во 2-хъ, знаемъ мы только наши текущія ощущенія, при чемъ считаемъ, что они производятся внѣшними вещами, хотя какъ производятъ ихъ внѣшнія вещи — мы и не знаемъ и не понимаемъ. Однако, что касается самого Локка, онъ думаетъ, «что Богъ далъ ему достаточно увѣренности въ существованіи предметовъ внѣ его; такъ какъ, пользуясь ими различнымъ образомъ, онъ можетъ вызывать въ себѣ и удовольствіе и страданіе, а это особенно важно для его существованія въ какое-либо данное время»[1]). Нельзя сказать, чтобы это послѣднее ученіе вполнѣ сходилось съ первымъ.

Въ ученіи слѣдующаго, также весьма извѣстнаго англійскаго философа, о которомъ мы уже упоминали, родившагося и проведшаго бо́льшую часть своей жизни въ Ирландіи, Бёркли (1685—1753), если взять это ученіе въ цѣломъ, замѣчается, въ связи съ слѣдованіемъ въ общемъ тѣмъ же Локковскимъ принципамъ, нѣкоторое какъ бы отклоненіе. Если, какъ бы разсуждалъ Бёркли, духъ человѣка познаетъ только свои состоянія, но въ то же время считаетъ, что эти состоянія производятся внѣшними для него, матеріальными вещами, хотя, какъ происходитъ это вліяніе матеріальныхъ вещей, онъ не можетъ отдать себѣ отчета, то не естественнѣе ли совсѣмъ устранить эти внѣшнія для духа вещи, объявить, что матеріальныхъ вещей, строго

[1]) J. Locke «An Essay concerning Human Understanding» B. IV, ch. XI — Of our knowledge of the existence of other things. Sect. 1, 2, 3.

говоря, и не существуетъ, существуютъ только духовныя состоянія. Такое заключеніе и сдѣлалъ Бёркли, и это и было идеалистическою философіею, связанною съ его именемъ. Но нужно было дать обоснованіе этому идеализму, нужно было показать, чѣмъ обусловливаются эти духовныя состоянія. Въ виду этого обоснованія Бёркли вводитъ въ свое ученіе нѣчто новое, чего, строго говоря, у Локка мы не находимъ. По Локку всѣ наши познанія выходятъ изъ «идей», ближайшіе объекты познанія исчерпываются только «идеями» — терминъ, какъ можно опредѣлить согласно съ общимъ духомъ Локкова ученія, психологическій, т. е. предполагающій только указанный выше анализъ, предполагающій, что все знаніе можетъ быть объяснено изъ первичныхъ, въ сущности независимыхъ элементовъ чувства. Бёркли же къ идеямъ, какъ ближайшимъ объектамъ познанія, присоединяетъ еще «понятія» (notions), сначала понятіе духа человѣка о себѣ, а затѣмъ по аналогіи и въ силу принципа причинности понятія духа о другихъ духахъ и также о Божественномъ Духѣ, послѣдней причинѣ и послѣднемъ условіи всякаго познанія, всякихъ духовныхъ состояній и всего существующаго. Терминъ «понятіе» очевидно предполагаетъ вышеуказанный синтезъ, предполагаетъ отчетливое противоположеніе познающаго познаваемому, — и что это дѣйствительно такъ, это доказывается такими встрѣчающимися у Бёркли выраженіями: «слѣдуетъ замѣтить, что такъ какъ всѣ отношенія включаютъ въ себѣ актъ мысли, то собственно нельзя говорить, что мы имѣемъ идею отношеній, скорѣе мы имѣемъ понятіе объ отношеніяхъ или взаимныхъ состояніяхъ между вещами». Такія выраженія напоминаютъ выраженія послѣдующихъ представителей логическаго, какъ можно назвать его, направленія въ философіи, и въ частности въ ученіи о знаніи: по Бёркли человѣку при познаніи не только даются т. ск. отдѣльные атомы чувства, но даются объединенными; вмѣстѣ съ чувственными элементами съ самаго же начала при познаніи обнаруживаются и нѣкоторые раціональные элементы, элементы мысли[1]).

[1]) Сочиненія Бёркли, изданныя проф. Фрэземъ въ 4-хъ томахъ, 1-е изданіе, т. I, 1871 — «A Treatise concerning the Principles of Human Knowledge» sect. 142, стр. 230. Проф. Фрэзеръ въ примѣчаніи къ этому мѣсту замѣчаетъ, что здѣсь находится зародышъ кантизма, русскій же изслѣдователь ученія Бёркли, проф. А. Смирновъ, сомнѣвается въ справедливости

На это уклоненіе особенное вниманіе обратилъ еще Ридъ, его онъ сильно подчеркнулъ [1]); и въ самомъ дѣлѣ, какъ замѣчаетъ проф. Сетъ, «если бы Бёркли занялся анализомъ элементовъ, которые его построительная теорія уже предполагала надъ чувственными идеями и предполагала не выводимыми изъ чувственныхъ идей, можетъ быть не было бы Юма; ибо мы имѣли бы въ такомъ случаѣ сразу раціональный идеализмъ вмѣсто чувственнаго»[2]). Но этого-то и не случилось. Уклоненія Бёркли, хотя и высказываются имъ съ бо́льшею опредѣленностью, чѣмъ это имѣетъ

такого утвержденія — «Философія Бёркли», стр. 76 прим. Однако, быть можетъ, проф. Смирновъ понимаетъ терминъ «зародышъ» слишкомъ широко: дѣйствительно трудно было бы видѣть въ приведенныхъ словахъ Бёркли полный прототипъ ученія Канта объ апріорныхъ формахъ разсудка, но здѣсь во всякомъ случаѣ можно видѣть зародышъ послѣдующаго, близкаго къ Канту, логическаго философскаго направленія. Кромѣ того проф. Смирновъ въ своемъ примѣчаніи не подвергаетъ разбору ссылокъ проф. Фрэзера на одно изъ позднѣйшихъ сочиненій Бёркли — «Siris», а между тѣмъ, какъ можно видѣть изъ многихъ указаній Фрэзера въ его изданіи, а также и изъ словъ ученика Фрэзера, проф. Сета (Scott. Philos., стр. 42), именно въ Siris'ѣ и получили бо́льшее развитіе эти, какъ я назвалъ ихъ, логическіе, въ зародышѣ, элементы въ ученіи Бёркли. Въ связи съ этимъ и дальнѣйшіе аргументы проф. Смирнова, напр. его ссылка на рѣшительный номинализмъ Бёркли, кажутся мнѣ не столь убѣдительными. Въ предисловіи къ «Principles of Hum. Knowl.» и сопоставляя ученія, содержащіяся въ этомъ сочиненіи, съ ученіями въ томъ же Siris'ѣ, проф. Фрэзеръ показываетъ, какъ онъ понимаетъ номинализмъ Бёркли даже и въ раннемъ періодѣ его философствованія — «единственный законный родъ абстракціи», говоритъ здѣсь проф. Фрэзеръ, «есть тотъ, черезъ который мы получаемъ называемое Бёркли *понятіями отношеній* между идеями, какъ отличающимися отъ самихъ идей. И такъ какъ для установленія понятій требуются и *имена*, эта вступительная (въ Трактатѣ о принц. человѣч. знанія) полемика противъ отвергаемыхъ Бёркли абстрактныхъ идей принимаетъ форму того, что называется номинализмомъ» (предисловіе Фрэзера къ Principles of Hum. Knowl. въ I томѣ его изд., стр. 118—119, ср. прим. на стр. 119). Это пониманіе, по крайней мѣрѣ по моему мнѣнію, вполнѣ совмѣстимо съ признаніемъ нѣкотораго, правда еще отдаленнаго, родства Бёркли съ Кантомъ.

[1]) The Works of Th. Reid, т. I — «Essays on the Intellectual Powers of Man», essay II, chapt. XI, стр. 287—292.

[2]) Scott. Philos., стр. 40.

мѣсто у Локка, всеже, особенно въ болѣе раннихъ его сочиненіяхъ, кажутся, какъ и у Локка, не стоящими въ полномъ и точномъ соотвѣтствіи съ господствующимъ духомъ системы, господствующій духъ системы Бёркли остается или могъ казаться остающимся для современниковъ Бёркли и для непосредственно слѣдующаго поколѣнія въ общемъ господствующимъ духомъ Локкова ученія. Отсюда и неудивительно, что Юмъ именно явился, что еще при жизни Бёркли, въ 1739 г., явилось замѣчательное сочиненіе Юма, произведшее переворотъ во всей послѣдующей философіи — «Трактатъ о человѣческой природѣ», сочиненіе, по взгляду самого Юма, во многомъ опирающееся и на ученія Бёркли.

Юмъ (1711—1776) былъ уже шотландцемъ, по сообщенію его біографовъ относившимся къ англичанамъ иногда очень непріязненно[1]), однако къ тому, что обыкновенно называется ученіемъ шотландской школы, его философія имѣетъ только отрицательное отношеніе, она только вызвала это послѣднее ученіе; философія Юма принадлежитъ собственно англійской философіи. Обращаясь къ философскому ученію Юма, необходимо, какъ и по отношенію къ ученію Локка, сдѣлать предварительно оговорку. При оцѣнкѣ Юма, какъ философа, постоянно приходится встрѣчаться съ противорѣчивыми мнѣніями: по мнѣнію однихъ Юмъ является піонеромъ научнаго метода, по мнѣнію же другихъ онъ оказывается скептикомъ, даже философскимъ нигилистомъ. Невольно является вопросъ—какое же изъ этихъ двухъ мнѣній вѣрно? Оба эти мнѣнія можно, какъ кажется, принять какъ вѣрныя въ нѣкоторой степени: все зависитъ отъ того, на основаніи какихъ сторонъ ученія Юма мы будемъ составлять наше сужденіе о немъ. Юмъ былъ представителемъ эмпирическаго направленія въ философіи, онъ, слѣдуя духу того времени въ Англіи, выразившемуся еще въ ученіи Бэкона, старался, особенно съ Локкомъ, а также и съ Бёркли, обезпечить за чувственнымъ опытомъ, какъ источникомъ познанія, и въ философіи, въ философскихъ наукахъ то существенное значеніе, какимъ уже сталъ пользоваться чувственный опытъ въ физи-

[1]) См. напр. рѣзкіе отзывы Юма объ англичанахъ, приводимые Гёкели. Франц. переводъ G. Compayré сочиненія Гёкели о Юмѣ. Парижъ 1880, часть I, гл. II, стр. 53 и слѣд.

ческихъ наукахъ, — естественно отсюда онъ могъ высказать много цѣннаго для метода наукъ. Но кромѣ эмпирическаго направленія, которое, какъ оно выразилось у Локка, находившагося въ этомъ случаѣ подъ нѣкоторымъ вліяніемъ и Декарта, можно еще назвать психологическимъ, есть и другое — логическое направленіе въ философіи; чувственнаго опыта, какъ источника познанія, никоимъ образомъ нельзя отдѣлять отъ другого источника — мысли; — поскольку Юмъ изолировалъ психологическое направленіе и слѣдовалъ только ему, онъ и пришелъ къ скептическимъ положеніямъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ постоянно указываютъ представители логическаго направленія и какъ за послѣднее время стали выражаться и психологи, вѣдь первичные элементы, изъ которыхъ слагается, по ученію психологическаго направленія, все знаніе человѣка, собственныя ощущенія, сами суть чистѣйшія абстракціи. Для того чтобы просто познать эти первичные элементы знанія, необходимо поставить ихъ въ связь съ тѣмъ, кто познаетъ ихъ, а также и съ другими подобными же элементами, т. е. необходимо съ перваго же момента надѣлить ихъ отношеніями, ввести въ познаніе отношенія, нѣкоторые элементы мысли. Юмъ же, при объясненіи познанія, именно старался устранить эти элементы мысли, какъ основные, начальные; исходя изъ того вѣрнаго наблюденія, что въ прежнія времена мысль, благодаря чрезмѣрной вѣрѣ въ себя, допускала познаніе безъ предварительнаго чувственно-опытнаго ознакомленія съ предметами познанія, что мысль т. ск. нерѣдко переоцѣнивала свое участіе при познаніи, Юмъ съ своей стороны какъ бы переоцѣнилъ участіе чувственнаго опыта. Сила стараго суевѣрія (superstition), по выраженію Юма въ болѣе популярномъ его сочиненіи — «Изслѣдованіе о человѣческомъ умѣ»[1]), дѣйствительно была ослаблена, опытныя науки и философія, особенно изъ философскихъ наукъ психологія, несомнѣнно должны были выиграть отъ признанія за чувственнымъ опытомъ такого существеннаго значенія, но односторонность постановки дѣла всеже сказалась, она сказалась въ нѣкоторыхъ скептическихъ положеніяхъ, къ которымъ пришелъ въ концѣ

[1]) «Inquiry concerning Human Understanding», sect. I — по изданію Green'a и Grose'a философскихъ сочиненій Юма нов. изд. 1882, т. IV, стр. 8 и слѣд.

своего ученія Юмъ. Скептицизмъ этотъ не долженъ былъ быть рѣшительнымъ, онъ долженъ былъ быть умѣреннымъ, какъ выражается Юмъ въ томъ же болѣе популярномъ своемъ сочиненіи [1]), но окончательныя положенія Юма всеже во многомъ подвергли сомнѣнію убѣжденія людей, до тѣхъ поръ считавшіяся достовѣрными. И при этомъ ближайшимъ образомъ эта постановка дѣла связана съ разсмотрѣннымъ ходомъ развитія предшествующей философіи: ближайшимъ образомъ Юму удалось только болѣе, чѣмъ его непосредственнымъ предшественникамъ— Локку и Бёркли, привести къ естественному логическому концу положенія, заключавшіяся, какъ мы видѣли, еще въ ученіи Декарта. Въ этомъ и лежитъ особенное значеніе Юма для послѣдующей философіи: необходимость пересмотра основныхъ положеній, приводящихъ къ существеннымъ затрудненіямъ, ясно обнаружилась въ ученіи Юма.

Какія же были главнѣйшія положенія ученія Юма? Вполнѣ принявъ то утвержденіе Бёркли, что внѣшнихъ вещей не существуетъ, а существуютъ только духовныя состоянія, и оставивъ безъ вниманія, что̀ Бёркли говорилъ въ связи съ этимъ утвержденіемъ, Юмъ постарался придать этому утвержденію точную и послѣдовательную съ своей точки зрѣнія форму. По Локку, какъ мы видѣли, существуютъ всеже внѣшнія вещи, какимъ-то образомъ производящія ощущенія въ духѣ людей, Бёркли съ своей стороны для обоснованія своего идеализма представилъ цѣлую теорію существованія духовъ и Божественнаго Духа. Юмъ теперь, въ качествѣ первичныхъ элементовъ познанія, принимаетъ два класса только «перцепцій», какъ выражается онъ, замѣнивъ этимъ терминомъ «идеи» Локка и Бёркли: «впечатлѣнія» и «идеи». Разница между этими двумя классами та, что впечатлѣнія сознаются духомъ съ бо́льшею силою и живостью, идеи суть только ослабленныя впечатлѣнія [2]); впечатлѣнія отсюда собственно и оказываются по Юму первичными, крайними эмпирически данными элементами познанія, за ними не стоитъ ничего, а изъ нихъ, и только изъ нихъ, возникаетъ все дальнѣйшее

---

[1]) Ibidem, sect. XII, part III, стр. 132 и слѣд.

[2]) «A Treatise on Human Nature», Book I, Part I, sect. 1 — по изд. Green'a и Grose'a сочиненій Юма 1882, т. I, стр. 311.

знаніе людей. Но люди всеже убѣждены въ существованіи внѣшнихъ для нихъ вещей, они убѣждены кромѣ того и въ существованіи нѣкоторыхъ необходимыхъ связей между внѣшними предметами, — по Юму всѣ эти убѣжденія не что иное какъ иллюзіи, и Юмъ старается объяснить возникновеніе этихъ иллюзій. Что касается до иллюзіи существованія внѣшнихъ вещей, внѣшнихъ субстанцій, какъ называли ихъ философы, эти иллюзіи обусловливаются по Юму дѣятельностью воображенія, а регуляторомъ здѣсь является разумъ. Имѣя дѣло только съ прерывающимися духовными состояніями и склонное превращать представляющіяся сходства въ полныя тожества, воображеніе, въ силу стремленія не останавливаться въ своей дѣятельности, охотно готово признать, что эти фактически прерывающіяся духовныя состоянія на самомъ дѣлѣ не прерываются, что имъ присуще и независимое отъ познающаго духа существованіе. Но здѣсь и вмѣшивается разумъ: признать существованіе не перципируемыхъ перцепцій съ точки зрѣнія разума невозможно, и такимъ-то образомъ и возникаетъ гипотеза двоякаго существованія внѣшнихъ предметовъ — существованія предметовъ уже не какъ перцепцій, а какъ тожественныхъ, неизмѣнныхъ предметовъ, независимыхъ отъ нашего людскаго познанія, что̀ составляетъ собственно мнѣніе философовъ, и существованія тѣхъ же предметовъ, какъ они являются въ актѣ познанія, взглядъ обыкновенныхъ людей. Для Юма и то и другое мнѣніе невѣрны, для Юма на самомъ дѣлѣ существуютъ только духовныя состоянія, только перцепціи, отличныя другъ отъ друга и отъ чего бы то ни было во вселенной [1]). Далѣе относительно необходимыхъ связей между внѣшними предметами, относительно того, что по убѣжденію людей между внѣшними предметами, а иногда и ими самими и внѣшними предметами, есть причинная связь, Юмъ выражается, что и это убѣжденіе — иллюзія, причинная связь объясняется только привычкою. Люди при своемъ познаніи привыкли встрѣчать постоянную связь между одними своими духовными состояніями и другими, и это постоянство они готовы признать необходимостью. Но необходимаго здѣсь ничего нѣтъ,

[1]) Ibidem, Part IV, sect. 2, passim и разъясненія этихъ мѣстъ Юмова Трактата у Сета Scott. Philos., стр. 58—60 и у А. Смирнова Филос. Бёркли, стр. 136—138.

по крайней мѣрѣ сами люди не въ состояніи открыть причинъ такой необходимости. «Оказывается», говоритъ Юмъ въ своемъ болѣе популярномъ сочиненіи, въ «Изслѣдованіи», во 2-ой заключительной части разсужденія объ идеѣ необходимой связи, «что на отдѣльныхъ примѣрахъ дѣйствія тѣлъ мы совершенно не можемъ, при самомъ тщательномъ изслѣдованіи, открыть что-либо кромѣ слѣдованія одного событія за другимъ.... Таже самая трудность проявляется и при разсмотрѣніи дѣйствій духа на тѣло; мы замѣчаемъ здѣсь, что движеніе тѣла слѣдуетъ за желаніемъ духа, но мы совершенно не въ состояніи замѣтить или понять связь, связывающую движеніе съ желаніемъ, или энергію, въ силу которой духъ производитъ это дѣйствіе.. Всѣ событія кажутся совершенно несвязанными и отдѣльными. Одно событіе слѣдуетъ за другимъ, но мы никогда не можемъ наблюсти какой либо связи между ними. Они кажутся *сопоставленными* (conjoined), но никогда *не соединенными* (connected)», и далѣе Юмъ переходитъ къ указанному объясненію, какъ всетаки возникаетъ иллюзія необходимой связи [1]). Наконецъ, не слѣдуетъ ли подвергнуть подобному же анализу и самый субъектъ познанія, познающее «я», что́ философы называли духовными субстанціями? Только въ концѣ I-й книги своего «Трактата», стало быть въ концѣ всего разсужденія о разумѣ, Юмъ рѣшается всеже произвести свою разлагающую операцію и надъ этимъ послѣднимъ понятіемъ: иллюзія существованія познающаго духа, какъ тожественнаго лично, оказывается обусловливающеюся тою же дѣятельностью воображенія, какъ это было и при иллюзіи существованія тожественныхъ внѣшнихъ вещей [2]). Однако въ «Изслѣдованіи» онъ не повторяетъ этого послѣдняго анализа.

Съ чѣмъ же остается въ концѣ анализовъ Юма философствующій человѣкъ? не остается ли онъ въ концѣ съ чѣмъ-то постоянно измѣняющимся? И вотъ, даже у болѣе послѣдовательнаго и точнаго Юма дѣлаются уступки въ сторону логическаго по нашей терминологіи направленія. Уже въ первомъ сочиненіи Юма, въ «Трактатѣ», въ 1-й еще части I-й книги мы встрѣчаемъ разсужденія объ отношеніяхъ, о томъ, что первоначаль-

---

[1]) Inquiry, sect. VII, part II — по изд. Green'a и Grose'a т. IV, стр. 61.

[2]) Treat. of Hum. Nat. Book I, Part IV, sect. 6 passim.

ныя духовныя состоянія всетаки могутъ быть поставлены въ извѣстныя отношенія другъ съ другомъ, стало быть не вполнѣ независимы другъ отъ друга [1]). Далѣе въ число отношеній же вводится пространство и время, и во 2-й части мы находимъ такую дѣйствительно интересную для Юма фразу: «идеи пространства и времени такимъ образомъ не суть отдѣльныя и отличныя идеи, но просто идеи способа или порядка существованія предметовъ» [2]), идеи, слѣдовательно, для которыхъ нѣтъ соотвѣтствующихъ предшествующихъ впечатлѣній, идеи, обнаруживаемыя мыслью. Затѣмъ, какъ указываетъ проф. Сетъ, и въ разложеніи субъекта познанія, познающаго «я», находится многое, могущее подать поводъ къ упрекамъ въ непослѣдовательности, — то, что изгоняется какъ познающее «я», тутъ же возвращается какъ нѣкоторое другое «я» подъ видомъ памяти или подъ видомъ воображенія [3]). А въ связи съ этимъ въ «Изслѣдованіи» мы находимъ слѣдующее извѣстное мѣсто: «Всѣ предметы человѣческаго разсужденія или изслѣдованія естественно могутъ быть раздѣлены на два класса: *отношенія идей* и *факты*. Къ первому классу принадлежатъ науки — Геометрія, Алгебра и Ариѳметика, словомъ всѣ утвержденія несомнѣнныя или интуитивно или черезъ доказательство... Предложенія этого рода открываются простою операціею мысли и нисколько не зависятъ отъ чего-либо существующаго во вселенной. Хотя бы никогда не существовало круга или треугольника въ природѣ, истины, доказанныя Эвклидомъ, всегда сохранятъ несомнѣнность и очевидность» [4]). И всетаки все это, строго говоря, не вяжется съ основными положеніями Юма. Если взять все его ученіе и если взять, какъ оно выразилось въ его болѣе раннемъ, болѣе обработанномъ научно «Трактатѣ» [5]), всѣ подобныя утвержденія окажутся въ сущности уклоненіями отъ общаго духа Юмова ученія.

---

[1]) Ibidem, Part I, sect. 5 — по изд. Green'a и Grose'a т. I, стр. 322—323.

[2]) Ibidem, Part II, sect. 4 — по изд. Green'a и Grose'a т. I, стр. 346.

[3]) Scott. Phil., стр. 62—63.

[4]) Inquiry, sect. IV, part I, — по изд. Green'a и Grose'a т. IV, стр. 20 — 22.

[5]) О значеніи для философскаго ученія Юма именно его «Трактата», а не «Изслѣдованія», не смотря на слова самого Юма, приведенныя въ началѣ посмертнаго изданія его «Изслѣдованій», ср. предисловіе къ изданію сочиненій Юма Green'a и Grose'a—т. I, стр. V—VII.

Итакъ, для послѣдующихъ философовъ, для философовъ послѣ Юма, представлялась слѣдующая дилемма: или внести въ сознательную жизнь людей нѣкоторое раздвоеніе, рекомендуя имъ практически держаться извѣстныхъ убѣжденій, какъ совершенно несомнѣнныхъ, теоретически же отвергать несомнѣнность и обязательность этихъ убѣжденій, — или же подвергнуть пересмотру основныя положенія непосредственно предшествовавшей философіи, какъ они выразились у Юма. Въ это время и заявила о себѣ собственная такъ называемая философія шотландской школы, философія «здраваго смысла» (common sense), въ лицѣ наиболѣе виднаго представителя, истиннаго, какъ мы говорили, отца шотландской школы, Рида (1710—1796). Ридъ въ своемъ сочиненіи «Изслѣдованіе о человѣческомъ духѣ по принципамъ здраваго смысла», вышедшемъ еще въ 1764 году, первый постарался отвѣтить Юму, первый какъ бы принялъ вызовъ Юма и попытался отвергнуть его скептическія заключенія, а въ своихъ послѣдующихъ «Опытахъ объ интеллектуальныхъ способностяхъ человѣка» (1785 г.) и «Опытахъ о дѣятельныхъ способностяхъ» (1788 г.) повторилъ этотъ отвѣтъ, нѣсколько распространивъ его, но по существу оставивъ тѣмъ-же. Терминъ «философія здраваго смысла», какъ указываютъ всѣ писавшіе о философіи шотландской школы, кажется не совсѣмъ удачнымъ, ибо онъ наводитъ на мысль, будто философы шотландской школы противъ философскихъ мнѣній спеціалистовъ философовъ желали аппеллировать къ мнѣніямъ простыхъ людей, быть можетъ никогда и не слыхавшихъ ничего о философіи. Названіе дѣйствительно не совсѣмъ удачно, но только названіе, такъ какъ, какъ мы будемъ имѣть случай видѣть въ послѣдующемъ, при подробномъ изложеніи философіи Гамильтона, уже и у Рида его основныя положенія не были только положеніями простого здраваго смысла, но здравый смыслъ отожествлялся имъ съ разумомъ, основныя положенія Рида были философскими положеніями. Уже и у Рида его принципы были самымъ глубокимъ образомъ связаны съ главнѣйшими интересами жизни людей вообще, въ силу этого они и могли быть названы принципами «здраваго» (общаго common) смысла, — но и по Риду только философъ открываетъ и указываетъ ихъ, у обыкновенныхъ же людей эти принципы находятся какъ-бы въ скрытомъ состояніи.

Что касается затѣмъ до содержанія ученій Рида, то, такъ какъ это былъ, какъ мы говоримъ, первый отвѣтъ Юму, первый пересмотръ положеній, приведшихъ къ скептическимъ заключеніямъ Юма, то совершенно естественно, что и основные первичные элементы, которые Ридъ положилъ въ основаніе своихъ дальнѣйшихъ построеній, должны были быть иные, нежели у Юма. У Юма первичными элементами, изъ которыхъ слагается все послѣдующее знаніе человѣка, въ сущности были ощущенія, чувственные атомы независимые другъ отъ друга, — элементы, строго говоря, психологическіе, полученные путемъ только анализа генезиса сложныхъ познавательныхъ состояній. У Рида же съ самаго начала вмѣстѣ съ этими психологическими элементами вводятся и элементы синтеза, мысли — логическіе элементы. Ощущеніе, какъ первичный элементъ знанія, остается и у Рида, но ощущеніе само, непроизвольно, вызываетъ или внушаетъ (suggests), какъ выражается еще Ридъ, нѣкоторыя сужденія. Именно, «оказывается несомнѣннымъ фактомъ», говоритъ Ридъ въ «Изслѣдованіи», «что отъ мысли или ощущенія все человѣчество, неизмѣнно и постоянно, отъ самаго перваго разсвѣта рефлексіи, заключаетъ къ силѣ или способности мышленія, или къ тожественному существу или духу, которому принадлежитъ эта способность; и что мы столь же неизмѣнно приписываемъ всѣ разнообразные виды ощущенія и мысли, сознаваемые нами, индивидуальному духу или «я»»[1]), т. е. оказывается, что все наше познаніе уже съ самаго начала включаетъ нѣкоторое сужденіе, противопоставленіе познаваемаго познающему. То же самое, но съ существенными дополненіями, съ другими еще сужденіями, съ другими естественными внушеніями по терминологіи Рида, повторяетъ онъ только нѣсколько далѣе. «Изъ того, что было сказано», читаемъ мы въ концѣ этого же параграфа «Изслѣдованія», «явствуетъ, что существуютъ естественныя внушенія: въ частности ощущеніе внушаетъ представленіе о существованіи въ данное время и вѣру, что воспринимаемое или чувствуемое нами существуетъ въ данное время; память внушаетъ представленіе о прошломъ существованіи и вѣру, что вспоминаемое нами существовало въ прошедшемъ вре-

[1]) The Works of Th. Reid, т. I — «An Inquiry into the Human Mind» chapt. II, sect. 7, стр. 110.

мени; а наши ощущенія и мысли внушаютъ также представленіе о духѣ и вѣру въ его существованіе и въ его отношеніе къ нашимъ мыслямъ. Въ силу подобнаго же естественнаго принципа начало существованія или какая-либо перемѣна въ природѣ внушаетъ намъ представленіе о причинѣ и вынуждаетъ насъ повѣрить въ ея существованіе»[1]). Другими словами, кромѣ противопоставленія познаваемаго познающему, наше познаніе, также съ самаго начала, включаетъ въ себя еще сужденіе объ объективномъ существованіи познаваемаго, а также и сужденія о необходимыхъ связяхъ въ этомъ познаваемомъ существующемъ. То же ученіе, но только въ нѣсколько иномъ видѣ, Ридъ выражаетъ и въ дальнѣйшей своей теоріи естественныхъ знаковъ. Оказывается, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ «наша природа (constitution) понуждаетъ насъ разсматривать ощущеніе какъ знакъ чего-то внѣшняго, находящагося въ постоянномъ соединеніи съ ощущеніемъ»[2]); «что существуетъ классъ естественныхъ знаковъ, которые, хотя бы мы до тѣхъ поръ не имѣли никакого понятія и представленія объ означаемой вещи, внушаютъ ее или вызываютъ какъ бы въ силу какой-то естественной магіи и сразу даютъ намъ представленіе объ означаемой вещи и вызываютъ вѣру въ существованіе ея», и изъ дальнѣйшаго ясно, что этотъ классъ естественныхъ знаковъ есть именно ощущенія[3]). Всѣ эти внушенія, вызываемыя ощущеніями, въ частныхъ, отдѣльныхъ случаяхъ и составляютъ то, что можетъ быть названо у Рида перцепціями, воспріятіями, дѣйствительно первыми ступенями въ нашихъ знаніяхъ, а эти сужденія, на которыя можно смотрѣть какъ на правила, типы, по какимъ образуются перцепціи въ отдѣльныхъ случаяхъ, и носятъ у Рида названіе принциповъ здраваго смысла.

Далѣе, о чемъ же составляетъ познающій сужденіе при ощущеніи, какъ объ объективно существующемъ? Здѣсь Ридъ снова возстановляетъ уже встрѣтившееся намъ ученіе о первичныхъ и вторичныхъ качествахъ матеріи. Въ своихъ «Опытахъ о дѣятельныхъ способностяхъ» онъ говоритъ: «о нѣкоторыхъ

---

[1]) Ibidem, стр. 111.

[2]) Inquiry, chapt II, sect. 9, стр. 114.

[3]) Ibidem, chapt V, sect. 3, стр. 122.

вещахъ мы знаемъ, что такое онѣ сами по себѣ; наше знаніе такихъ вещей я называю *прямымъ*. О другихъ вещахъ мы не знаемъ, что такое онѣ сами по себѣ, но только что онѣ имѣютъ извѣстныя свойства или аттрибуты, или извѣстныя отношенія къ другимъ вещамъ; объ этомъ второмъ родѣ наше знаніе только *относительно*», и далѣе оказывается, что ко второму роду принадлежатъ между прочимъ такъ называемыя вторичныя качества матеріи, къ первому же могутъ быть отнесены и первичныя — фигура, протяженіе, плотность, твердость и т. д. [1]). Т. е., какъ это видно изъ другаго мѣста сочиненій Рида, уже изъ его «Опытовъ объ интеллектуальныхъ способностяхъ», изъ главы, спеціально посвященной первичнымъ и вторичнымъ качествамъ, о первичныхъ качествахъ познающій имѣетъ ясное и отчетливое знаніе, о вторичныхъ же только неясное и смутное. Въ часто повторяющейся у Рида иллюстраціи познанія вторичныхъ качествъ матеріи, познанія запаха розы, познающій долженъ прійти къ заключенію, что въ розѣ есть что-то, какое-то качество, которое вызываетъ ощущеніе запаха, но что такое это что-то — отчетливо онъ не знаетъ, его чувства не даютъ ему сообщеній относительно этого пункта [2]). Это конечно не совсѣмъ то, что у Локка: у Локка идеи первичныхъ качествъ суть прямыя сходства, подобія (resemblances) самихъ качествъ, модели идей дѣйствительно существуютъ въ тѣлахъ [3]), — Ридъ же не говоритъ ни о какихъ сходствахъ самихъ первичныхъ качествъ съ представленіями о нихъ. А затѣмъ всѣ первичныя качества въ сущности сводятся по Риду къ одному главнѣйшему и существеннѣйшему — протяженію. «Слѣдуетъ замѣтить», читаемъ мы еще въ «Изслѣдованіи», «что твердость и мягкость, шероховатость и гладкость, фигура и движеніе — всѣ предполагаютъ протяженіе и не могутъ быть поняты безъ него; однако я думаю, должно съ другой стороны допустить, что если бы мы никогда не ощущали чего-либо твердаго или мягкаго, шероховатаго или глад-

---

[1]) The Works of Th. Reid, т. II — «Essays on the Active Powers» essay I, chapt I, стр. 513—514.

[2]) The Works of Th. Reid, т. I — «Essays on the Intellectual Powers of Man» essay II, chapt XVII, стр. 313—314.

[3]) Ср., напр., J. Locke «An Essay concern. Hum. Underst.» Book II, chapt VIII, sect. 15.

каго, имѣющаго фигуру или движущагося, мы никогда не имѣли бы понятія о протяженіи; такъ что, на сколько есть основаніе полагать, что понятіе протяженія не можетъ быть ранѣе понятій другихъ первичныхъ качествъ, на столько же несомнѣнно, что оно не можетъ быть и позднѣе какого-либо изъ нихъ, — оно необходимо заключается во всѣхъ нихъ»[1]).

Такимъ образомъ ясно, что первичные элементы, положенные Ридомъ въ основаніе его построеній, оказываются иными, нежели у Юма. Но здѣсь есть, какъ указываютъ критики Рида[2]), одинъ сомнительный пунктъ. Вѣдь ощущеніе и у Рида повидимому является имѣющимъ самостоятельное значеніе помимо перцептивнаго отношенія къ внѣшнему предмету; ощущеніе всетаки остается у Рида и, какъ излагается ходъ дѣла, можно подумать, что съ ощущенія процессъ и начинается, перцепція есть уже нѣчто позднѣйшее. Въ такомъ случаѣ, указываетъ проф. Сетъ, «такія ощущенія кажутся носящими въ себѣ подозрительное сходство съ неимѣющими отношеній идеями, противъ которыхъ Ридъ сражается»[3]). У самого Рида въ самомъ дѣлѣ можно найти мѣста, гдѣ онъ настаиваетъ на совершенно самостоятельномъ значеніи въ познаніи ощущеній какъ таковыхъ, принимаетъ напр., что ощущенія могутъ имѣть различныя степени силы и что нѣкоторыя изъ нихъ бываютъ очень сильны и живы и могутъ доставить достаточно удовольствія и страданія,— при такихъ обстоятельствахъ мы уже какъ бы довольствуемся въ познаніи только ощущеніями, не соединяя ихъ съ чѣмъ-либо внѣшнимъ духу[4]). Однако, какъ замѣчаетъ сейчасъ же проф. Сетъ, въ подобныхъ мѣстахъ Ридъ думалъ «не о собственномъ актѣ перцепціи, а о послѣдующемъ актѣ психологическаго анализа или абстракціи»[5]). Съ психологической точки зрѣнія, ради

---

[1]) Inquiry, chapt. V, sect 5, стр. 123.

[2]) A. Seth, Scott. Philos. Lect. III, passim. Также J. McCosh, The Scott. Philos. стр. 211—212.

[3]) Scott. Phil., стр. 89.

[4]) Какъ на одно изъ такихъ мѣстъ можно указать на все заключеніе 9-го параграфа II-ой главы «Изслѣдованія», одну фразу изъ котораго мы привели выше (Inquiry стр. 114).

[5]) Scott. Phil., стр. 90.

цѣлей анализа вполнѣ возможно и даже слѣдуетъ допустить такіе первичные, чисто чувственные элементы, но это не значитъ, чтобы собственно философъ, построяя теорію знанія, долженъ считаться съ этими элементами, собственно ихъ въ отдѣльности онъ, строго говоря, даже и познать не въ состояніи. Съ другой стороны у самого Рида, также еще въ «Изслѣдованіи», въ главѣ о чувствѣ зрѣнія, находятся слѣдующія интересныя мѣста, отмѣчаемыя и проф. Сетомъ: «Когда я вижу какой-либо предметъ, видимость, производимая цвѣтомъ этого предмета, можетъ быть названа *ощущеніемъ*, внушающимъ мнѣ нѣкоторую внѣшнюю вещь, какъ причину ощущенія; но она внушаетъ одинаковымъ образомъ индивидуальное направленіе и положеніе этой причины по отношенію къ глазу. Я точно знаю, что внѣшняя вещь находится въ такомъ-то направленіи» (къ глазу), «а не въ другомъ. Въ то же самое время я не сознаю чего-либо, что могло бы быть названо *ощущеніемъ*» (положенія), «но сознаю только ощущеніе цвѣта. Положеніе окрашенной вещи не есть ощущеніе, но оно по законамъ моей природы представляется духу вмѣстѣ съ цвѣтомъ, безъ какого-либо дополнительнаго ощущенія» [1]). И далѣе: «Кажется, не существуетъ ощущенія, соотвѣтствующаго видимой фигурѣ или тому, что собственно внушаетъ ее. Кажется, фигура внушается непосредственно матеріальнымъ впечатлѣніемъ на» (чувственный) «органъ, впечатлѣніемъ, котораго мы не сознаемъ. И почему бы матеріальное впечатлѣніе на *ретину* не могло внушить видимой фигуры, совершенно такъ же, какъ матеріальное впечатлѣніе, произведенное на руку, когда мы схватываемъ шаръ, внушаетъ дѣйствительную фигуру? Въ одномъ случаѣ одно и то же матеріальное впечатлѣніе внушаетъ и цвѣтъ и видимую фигуру, въ другомъ случаѣ одно и то же матеріальное впечатлѣніе внушаетъ твердость, теплоту или холодъ и дѣйствительную фигуру — все въ одно время» [2]). Другими словами по отношенію къ протяженію, къ познанію фигуръ нѣтъ ощущеній по Риду, это познаніе въ полномъ смыслѣ слова перцептивно. И хотя здѣсь проф. Сетъ находитъ, что Ридъ зашелъ уже слишкомъ далеко, что съ точки зрѣнія психологическаго анализа и тутъ возможно допустить нѣкоторыя какъ бы ощущенія, нѣкоторые

[1]) Inquiry, chapt. VI, sect. 8, стр. 145.

[2]) Ibidem, стр. 146.

первичные чувственные элементы (первоначальные мѣстные знаки), которые, разумѣется, находятся внѣ собственно философской рефлексіи, да и внѣ, строго говоря, точнаго самонаблюденія, но изъ которыхъ, какъ можно и слѣдуетъ предположить по физіологическимъ даннымъ, и составляются эти перцепціи протяженія [1]), — тѣмъ не менѣе эти мѣста еще болѣе подтверждаютъ, что Ридъ въ сущности стоитъ уже на новомъ пути. Ридъ дѣйствительно отвѣчаетъ Юму, съ самаго начала вводитъ въ познаніе элементы синтеза, мысли, сужденія — логическіе элементы.

Приблизительно такихъ же мнѣній держался и ученикъ Рида, профессоръ нравственной философіи въ Эдинбургскомъ университетѣ, шотландецъ же Догальдъ Стьюартъ (1753 — 1828). Стьюартъ замѣнилъ только названіе Рида «принципы здраваго смысла» названіемъ «основные законы человѣческой вѣры» или «первичные элементы человѣческаго разума», и въ своемъ сочиненіи «Элементы философіи человѣческаго духа» онъ разсматривалъ эти законы не въ началѣ, а послѣ разсмотрѣнія отдѣльныхъ способностей [2]). Стьюартъ поступилъ такъ потому, что по его мнѣнію эти положенія «не суть *принципы* или *данныя*, изъ которыхъ можетъ быть выведено какое-либо слѣдствіе, но составляютъ часть тѣхъ первоначальныхъ *основъ* (stamina) человѣческаго разума, которыя одинаково необходимы какъ при всѣхъ научныхъ изслѣдованіяхъ, такъ и при всѣхъ дѣятельныхъ планахъ жизни» [3]). «Эти истины», говоритъ онъ еще, «соединены съ операціями разсуждающей способности болѣе тѣсно, чѣмъ это предполагалось въ общемъ; онѣ соединены не какъ *принципы* (ἀρχαί), отъ которыхъ отправляются наши разсужденія и изъ которыхъ наши разсужденія въ концѣ вытекаютъ, но какъ необходимыя *условія*, съ которыми молчаливо сообразуется каждый шагъ вывода, или еще (если можно употребить такое выраженіе) какъ необходимые элементы, входящіе въ составъ самого разума» [4]). Въ виду такихъ

---

[1]) Scott. Philos., стр. 93 — 95.

[2]) D. Stewart «Elements of the Philosophy of the Human Mind» Vol. II, chapt I, sect. 2 und 3 — по изданію Гамильтона т. III, 1858.

[3]) Elem. of the Phil. of the Hum. Mind — по изданію Гамильтона т. III, стр. 44.

[4]) Ibidem, стр. 47.

опредѣленій Стьюартъ не прочь сопоставить эти основные законы съ математическими аксіомами, и онъ именно находитъ удобнымъ трактовать о нихъ послѣ ученія объ отдѣльныхъ способностяхъ и передъ собственнымъ ученіемъ о выводѣ; ученіе объ этихъ законахъ должно было представить какъ бы нѣкоторое введеніе къ ученію о выводѣ. Термины Стьюарта несомнѣнно болѣе удачны, чѣмъ терминъ Рида, ибо теперь уже конечно трудно дать этимъ положеніямъ толкованіе, которое, какъ мы видѣли, давалось, въ виду названія, принципамъ Рида. А затѣмъ, что касается содержанія этихъ законовъ, ученіе Стьюарта объ этомъ содержаніи можно изложить слѣдующимъ образомъ. Стьюартъ прежде всего утверждаетъ, что въ силу непосредственной очевидности сознанія мы увѣрены въ существованіи въ данное время всѣхъ испытываемыхъ нами въ это время психическихъ состояній, что, напр., въ силу сознанія того, что ощущается теперь, мы увѣрены въ дѣйствительномъ существованіи ощущенія, а также, въ силу этой же очевидности, мы и относимъ эти испытываемыя нами состоянія нѣкоторымъ образомъ (не такъ непосредственно, какъ это имѣетъ мѣсто въ первомъ случаѣ — при увѣренности въ дѣйствительномъ существованіи психическихъ состояній) къ «себѣ», къ субъекту испытываемыхъ состояній [1]). Далѣе Стьюартъ утверждаетъ, что «вѣра, поддерживаемая всѣми людьми въ существованіе матеріальнаго міра (я разумѣю», прибавляетъ здѣсь Стьюартъ, «ихъ вѣру въ существованіе матеріальнаго міра независимо отъ перципирующихъ существъ), и ихъ ожиданіе продолжающагося единообразія законовъ природы принадлежитъ къ тѣмъ же самымъ послѣднимъ или элементарнымъ законамъ мысли, какъ и только что упомянутые», т. е. признаніе существованія психическихъ состояній въ данное время и отнесеніе ихъ къ субъекту [2]). Можно сказать, что эти положенія не такъ полны и не всѣ такъ опредѣленны, какъ у Рида, но конечно въ сущности это — то же Ридовское ученіе. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что отличіе ученій Стьюарта отъ ученій Рида заключалось, какъ между прочимъ указываетъ Макъ Кошъ [3]), въ болѣе опредѣленномъ у Стьюарта,

[1]) Ibidem, стр. 40 — 42.

[2]) Ibidem, стр. 44.

[3]) J. McCosh, The Scott. Philos. стр. 289.

чѣмъ у Рида, мнѣніи, что мы не можемъ познавать ни духа, ни матеріи какъ субстанцій, но что мы познаемъ качества, аттрибуты какъ духа, такъ и матеріи, познаемъ, стало быть, и духъ и матерію т. ск. по частямъ, и познаемъ перцептивно, именно синтетическимъ путемъ — за это и Стьюартъ несомнѣнно стоялъ.

А между тѣмъ на континентѣ за это время появился другой, получившій бо́льшую извѣстность и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе основательный отвѣтъ Юму, отвѣтъ кёнигсбергскаго профессора, знаменитаго германскаго философа Канта (1724 — 1804). Между прочимъ въ русской литературѣ проф. М. Троицкимъ было высказано мнѣніе, что Кантъ, строго говоря, только повторилъ ученія Рида [1]). На это мнѣніе въ русской же литературѣ М. Владиславлевымъ тотчасъ было высказано возраженіе, что Кантъ не могъ только повторить Рида, такъ какъ ихъ ученія различны, и что затѣмъ Троицкій пользовался изложеніемъ ученій Рида В. Кузеномъ въ его сочиненіи «Шотландская философія»; Кузенъ же цитируетъ Рида главнымъ образомъ и въ тѣхъ мѣстахъ, которыми пользовался Троицкій, по «Опытамъ», вышедшимъ позже главнѣйшихъ сочиненій Канта или почти одновременно съ ними («Критика чистаго разума» Канта въ первомъ изданіи появилась на свѣтъ въ 1781 г., «Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ» въ 1783 г., «Критика практическаго разума» въ 1788 г. и «Критика способности сужденія» въ 1790 г.). Троицкій такимъ образомъ своимъ утвержденіемъ впалъ въ анахронизмъ [2]). По поводу этого возраженія Владиславлева слѣдуетъ замѣтить, что до анахронизма въ данномъ случаѣ еще далеко, ибо съ одной стороны Кузенъ и въ тѣхъ мѣстахъ, которыми по словамъ самого Владиславлева пользовался Троицкій, цитируетъ Рида не только по «Опытамъ», но и по «Изслѣдованію», вышедшему гораздо ранѣе главнѣйшихъ сочиненій Канта, съ

---

[1]) М. Троицкій «Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи» 2-ое изд., Москва 1883, т. II, стр. 210 и слѣд.

[2]) Критич. статья М. Владиславлева «Зависимость нѣмецкой философіи отъ англійской» по поводу сочиненія М. Троицкаго. Журн. Мин. Нар. Просв., часть CXXXV 1867, стр. 202 — 203. Владиславлевъ имѣетъ въ виду 1-ое изданіе сочиненія Троицкаго, вышедшее въ 1867 г., но между 1-мъ и 2-мъ изданіями сколько-нибудь существенныхъ различій нѣтъ.

другой же стороны, какъ указано выше и какъ принимаютъ всѣ послѣдніе англійскіе изслѣдователи философіи Рида, его «Опыты», въ противоположность мнѣнію Владиславлева, вовсе не представляютъ собою чего-либо существенно отличнаго отъ его «Изслѣдованія», «Опыты» только повторяютъ, дополняютъ и развиваютъ то же, что, строго говоря, находится и въ «Изслѣдованіи». Отсюда, если даже принять, что Троицкій ученія Рида въ концѣ черпалъ изъ «Опытовъ», вполнѣ возможно, что подобныя же ученія въ сущности онъ могъ найти и въ «Изслѣдованіи»,— тутъ только внѣшній способъ обоснованія Троицкимъ своихъ мнѣній былъ бы не совсѣмъ удачнымъ. И тѣмъ не менѣе нельзя конечно вполнѣ стать на сторону проф. Троицкаго. Ученія Рида и Канта несомнѣнно имѣютъ нѣчто сходное, по духу они подходятъ другъ къ другу, но сказать, что Кантъ только повторилъ ученія Рида конечно невозможно. Рѣшительнымъ аргументомъ противъ такого утвержденія можетъ служить то обстоятельство, что, если бы была хотя малѣйшая возможность установить такую зависимость Канта отъ Рида, англійскіе изслѣдователи несомнѣнно поспѣшили бы воспользоваться такою возможностью, вѣдь для англійскаго національнаго самолюбія было бы очень лестно установленіе подобной зависимости. Между тѣмъ въ англійской литературѣ мы не находимъ даже намека на такое установленіе, напротивъ за послѣднее время проф. Г. Сиджвикъ въ небольшой, но очень обстоятельной статьѣ «Философія здраваго смысла» старался показать, что Кантъ, если и былъ знакомъ съ ученіями Рида, то далеко не совершенно [1]).

---

[1]) Prof. H. Sidgwick «The Philosophy of common sense»—an address delivered to the Glasgow Philosophical Society, Mind, New Series, 1895, v. IV, № 14, стр. 145 — 158. Проф. Сиджвикъ главнымъ образомъ основывался на слѣдующихъ доводахъ: во 1-хъ на томъ обстоятельствѣ, что въ единственномъ мѣстѣ, гдѣ Кантъ ссылается на Рида и гдѣ онъ такъ рѣзко высказывается противъ аппелляціи къ общему человѣческому разсудку (здравому смыслу) (Proleg.—по изданію сочиненій Канта Hartenstein'a т. IV 1867, стр. 6— 7) онъ ставитъ Рида рядомъ съ «Осуольдомъ, Битти и, наконецъ, даже Пристли», что по всей вѣроятности обусловливалось знакомствомъ Канта съ первыми тремя философами только по сочиненію Пристли—«An Examination of Dr. Reid's Inquiry into the Human Mind on the Principles of Common Sense, Dr. Beattie's Essay on the Nature and Immutability of Truth and Dr. Oswald's Appeal to Common Sense in Behalf of Religion 1774», написанномъ главнымъ обра-

Въ чемъ же заключались эти сходныя, какъ мы говоримъ, по духу съ ученіями Рида ученія Канта? Слѣдуетъ прежде всего отмѣтить, что Кантъ вполнѣ раздѣлялъ взглядъ Юма, по которому первичными, крайними эмпирическими элементами познанія должны быть впечатлѣнія, т. е. простыя, самостоятельныя, не заключающія въ себѣ съ самаго начала отношеній чувственныя данныя. Но откуда же въ такомъ случаѣ является у человѣка сознаніе необходимой связи между фактами при познаніи, откуда является признаніе причинной связи между фактами? Если, какъ бы разсуждалъ Кантъ, признаніе необходимыхъ связей, и въ частности причинной связи, само несомнѣнно фактически существуетъ при познаніи, и если съ другой стороны— что̀ уже было показано Юмомъ — это признаніе никоимъ образомъ нельзя отнести на счетъ опытныхъ данныхъ, этихъ первичныхъ, крайнихъ чувственныхъ элементовъ, при такомъ отнесеніи необходимость исчезаетъ, остается только привычка, то слѣдуетъ это признаніе возводить къ другому источнику, къ самому познающему, къ субъекту. Это и есть знаменитая Коперниковская точка зрѣнія Канта, о которой онъ говоритъ въ предисловіи къ 2-му изданію «Критики чистаго разума» (вышло въ 1787 г.)[1]), и сообразно съ этою точкою зрѣнія и построена вся «Критика чистаго разума». «Человѣческая мысль не есть скромная спутница вещей, какъ это предполагалось ранѣе», говоритъ проф. Сетъ, излагая ученія Канта, «наоборотъ объекты, какъ мы знаемъ ихъ, извлекаютъ изъ мысли, какъ изъ центральнаго источника, тѣ принципы разумной связи, которые и дѣлаютъ ихъ познаваемыми»[2]). Прежде всего мы познаемъ объекты, внѣшнія вещи, какъ находящіяся въ пространствѣ, внѣ другъ друга, и состоящими изъ частей, также находящихся въ пространствѣ, — это несомнѣнно относится къ отношеніямъ,

---

зомъ съ теологической точки зрѣнія и по отношенію къ Риду крайне поверхностно, и во 2-хъ на томъ, что если бы Кантъ познакомился болѣе обстоятельно съ ученіями Рида, онъ долженъ бы былъ познакомиться съ Юмомъ не по его «Изслѣдованію», что̀ фактически имѣетъ мѣсто у Канта, а по «Трактату» Юма, противъ котораго собственно и возражалъ Ридъ.

[1]) Kritik der reinen Vernunft — по изданію Hartenstein'a сочиненій Канта т. III, 1867, стр. 18.

[2]) Scott. Philos., стр. 132.

представляющимся съ самаго начала, пространство отсюда не можетъ быть выведено изъ первичныхъ чувственныхъ впечатлѣній, оно должно быть отнесено къ познающей мысли. Точно также чувственныя впечатлѣнія даются въ опытѣ во времени, въ существованіи вмѣстѣ или слѣдованіи другъ за другомъ,— это также отношенія, имѣющія мѣсто съ самаго начала, стало быть также исходятъ изъ познающей мысли. Такимъ образомъ мы получаемъ первую часть «трансцендентальнаго общаго ученія» Критики чистаго разума — «трансцендентальную эстетику», получаемъ двѣ «чистыхъ, апріорныхъ формы» чувственнаго познанія — пространство и время. Затѣмъ далѣе, вѣдь опытныя данныя, первичныя чувственныя впечатлѣнія и при пространствѣ и времени все еще не представляютъ того вида, какой принимаютъ собственно наши познанія: пока нѣтъ даже и намека на объективированіе внѣшнихъ вещей, на признаніе ихъ дѣйствительными постоянными внѣшними вещами, находящимися въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ другъ съ другомъ и тѣмъ не менѣе сохраняющими во всей своей совокупности единство, въ силу чего для познающаго онѣ всетаки представляются единымъ противопоставляющимся ему міромъ. Это — опять таки синтезъ, опять дающія о себѣ знать съ самаго начала при познаніи отношенія, и это опять привносится въ познаніе самимъ познающимъ. Но это уже не будутъ «чистыя, апріорныя формы чувственнаго познанія», это будутъ «чистыя апріорныя формы разсудочнаго познанія» — категоріи, сужденія или принципы (основоположенія) чистаго разсудка, и, наконецъ, предполагающее какъ тѣ и другія, такъ и чистыя формы чувственнаго познанія — единство апперцепціи, и ученіе объ этихъ элементахъ находится у Канта во второй части его «трансцендентальнаго общаго ученія», въ «трансцендентальной логикѣ», въ первомъ отдѣленіи — въ «аналитикѣ понятій» и «аналитикѣ основоположеній».

Всѣ эти указанные элементы познанія по Канту совершенно неразрывны: нельзя изолировать какой-либо изъ нихъ, разобщить отъ всѣхъ остальныхъ, въ результатѣ такого разобщенія получится чистѣйшая абстракція. Даже единство апперцепцій или самосознанія, это познающее «я», въ силу котораго и сообщается познанію единство и которое, казалось бы, болѣе могло быть противопоставлено другимъ элементамъ, даже

и оно по Канту въ сущности проявляетъ себя только благодаря тѣмъ же другимъ элементамъ. Само это «я» можетъ проявить свою дѣятельность только черезъ категоріи, такъ какъ онѣ составляютъ его формы, его функціи, а категоріи въ свою очередь ничто безъ формъ чувственнаго познанія, въ которыхъ даются опытные чувственные элементы, — все здѣсь вполнѣ синтетично. «Положеніе о необходимомъ единствѣ апперцепціи», говоритъ Кантъ, «хотя само тожественно и слѣдовательно аналитично, тѣмъ не менѣе объясняетъ синтезъ даннаго многообразія въ чувственной интуиціи какъ необходимый, а безъ этого синтеза совершенное тожество самосознанія не можетъ быть и мыслимо. Ибо въ «я», какъ простомъ представленіи, не дано никакого многообразія; многообразіе можетъ быть дано только въ чувственной интуиціи, отличной отъ «я», и можетъ мыслиться въ сознаніи черезъ соединеніе. Разсудокъ, въ которомъ черезъ самосознаніе сразу давалось бы многообразіе, имѣлъ бы способность чувственной интуиціи; нашъ разсудокъ можетъ только мыслить и долженъ искать чувственной интуиціи въ чувствахъ. Имѣя въ виду многообразіе представленій, данныхъ мнѣ въ чувственной интуиціи, я сознаю такимъ образомъ собственное тожество, такъ какъ я всѣ такія представленія въ совокупности называю *моими* представленіями, составляющими нѣчто *цѣлое*. А это значитъ сказать, что я a priori сознаю необходимый синтезъ представленій, называющійся первоначальнымъ синтетическимъ единствомъ апперцепціи: подъ этимъ единствомъ стоятъ всѣ данныя мнѣ представленія, но подведены подъ единство должны быть они именно черезъ синтезъ» [1]). И далѣе: «Данное многообразіе въ чувственной интуиціи необходимо находится подъ первоначальнымъ синтетическимъ единствомъ апперцепціи, такъ какъ только черезъ такое единство и возможно единство интуиціи. То же дѣйствіе разсудка, въ силу котораго многообразіе данныхъ представленій (они могутъ быть чувственными интуиціями, могутъ быть и понятіями) вообще подводится подъ апперцепцію, есть логическая функція сужденій. Такимъ образомъ все многообразное, поскольку оно дано въ эмпирическомъ представленіи, *опредѣляется* въ виду какой-либо

[1]) Krit. der rein. Vern. 2-ое изд. — по изд. Hartenstein'a т. III, 1867, стр. 117—118.

изъ логическихъ функцій сужденія, черезъ которую оно именно и вводится въ сознаніе вообще. А категоріи суть не что иное, какъ эти самыя функціи сужденія, по скольку многообразіе въ какомъ-либо данномъ представленіи опредѣляется въ виду ихъ. Отсюда многообразіе въ какомъ-либо данномъ представленіи необходимо подводится подъ категоріи» [1]). И что все это такъ, что при познаніи дѣйствительно имѣетъ мѣсто такой полный синтезъ, вносимый познающею мыслью, — это доказывается Кантомъ особымъ оригинальнымъ образомъ, путемъ, какъ выражается онъ, «трасцендентальнаго вывода» означенныхъ апріорныхъ принциповъ. «Сущность трансцендентальнаго вывода», говоритъ проф. Сетъ, «состоитъ въ доказательствѣ черезъ ссылку на возможность опыта. Трансцендентальный выводъ не предпринимаетъ какого-либо абсолютнаго (или абстрактнаго) доказательства принциповъ или категорій. Онъ не берется показать, что опытъ долженъ быть таковъ, каковъ онъ есть; но, принимая опытъ какъ фактъ, онъ доказываетъ, что у насъ не можетъ быть *такого* опыта безъ наличности нѣкоторыхъ принциповъ. Нѣтъ ничего затруднительнаго и конечно ничего таинственнаго въ доказательствѣ,— это уже давно пользовавшееся уваженіемъ логическое reductio ad impossibile» [2]). «Трансцендентальный выводъ всѣхъ апріорныхъ понятій», говоритъ самъ Кантъ, «имѣетъ принципъ, на который должно быть направлено все изслѣдованіе, именно: эти понятія должны быть признаны апріорными условіями возможности опытныхъ познаній (будутъ ли эти познанія познаніями чувственной интуиціи или мышленія). Понятія, которыя доставляютъ объективное основаніе возможности опыта, именно поэтому необходимы. Указывать же, какъ развивается опытъ, въ которомъ они встрѣчаются, не значитъ выводить ихъ (но только иллюстрировать), такъ какъ вѣдь они могутъ быть тутъ случайно. Безъ этого первоначальнаго отношенія апріорныхъ понятій къ возможному опыту, въ которомъ являются всѣ предметы познанія, совершенно нельзя было бы понять и отношенія этихъ понятій къ какому-либо отдѣльному предмету» [3]).

---

[1]) Ibidem, стр. 122.

[2]) Scott. Philos., стр. 121.

[3]) Krit. der rein. Vern. 2-ое изд. — по изд. Hartenstein'a т. III, 1867, стр. 112.

До сихъ поръ всѣ эти ученія по духу дѣйствительно подходятъ къ ученіямъ Рида, дѣло здѣсь идетъ о той же необходимости введенія синтеза въ познаніе съ самаго начала, о той же необходимости при объясненіи познанія вводить съ самаго начала логическую точку зрѣнія, какъ мы ее назвали, — Кантъ только на самомъ дѣлѣ постарался тверже обосновать эти нововведенія, онъ доказываетъ и остроумно доказываетъ истинность своихъ положеній, тогда какъ Ридъ въ своихъ положеніяхъ о перцепціи скорѣе только просто утверждалъ, что познаніе происходитъ указаннымъ имъ путемъ. Однако, если всмотрѣться въ ученія Канта поближе, окажутся затрудненія, и, если постараться сравнить различныя изложенія имъ этихъ ученій въ «Критикѣ чистаго разума» (въ обоихъ изданіяхъ) и въ «Прелегоменахъ», эти затрудненія могутъ показаться затрудненіями и для самого Канта. На затрудненія эти обратили вниманіе современные англійскіе критики и излагатели Канта — прежде всего шотландецъ Дж. Гётчисонъ Стёрлингъ въ «Руководствѣ къ Канту» и своихъ статьяхъ о Кантѣ (въ американскомъ «Журналѣ спекулятивной философіи» за 1880 г. и въ лондонскомъ журналѣ «Mind» за 1884 и 1885 гг.), а за нимъ тотъ же проф. Сетъ въ томъ же сочиненіи о шотландской философіи, на которое мы уже много разъ ссылались, и въ рецензіи «Руководства къ Канту» Стёрлинга (Mind 1882 г.). И англійскіе критики дѣйствительно имѣли право обратить вниманіе на эти затрудненія, ибо затрудненія эти несомнѣнно отразились на послѣдующемъ ходѣ собственно англійской философіи, они отразились, наприм., на ученіи англійскаго философа, перваго въ достаточной степени ознакомившагося съ ученіями Канта, того философа, изложенію ученій котораго и посвящено настоящее сочиненіе, Гамильтона, и затѣмъ этими же затрудненіями и вообще объясняется, если не появленіе, то усиленіе агностицизма — философскаго міросозерцанія, нашедшаго себѣ много сторонниковъ въ Англіи. Дѣло въ томъ, что, какъ мы указали и въ самомъ началѣ нашего изложенія ученій Канта, Кантъ въ своемъ отвѣтѣ Юму всеже въ концѣ стоялъ на точкѣ зрѣнія Юма. Отсюда онъ старался не радикально пересмотрѣть ученіе Юма, какъ это старался сдѣлать Ридъ, а онъ скорѣе желалъ только нѣсколько дополнить Юмовское ученіе. Познаніе всетаки въ концѣ и у Канта, какъ и у Юма, отправляется отъ впечатлѣній, отъ

простыхъ, независимыхъ чувственныхъ элементовъ, — въ силу этого Кантъ и приписалъ такое преимущественное участіе при познаніи дѣятельности познающаго, отнесъ на долю познающаго всю эту логическую, какъ мы называемъ ее, точку зрѣнія, необходимость при объясненіи познанія вносить синтезъ элементовъ познанія съ самаго начала. Но что же, въ такомъ случаѣ, осталось отъ внѣшняго міра? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Кантъ даетъ въ различныхъ мѣстахъ своей «Критики чистаго разума» ученіе о феноменахъ и ноуменахъ, о явленіяхъ и вещахъ въ себѣ, и въ сущности отвѣчаетъ, что осталось что-то, но что именно — мы, познающіе, сказать совершенно не въ состояніи. Такъ, напримѣръ, въ «общихъ замѣчаніяхъ къ трансцендентальной эстетикѣ» онъ говоритъ: «Мы хотѣли сказать, что всякое наше чувственное представленіе есть не что иное, какъ представленіе явленія; что вещи, которыя мы наблюдаемъ, не таковы сами по себѣ, какъ мы ихъ наблюдаемъ; что и отношенія ихъ не таковы сами по себѣ, какъ они намъ кажутся; и что, если бы мы уничтожили нашъ субъектъ или только субъективное свойство чувствъ вообще, исчезли бы всякое свойство, всѣ отношенія предметовъ въ пространствѣ и времени, даже самое пространство и время, они, какъ явленія, не могутъ существовать сами по себѣ, но только въ насъ. Какова можетъ быть природа у предметовъ самихъ по себѣ и помимо всей этой воспріимчивости нашихъ чувствъ остается для насъ совершенно неизвѣстнымъ. Мы не знаемъ ничего, кромѣ нашего способа воспринимать ихъ, способа, который свойственъ намъ, но не необходимо каждому существу, хотя долженъ быть свойственнымъ каждому человѣку. Съ этимъ способомъ мы только и имѣемъ дѣло... Хотя бы мы могли довести это наше представленіе до высшей степени ясности, мы не приблизились бы черезъ это къ свойству предметовъ самихъ по себѣ. Ибо мы во всякомъ случаѣ познали бы только нашъ способъ познанія чувствами, т. е. познали бы въ совершенствѣ нашу чувственность, и ее только подъ условіями пространства и времени, присущими съ самаго начала субъекту; чѣмъ предметы могли бы быть сами по себѣ, никогда не будетъ извѣстно даже при самомъ ясномъ знаніи самого явленія, которое одно дается намъ» [1]).

[1]) Krit. der rein. Vern. 2-ое изд. — по изд. Hartenstein'a т. III, 1867, стр. 72 — 73.

Тутъ, стало быть, утверждается полное отдѣленіе внѣшняго міра отъ познающаго, утверждается, что о собственномъ внѣшнемъ мірѣ познающій ничего познать не въ состояніи, онъ познаетъ во внѣшнемъ мірѣ только то, что, строго говоря, самъ же влагаетъ въ него. Но можно ли удовлетвориться такими утвержденіями? вѣдь весь ходъ развитія предшествовавшей англійской, да и не только англійской, философіи, какъ мы старались показать, именно состоялъ въ констатированіи этого отдѣленія и стремленіи найти средства избѣжать его. И вотъ первый изъ указанныхъ англійскихъ критиковъ Канта, Стёрлингъ, заканчиваетъ свои статьи о Кантѣ въ Mind'ѣ довольно рѣзкимъ осужденіемъ Канта. Несомнѣнно, по Стёрлингу, въ своемъ возраженіи Юму Кантъ утверждалъ аподиктическую необходимость общаго положенія, то обстоятельство, что въ каждомъ отдѣльномъ примѣрѣ причинности проявляется сила общаго положенія, необходимость для каждой перемѣны обусловливаться причиною. Но такимъ утвержденіемъ, продолжаетъ Стёрлингъ, Кантъ ушелъ не только не дальше Рида, который въ этомъ случаѣ ссылался какъ бы на врожденный первый принципъ, но не ушелъ дальше и самого Юма, — вѣдь и Юмъ въ этомъ случаѣ давалъ объясненіе, онъ ссылался на привычку или на инстинктъ. При разсмотрѣнныхъ обстоятельствахъ, при этомъ совершенномъ отдѣленіи внѣшняго міра отъ познающаго, объясненія Канта, по мнѣнію Стёрлинга, не выше объясненій Юма [1]). А въ своемъ «Руководствѣ къ Канту» Стёрлингъ выражается такъ: Какъ указываетъ самъ Кантъ (въ Пролегоменахъ въ предисловіи), «Юмъ вызывалъ разумъ оправдать свое право на утвержденіе, что нѣчто можетъ имѣть такое свойство, въ силу котораго, черезъ его положеніе, необходимо должно полагаться что-либо другое; и однако просто *выставляемое* самимъ Кантомъ, какъ схема причинности, заключается въ слѣдующемъ — нѣчто такое, при положеніи чего всегда слѣдуетъ что-либо другое. То, что выражено вопросительнымъ образомъ у Юма, просто повторяется утвердительно у Канта. Что Юмъ предлагаетъ Канту, какъ проблему для рѣшенія, Кантъ просто возвращаетъ Юму какъ рѣшеніе» [2]).

[1]) J. Hutchison Stirling «Kant has not answered Hume» 2-я статья, Mind, 1 series, vol X 1885, стр. 71 — 72.

[2]) J. Hutchison Stirling «Text-Book to Kant», Edinburgh 1881, стр. 455 — 456.

И въ самомъ дѣлѣ тутъ несомнѣнно есть затрудненіе, которое было, быть можетъ, затрудненіемъ и для самого Канта. Дѣйствительно, если ограничиться изложеніемъ познавательныхъ ученій Канта только въ «Критикѣ чистаго разума» (въ обоихъ изданіяхъ) можно еще думать, что Кантъ въ сущности держался изложеннаго выше ученія о значеніи апріорныхъ элементовъ при познаніи, хотя тотъ же Стёрлингъ замѣчаетъ, что и въ «Критикѣ» въ отдѣльныхъ мѣстахъ Кантъ не можетъ освободиться отъ *эмпирическаго предписанія* (empirical instruction), какъ называетъ Стёрлингъ, предписанія, идущаго отъ опыта, отъ внѣшнихъ вещей, вызвать въ дѣйствіе ту или другую категорію и такимъ образомъ придать познаніямъ характеръ необходимости[1]). Въ «Пролегоменахъ» же по Стёрлингу Кантъ прямо утверждаетъ, что могутъ составляться знанія, сужденія о внѣшнихъ вещахъ собственно безъ участія апріорныхъ понятій. Мы въ самомъ дѣлѣ находимъ слѣдующее мѣсто въ «Пролегоменахъ»: «Эмпирическія сужденія, насколько они имѣютъ объективное значеніе, суть *опытныя сужденія*; тѣ же, которыя имѣютъ только субъективное значеніе, называю я простыми *сужденіями восприятія* (Wahrnehmungsurtheile). Послѣднія не нуждаются ни въ какомъ чистомъ понятіи разсудка, а только въ логической связи восприятія въ мыслящемъ субъектѣ. Первыя же всегда требуютъ, сверхъ представленій чувственной интуиціи, еще особыхъ, первоначально произведенныхъ въ разсудкѣ, понятій, которыя и дѣлаютъ то, что опытное сужденіе становится имѣющимъ объективное значеніе. Всѣ наши сужденія сперва суть простыя сужденія восприятія; они имѣютъ значеніе только для насъ, т. е. для нашего субъекта, и лишь впослѣдствіи мы даемъ имъ новое отношеніе, именно къ объекту, и хотимъ, чтобы оно имѣло постоянное значеніе какъ для насъ, такъ и для всѣхъ другихъ»[2]). Это мѣсто

[1]) См. указанія J. H. Stirling'a въ статьяхъ въ Journal of Speculative Philosophy, vol. XIV 1880, passim. Ср. также Text-Book, Commentary, passim.

[2]) Proleg. zu jed. künft. Metaph. — по изд. Hartenstein'a т. IV, 1867, стр. 47. Ср. переводъ этого мѣста и примѣчаніе къ переводу J. H. Stirling'a въ прибавленіи къ комментарію къ «Критикѣ чистаго разума»—Text-Book to Kant, стр. 534.

дѣйствительно производитъ впечатлѣніе, что теперь по Канту могутъ образовываться знанія на основаніи только болѣе грубаго опыта, что всѣ наши знанія первоначально имѣютъ только такой грубо-опытный видъ, а въ такомъ случаѣ трудно не согласиться со Стёрлингомъ, что этимъ мѣстомъ Кантъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, ибо ранѣе онъ училъ, что всякій синтезъ, всякое соединеніе, и конечно уже всякое сужденіе, всякая логическая связь въ концѣ должны возводиться къ апріорнымъ разсудочнымъ элементамъ, слѣдовательно въ концѣ должны быть относимы на долю участія въ познаніи мысли, разсудка познающаго. Тутъ, правда, Кантомъ имѣется въ виду, по всей вѣроятности, особая функція, не указанная нами выше — «трансцендентальный синтезъ воображенія» (фигурный, образный синтезъ synthesis speciosa, figurlich), о которомъ онъ говоритъ въ «Критикѣ чистаго разума» въ «аналитикѣ понятій» въ «трансцендентальномъ выводѣ чистыхъ понятій разсудка», но, по крайней мѣрѣ въ этомъ мѣстѣ «Критики», и этотъ синтезъ подчиненъ условіямъ категорій и проявляется сообразно съ категоріями, «какъ первое приложеніе разсудка къ чувственности (основаніе всѣхъ остальныхъ приложеній)» [1]). А затѣмъ, что̀ значитъ, что всѣ наши сужденія сперва имѣютъ только такой, какъ мы говоримъ, грубо-опытный видъ, и только впослѣдствіи, благодаря чистымъ понятіямъ, получаютъ объективное значеніе и всеобщность? не значитъ ли это въ дѣйствительности повторять въ утвердительной формѣ то, что Юмъ высказалъ въ вопросительной? «Употребленіе, къ которому Кантъ дѣйствительно предназначаетъ категоріи», говоритъ проф. Сетъ, развивая возраженія Стёрлинга, «состоитъ просто въ прибавленіи мыслью печати необходимости къ отношеніямъ существующимъ независимо, но о которыхъ, какъ о существующихъ независимо, *говорится*, что они только случайны. Но вѣдь въ обоихъ случаяхъ только слова. Если связь случайна, какъ можетъ какое-либо мое» (познающаго) «дѣйствіе сдѣлать ее необходимою? Если я уже не вижу, что связь необходима, какое имѣю я основаніе называть ее необходимою? Нѣтъ, кажется, никакого другого

[1]) Krit. der rein. Vern. 2-е изд. — по изд. Hartenstein'a т. III, 1867, стр. 126—127.

повода утверждать, что сначала связь случайна, и только затѣмъ необходима, кромѣ того, что иначе категоріи будутъ уже совершенно очевидно лишними». И проф. Сетъ заключаетъ: «Истина, какъ кажется, будетъ въ томъ, что Кантъ колебался между взглядомъ на даваемое чувствами, какъ на хаотическое многообразіе, приводимое въ порядокъ формами и категоріями познающаго индивидуума, и взглядомъ на даваемое чувствами, какъ на многообразіе уже находящееся въ порядкѣ эмпирически, въ которомъ все опредѣленіе принадлежитъ уже объекту, и только просто признается субъектомъ. Только при первомъ взглядѣ субъективный механизмъ категорій можетъ быть дѣйствительно полезенъ, и первая мысль Канта была, что категоріи функціонируютъ именно такъ. Но сила фактовъ — этотъ настоятельный міръ реальныхъ отношеній скоро привели его ко второму положенію, которое и суммировалось въ различеніи, приведенномъ въ «Пролегоменахъ», между сужденіями воспріятія и сужденіями опыта»[1]).

На подобныя критическія замѣчанія, и главнымъ образомъ на замѣчанія Стёрлинга, были сдѣланы возраженія въ защиту Канта другимъ еще англійскимъ излагателемъ и толкователемъ ученій Канта, ученикомъ извѣстнаго профессора Глэзговскаго университета Эдв. Кэрда, такъ много потрудившагося для пропагандированія Кантовыхъ ученій въ Англіи, проф. Дж. Уотсономъ въ книгѣ о Кантѣ и объ его англійскихъ критикахъ. Эти возраженія имѣли цѣлью показать, что всѣ подобныя замѣчанія обусловливаются невѣрнымъ общимъ пониманіемъ философіи Канта. По Стёрлингу, говоритъ, напр., Уотсонъ, излагая ученіе Канта о принципахъ сужденія, «мы должны смотрѣть на *Критику*, какъ на какую-то феноменологію, начертывающую послѣ-

[1]) Scott. Philos., стр. 143—144. Заключеніе повторяется здѣсь Сетомъ изъ его рецензіи «Руководства къ Канту» Стёрлинга — Mind, 1 series, 1882, vol. VII, стр. 275. Что же касается до того, что во 2-мъ изданіи «Критики», вышедшемъ послѣ «Пролегоменъ», всетаки нѣтъ такихъ рѣшительныхъ несогласій съ первымъ положеніемъ, — это объясняется Стёрлингомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ виду присутствія въ «Критикѣ» вообще другого матеріала, совершенно не подходящаго къ новой точкѣ зрѣнія Канта, къ различенію двухъ родовъ сужденій, Кантъ по всей вѣроятности находилъ болѣе удобнымъ не особенно развивать это свое нововведеніе даже и въ новомъ изданіи этого сочиненія — J. H. Stirling, 2-я статья въ Mind'ѣ, 1 series, 1885, vol. X, стр. 62.

дoвательныя фазы, черезъ которыя проходитъ наше знаніе по пути къ необходимой истинѣ. Все наше знаніе сначала оказывается просто непосредственнымъ воспріятіемъ спеціальныхъ фактовъ, приходящихъ къ намъ безъ порядка и связи; только впослѣдствіи, когда мысль приведетъ въ дѣйствіе свои схематизированныя категоріи, необходимость будетъ напечатлѣна на нашихъ перцепціяхъ. Я же наоборотъ утверждаю, что чувство не даетъ знанія объ индивидуальныхъ объектахъ, фактахъ или событіяхъ; что само по себѣ оно не даетъ намъ никакого знанія; и что разсудокъ не внѣшнимъ образомъ налагаетъ необходимость на воспріятія, но что онъ необходимъ для дѣйствительной природы (constitution) познаваемыхъ объектовъ, фактовъ и событій. На *Критику* поэтому я смотрю не какъ на феноменологію, а какъ на метафизику, т. е. какъ на систематическій отчетъ о логически различимыхъ, но тѣмъ не менѣе реальныхъ элементахъ, которые всѣ вмѣстѣ образуютъ наше знаніе въ его цѣлости»[1]). Казалось бы, такое мнѣніе объ ученіи Канта радикально противоположно приведенному выше мнѣнію. И однако у того же Уотсона, въ той же книгѣ о Кантѣ, въ заключительныхъ главахъ, гдѣ дается общая оцѣнка ученій Канта, мы находимъ уже нѣчто другое. Мы находимъ, напр., осужденіе допускаемой Кантомъ противоположности между многообразіемъ, какъ даннымъ, и формами, ведущими свое происхожденіе отъ субъекта. «Такъ какъ каждый актъ реальнаго познанія», говоритъ Уотсонъ, «включаетъ въ себя рефлексію обоихъ элементовъ другъ на друга, мы не можемъ противополагать одинъ элементъ, какъ данный, другому, какъ произведенному. То, о чемъ собственно говорится, что оно дается въ обыкновенномъ знаніи, не есть простой *элементъ* въ знаніи, но *конкретный предметъ*, включающій оба элемента, теперь различаемые философіею. Когда, такимъ образомъ, о конкретныхъ предметахъ можно сказать, что они даются индивидуальному мыслителю, мы не можемъ утверждать, что частный элементъ дается, а общій производится рефлексіею. Съ феноменальной точки зрѣнія оба элемента даны; съ философской — оба, можно сказать, производятся. Если, какъ утверждаетъ Кантъ, познаваемые нами предметы относительны къ нашему сознанію ихъ, знаніе предметовъ и сами познаваемые предметы

[1]) J. Watson «Kant and his English critics», Glasgow 1881, стр. 152—153.

суть только различныя стороны той же самой конкретной реальности, и нѣтъ болѣе никакого вѣскаго основанія противополагать одинъ элементъ знанія другому. Міръ, какъ онъ познается, есть міръ, какъ онъ существуетъ, и предположеніе, что, можетъ быть, можетъ существовать міръ въ себѣ, отличный отъ познаваемаго міра, есть чистый продуктъ абстракціи»[1]). И сейчасъ же вслѣдъ за этимъ Уотсонъ указываетъ на другую, какъ онъ выражается, фазу того же несовершенства у Канта, на противоположеніе Кантомъ *апостеріорнаго* элемента въ познаніи *апріорному*. Только развивъ тѣ же замѣчанія, которыя были приведены имъ ранѣе, такъ какъ это въ дѣйствительности только фаза предыдущаго, а не что-либо новое, Уотсонъ снова называетъ ноуменальный міръ Канта фикціею и говоритъ: «Легко прослѣдить генезисъ этой фикціи. Отвлеките отъ познаваемаго нами міра всѣ познанныя въ немъ отношенія и назовите остатокъ вещью въ себѣ, — и дѣло будетъ сдѣлано. Мы должны устранить предположеніе, что природа нашей познавательной способности недостаточна для познанія нами реальности, какъ не разрѣшенный мыслью Канта остатокъ догматизма, отъ котораго, какъ мы видимъ, онъ все еще не пробудился вполнѣ»[2]). Не ясно ли, что, не смотря на всю предыдущую защиту Канта, и Уотсонъ въ существѣ дѣла стоитъ на точкѣ зрѣнія Стёрлинга? вѣдь и Стёрлингъ ничего не имѣлъ бы противъ того, чтобы отношенія, открываемыя нами во внѣшнемъ мірѣ, не отрывать отъ внѣшняго міра, какъ бы признавать находящимися и въ этомъ мірѣ. То же самое, въ видѣ предположеній, высказываетъ и Сетъ: «Не есть ли», спрашиваетъ онъ, «доказательство безполезности и излишества категорій именно другой способъ выраженія, что, *такъ какъ категоріи уже находятся въ вещахъ*, намъ вовсе не нужно субъективно вводить ихъ? Иначе, данныя, представляющіяся намъ», продолжаетъ Сетъ, «уже заключаютъ въ себѣ различныя формы необходимой и раціональной относительности, дополнять которыя было дѣломъ категорій, какъ субъективныхъ функцій. Если это такъ, дѣло Канта вовсе не было напраснымъ... Какъ субъективныя функціи, категоріи лишни, но только потому,

---

[1]) Ibidem, стр. 332—333.

[2]) Ibidem, стр. 339.

что онѣ существуютъ и въ объектахъ. Въ такомъ случаѣ однако данный элементъ долженъ быть чѣмъ-то очень отличнымъ отъ предполагаемаго Кантомъ вначалѣ; разумъ и необходимость входятъ въ самый составъ даннаго элемента»[1]).

Такимъ образомъ, не смотря на дѣйствительно огромныя заслуги Канта по отношенію къ философіи, не смотря на то, что именно онъ и обосновалъ логическую, какъ мы называемъ ее, точку зрѣнія при объясненіи познанія, что именно онъ болѣе обстоятельно показалъ необходимость вводить въ познаніе съ самаго начала синтезъ, связь, сужденіе, — въ его познавательныхъ ученіяхъ, какъ эти ученія выразились въ его сочиненіяхъ, несомнѣнно существуетъ темная сторона. Кантъ еще слишкомъ находился подъ вліяніемъ традицій предшествовавшаго времени, еще вполнѣ раздѣлялъ взглядъ, что міръ внѣшнихъ вещей и міръ познающаго очень далеко отстоятъ другъ отъ друга, — въ силу этого онъ въ своихъ познавательныхъ ученіяхъ и не примѣнилъ этой, такъ хорошо обоснованной и развитой имъ логической точки зрѣнія тамъ, гдѣ въ ней была особая надобность, не постарался съ помощью ея уничтожить эту обособленность міра внѣшнихъ вещей отъ познающаго. Въ англійской философіи, которая особенно интересуетъ насъ въ настоящее время, эта темная сторона, какъ мы и замѣтили выше, сказалась. Она сказалась въ ученіяхъ Гамильтона, особенно подвергавшихся критикѣ и, быть можетъ, какъ мы увидимъ въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи, на самомъ дѣлѣ заслуживавшихъ критики, она же несомнѣнно и вообще повліяла на широкое распространеніе въ Англіи агностическаго философскаго міровоззрѣнія. А между тѣмъ, что̀ такое въ сущности агностицизмъ, какъ не возвращеніе къ тѣмъ затрудненіямъ, выясненіемъ которыхъ и борьбою съ которыми, какъ мы старались показать, въ значительной степени и обусловливался ходъ развитія англійской философіи въ новое время? Кантъ отсюда, оказывая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ существенную помощь естественному ходу развитія англійской философіи, въ другихъ какъ бы задерживалъ этотъ ходъ, и здѣсь, быть можетъ, дѣйствительно слѣдуетъ, къ чему повидимому склоняется проф. Сетъ, отдать предпочтеніе шотландской школѣ съ ея главнымъ представителемъ Ридомъ передъ

[1]) Scott. Philos., стр. 145.

Кантомъ. У Рида вся постановка дѣла была проще, наивнѣе, чѣмъ у Канта, но зато не такъ легко было, вполнѣ принявъ ученія Рида, возвратиться въ сущности къ старому.

Съ другой стороны въ это же самое время, въ концѣ 18-го и самомъ началѣ 19-го столѣтія, стало вновь заявлять о себѣ въ Англіи и психологическое по нашей терминологіи направленіе въ ученіи о знаніи. Первымъ, старавшимся вновь вызвать къ жизни это направленіе, хотя проводившимъ его не вполнѣ рѣшительно, былъ также шотландецъ, преемникъ Догальда Стьюарта по каѳедрѣ нравственной философіи въ Эдинбургѣ, Броунъ (1778 — 1820). Мы говоримъ, что Броунъ не былъ рѣшительнымъ сторонникомъ психологическаго направленія, такъ какъ на его ученіяхъ, какъ они выразились въ его «Лекціяхъ по философіи человѣческаго духа», изданныхъ уже послѣ его смерти и пользовавшихся весьма большою славою въ Англіи лѣтъ 20-ть послѣ своего появленія, несомнѣнно отразилось вліяніе и дѣйствительныхъ представителей шотландской школы — Рида и Д. Стьюарта. Въ самомъ дѣлѣ, Броунъ въ сущности начинаетъ свои лекціи съ указанія, что существуютъ нѣкоторые наиболѣе важные законы или первоначальныя тенденціи нашей природы, въ силу которыхъ мы неизбѣжно (irresistibly) вѣримъ извѣстнымъ вещамъ. «Мы не только замѣчаемъ», говоритъ Броунъ, «перемѣны, представляющіяся намъ въ какой-либо отдѣльный моментъ, но, замѣчая ихъ, мы непреодолимо понуждаемся вѣрить, что подобныя перемѣны постоянно имѣютъ мѣсто, во всѣхъ подобныхъ обстоятельствахъ, и постоянно будутъ имѣть мѣсто, какъ только будущія обстоятельства будутъ точно схожи съ настоящими Отсюда мы разсматриваемъ событія не какъ случайно предшествующія и послѣдующія, но какъ неизмѣнно предшествующія и послѣдующія, другими словами какъ причины и слѣдствія» [1]). Затѣмъ, «среди разнообразія чувствъ, съ какою бы быстротою перемѣны ни слѣдовали другъ за другомъ, и какъ бы ни казались онѣ противоположными, мы тѣмъ не менѣе имѣемъ наиболѣе несомнѣнное вѣрованіе, что это — тотъ же самый индивидуальный духъ, получающій впечатлѣнія различными путями» [2]). Эти «неизбѣжныя вѣрованія

[1]) Th. Brown «Lectures on the Philosophy of the Human Mind» 19-е изд. Edinburgh 1851, Lect. IX, стр. 51.

[2]) Ibidem, Lect. XI, стр. 67.

очевидно близко подходятъ къ «принципамъ здраваго смысла» Рида и къ «основнымъ законамъ человѣческой вѣры» или «первичнымъ элементамъ человѣческаго разума» Д. Стьюарта, ибо и у Рида, какъ мы припомнимъ, тожество познающаго существа или духа также играло роль въ его «принципахъ», и однимъ изъ «принциповъ» было также сужденіе о причинѣ. Но у Рида существеннымъ «принципомъ» было и сужденіе объ объективномъ существованіи познаваемаго, о томъ, что мы можемъ имѣть знанія, представленія о внѣшнихъ вещахъ, какъ онѣ существуютъ, и здѣсь ученія Броуна представляютъ уже нѣчто другое. «Чему», спрашиваетъ Броунъ, «должны мы приписать сопровождающую наши ощущенія осязанія вѣру во внѣшнюю реальность? Мнѣ кажется», отвѣчаетъ онъ на этотъ вопросъ, «что эта вѣра основывается на чувствѣ сопротивленія, которое, въ своемъ происхожденіи, уже было объяснено какъ мускульное чувство. Это чувство, обнаруживаясь въ привычномъ рядѣ безъ извѣстной причины различія, и комбинируясь съ понятіемъ протяженія, а слѣдовательно и дѣлимости, пріобрѣтенными ранѣе» (выше было показано, что понятіе протяженія есть не что иное, какъ ассоціація чувства послѣдовательности психическихъ состояній — времени съ тѣми же ощущеніями мускульнаго чувства, ощущеніями движенія и простыми ощущеніями осязанія, причемъ чувство послѣдовательности необходимо включало въ себя и понятіе дѣлимости, какъ рядъ частей) «доставляетъ элементы сложнаго понятія, называемаго нами понятіемъ матеріи. Протяженіе, сопротивленіе: — сочетать эти простыя понятія въ нѣчто, что не есть мы сами, и имѣть понятіе матеріи совершенно одно и то же; какъ одно и то же будетъ сочетать голову и шею человѣка съ тѣломъ и ногами лошади и имѣть понятіе о баснословномъ существѣ, носившемъ у древнихъ названіе центавра». И далѣе, чтобы показать справедливость такого объясненія, Броунъ даетъ анализъ чувствъ ребенка: «Дитя протягиваетъ свою руку въ первый разъ въ силу того желанія, которое, не имѣя въ виду какого-либо опредѣленнаго предмета, есть или чистый инстинктъ или нѣчто очень родственное инстинкту. Это движеніе сопровождается извѣстнымъ чувствомъ, — дитя повторяетъ движущее его руку желаніе пятьдесятъ или тысячу разъ, и то же самое появленіе чувства имѣетъ мѣсто въ продолженіе мускульнаго дѣйствія. Въ этомъ повторяющемся

появленіи оно чувствуетъ истину того интуитивнаго положенія, которое въ теченіе всей предстоящей ему жизни будетъ источникомъ всѣхъ его ожиданій и руководителемъ всѣхъ его дѣйствій, — простое положеніе, что за бывшимъ предшествующимъ будетъ слѣдовать бывшее послѣдующее. Наконецъ, дитя опять протягиваетъ свою руку и, вмѣсто привычнаго результата, въ сопротивленіи представляющагося ему нѣкотораго предмета возникаетъ чувство совершенно отличнаго рода, постепенно доходящее, если дитя упорствуетъ въ своемъ волевомъ усиліи, и до жестокаго страданія, прежде чѣмъ дитя на половину выполнитъ дѣлаемое имъ обыкновенно. Существуетъ, стало быть, разница, которая, какъ мы можемъ предположить безъ всякой нелѣпости, будетъ удивлять маленькаго разсуждающаго; ибо ожиданіе сходныхъ послѣдующихъ отъ сходныхъ предшествующихъ можетъ наблюдаться даже въ самыхъ раннихъ его дѣйствіяхъ и есть, по всей вѣроятности, результатъ первоначальнаго закона духа, столь же общаго, какъ и законъ, вызывающій извѣстныя ощущенія зрѣнія и звука, какъ непосредственные результаты извѣстныхъ впечатлѣній на нашъ глазъ или ухо. Для какого либо существа, проникнутаго такимъ образомъ вѣрою въ сходство слѣдствій, отличіе въ послѣдующемъ необходимо предполагаетъ и отличіе въ предшествующемъ. Въ предположенномъ теперь случаѣ однако дитя, пока еще не сознающее ничего кромѣ себя, не сознаетъ и предшествующаго различія; и чувство сопротивленія кажется ему отсюда чѣмъ-то неизвѣстнымъ, имѣющимъ причину въ чемъ-то, что не есть оно само» [1]).

Въ приведенномъ мѣстѣ конечно уже заключается мало сходства съ ученіемъ Рида; такихъ выраженій скорѣе можно бы было ожидать отъ представителей предшествовавшаго психологическаго направленія въ англійской философіи, начиная съ Локка; разница между этими предшествовавшими представителями и Броуномъ заключается только въ томъ, что Броунъ свое собственно аналитическое объясненіе перцепціи внѣшнихъ вещей, свое объясненіе перцепціи изъ первоначальныхъ чисто чувственныхъ элементовъ, изъ комбинаціи, ассоціаціи простыхъ чувственныхъ состояній — мускульныхъ ощущеній, ощущеній послѣ-

[1]) Ibidem, Lect. XXIV, стр. 150

ѣовательности и ощущеній осязанія, объясненіе по «теоріи идей», какъ сказалъ бы Ридъ, поставилъ всетаки въ связь и зависимость отъ положенія, заимствованнаго у Рида, отъ интуитивнаго убѣжденія въ силѣ закона причинности; теорія перцепціи внѣшнихъ вещей Броуна есть, какъ выражается Макъ Кошъ, «теорія перцепціи по заключенію (inferentialism)»[1]). И такое же въ сущности соединеніе взглядовъ психологическаго направленія со взглядами Рида проявилось и на дальнѣйшихъ ученіяхъ Броуна, напр., на очень существенномъ также для его философіи ученіи о способностяхъ «простого» и «относительнаго внушенія» (capacities of simple and relative suggestion). Терминъ «внушеніе» вновь вызываетъ въ мысли ученіе Рида, — и однако у Броуна подъ внушеніемъ разумѣется нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ у Рида. Внушенія у Броуна проявляются не вмѣстѣ съ первыми опытами, но они предполагаютъ уже бывшіе опыты. Это напоминаетъ ученіе объ ассоціаціи идей, о механическомъ соединеніи психическихъ состояній, — и дѣйствительно простыя Броуновскія внушенія суть не что иное, какъ ассоціаціи идей. «Наше воспріятіе или представленіе какого-либо предмета», говоритъ Броунъ, «возбуждаетъ само по себѣ и безъ всякой извѣстной причины, внѣшней духу, представленіе какого-либо другого предмета, какъ напр., когда простой звукъ имени нашего друга внушаетъ намъ представленіе самого друга... Совершенно такое же представленіе могло бы быть вызвано различными другими предшествующими обстоятельствами — видомъ кресла, на которомъ сидѣлъ другъ, книги, которую онъ читалъ намъ, или ландшафта, который онъ нарисовалъ» [2]). Относительныя же внушенія у Броуна представляютъ собою нѣчто болѣе сложное. Самъ Броунъ повидимому не прочь былъ бы и ихъ сблизить съ ассоціаціями идей, но во первыхъ они предполагаютъ непремѣнно присутствіе въ мысли въ данное время двухъ или нѣсколькихъ представленій или образовъ, а затѣмъ въ нихъ проявляется *сравненіе* этихъ представленій, сначала не произвольное, и результатомъ сравненія оказываются чувства сходства, различія, пропорціи, вообще отношеній; такъ, напримѣръ, если привести примѣры Броуна,

---

[1]) McCosh, The Scott. Philos., стр. 334.

[2]) Lect. on the Philos. of the Hum. Mind. Lect. XXXIII, стр. 214.

видя лошадь и овцу, я совершенно невольно чувствую ихъ сходство въ извѣстныхъ отношеніяхъ и несходство въ другихъ отношеніяхъ, такъ же по поводу квадрата гипотенузы прямоугольнаго треугольника я не могу не чувствовать отношенія этого квадрата къ квадратамъ двухъ другихъ сторонъ прямоугольнаго треугольника. Далѣе изъ невольнаго сравненіе можетъ сдѣлаться и произвольнымъ, я могу воспользоваться находящимся въ моемъ распоряженіи матеріаломъ совершенно произвольно, и въ связи съ этимъ Броунъ утверждаетъ еще, что этою же способностью относительнаго внушенія объясняется и способность логическаго сужденія вообще, такъ какъ сужденіе, строго говоря, есть не что иное, какъ чувство отношенія двухъ или нѣсколькихъ предметовъ, разсматриваемыхъ нами вмѣстѣ [1]). Это-то обстоятельство, что Броунъ такимъ образомъ вовсе не противъ и активнаго участія познающаго въ этихъ относительныхъ внушеніяхъ снова подтверждаетъ, что и во внушеніяхъ по Броуну участвуютъ не только чисто эмпирическіе, психологическіе элементы, но что здѣсь принимаютъ участіе и элементы раціональные, другими словами, что и здѣсь Броунъ опять находится подъ нѣкоторымъ вліяніемъ и Рида.

Итакъ, можно сказать, что Броунъ только проложилъ путь возстановленію психологическаго направленія въ Англіи въ ученіи о знаніи, самъ же еще не вполнѣ сталъ на сторону этого направленія, не вполнѣ уклонился отъ ученій собственно шотландской школы. А что онъ сильно симпатизировалъ этому направленію, что складъ его мыслей склонялся въ эту сторону,— это видно изъ того, что и онъ, какъ и великіе предшествовавшіе представители того же направленія — Локкъ, Бёркли, Юмъ, очень много сдѣлалъ собственно для психологическаго анализа. Лекціи Броуна, какъ мы указали, въ первые лѣтъ 20-ть послѣ своего появленія были очень распространены въ Англіи, но затѣмъ ихъ почти совсѣмъ оставили, — объ этомъ слѣдуетъ пожалѣть, ибо собственно психологіи Броунъ несомнѣнно оказалъ большія услуги.

Вполнѣ рѣшительнымъ и убѣжденнымъ возстановителемъ психологическаго направленія въ ученіи о знаніи въ Англіи

---

[1]) Ibidem, стр. 214—215.

оказался послѣ Броуна шотландецъ же, отецъ извѣстнаго англійскаго логика и философа Джона Стюарта Милля, Джемсъ Милль (1773—1836). Въ англійской литературѣ еще въ 1749 г., стало быть всего только 10-ть лѣтъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ «Трактата» Юма, появилось сочиненіе — «Замѣчанія о человѣкѣ, его строеніи, долгѣ и надеждахъ», въ которомъ авторомъ, медикомъ Гёртли, была сдѣлана попытка свести всѣ сложныя психическія состоянія человѣка къ ощущеніямъ, идеямъ ощущеній и ассоціаціямъ между ощущеніями и идеями, причемъ послѣднимъ объясненіемъ здѣсь была теорія вибрацій, движеній мозгового вещества, соотвѣтствующихъ ощущеніямъ и идеямъ [1]). Отдѣльно о Гёртли и объ этомъ сочиненіи мы не говорили выше, такъ какъ, какъ указываютъ и занимавшіеся ученіями Гёртли болѣе подробно, доктринѣ его нельзя отвести особенно важнаго мѣста въ общемъ движеніи философскихъ идей; ея значеніе главнымъ образомъ психологическое, Гёртли оставилъ слѣдъ только въ частной исторіи ученія объ ассоціаціи идей [2]). На это-то сочиненіе въ его психологическихъ частяхъ, помимо теоріи вибрацій, повидимому и обратилъ вниманіе Джемсъ Милль, стараясь затѣмъ дать положеніямъ Гёртли и болѣе широкое философское значеніе, стараясь по возможности доказывать положенія Гёртли, а не высказывать ихъ только догматически, какъ это дѣлалъ самъ Гёртли, причемъ для этой цѣли Джемсъ Милль ставилъ въ связь съ положеніями Гёртли всѣ подходящія предшествовавшія ученія, главнымъ образомъ ученія Локка, Юма, а также и Броуна. Въ результатѣ въ 1829 г. Джемсомъ Миллемъ было выпущено сочиненіе — «Анализъ явленій человѣческаго духа», впослѣдствіи въ 1869 г. изданное вновь съ примѣчаніями его сыномъ при участіи А. Бэна, А. Фейндлэтера и Дж. Грота, также давшихъ свои примѣчанія. Въ «Анализѣ» положительно вся психическая, сознательная жизнь въ концѣ объясняется ассоціаціями, т. е. чисто механическими соединеніями простыхъ чувственныхъ состояній. У Броуна, какъ мы видѣли, всетаки

---

[1]) David Hartley «Observations on man, his frame, his duty and his expectations» въ 2-хъ частяхъ. London 1749.

[2]) Ср., напр., указанія L. Ferri въ его сравнительно очень обстоятельномъ изложеніи ученія Гёртли — «La Psychologie de l'Association» par L. Ferri, Paris 1883, стр. 39.

было нѣкоторое отклоненіе отъ чисто психологическихъ объясненій, Броунъ всетаки допускалъ и интуитивное убѣжденіе въ силѣ закона причинности, — у Джемса Милля всѣ интуитивныя убѣжденія, да даже и всякій синтезъ, всякое соединеніе, долженствующія имѣть мѣсто съ самаго начала при познаніи, оставляются, остаются только простыя чувственно-опытныя состоянія и ихъ механическія комбинаціи. Сама причина, по Джемсу Миллю, есть не что иное, какъ предшествующее, слѣдствіе или исходъ котораго, событіе, случающееся за которымъ, есть послѣдующее. «Я слышу слова на улицѣ», говоритъ онъ въ «Анализѣ», — «*событіе*; кто-либо произноситъ ихъ — *предшествующее*. Въ моемъ домѣ случился взломъ, и мое имущество исчезло — *событіе*; воръ взялъ имущество — *предшествующее*. Это и есть тотъ замѣчательный случай ассоціаціи, въ которомъ комбинація *неразрывна*; случай столь великой важности при объясненіи болѣе таинственныхъ явленій мысли». И далѣе: «Ни въ какомъ примѣрѣ эта неразрывная ассоціація не совершенна болѣе или ея слѣдствія не болѣе важны, какъ въ примѣрѣ ассоціаціи между событіемъ и его предшествующимъ. Мы не можемъ думать объ одномъ, не думая о другомъ. Двѣ идеи навязываются намъ въ одно и то же время; и никакимъ нашимъ усиліемъ онѣ не могутъ быть разъединены. Такъ необходимо, съ самаго перваго момента опыта, мы наблюдаемъ постоянныя соединенія событій, и такъ глубоко заинтересованы мы въ отыскиваніи и познаніи постояннаго предшествующаго для каждаго событія, что ассоціація становится частью нашего существа. Перцепція или идея какого-либо событія тотчасъ же вызываетъ идею его постояннаго предшествующаго: опредѣленнаго и яснаго, если предшествующее извѣстно, — неопредѣленнаго и смутнаго, если оно неизвѣстно. Но идея событія, перемѣны, безъ идеи причины, невозможна. Что причина означаетъ и не можетъ означать ничего иного для человѣческаго духа, кромѣ постояннаго предшествующаго, не можетъ быть болѣе пунктомъ разногласія»[1]). Точно также въ ученіи, въ которомъ Броунъ повидимому также склонялся къ взглядамъ Рида, въ ученіи о сужденіи, Джемсъ Милль также даетъ вполнѣ психологическое объясненіе сужденію. «Сужденіе», говоритъ

[1]) James Mill «Analysis of the Phenomena of the Human Mind», въ изд. Дж. Стюарта Милля Vol. I, 2 edition, London 1878, стр. 351—352.

Джемсъ Милль въ самомъ началѣ той главы о вѣрованіи, изъ которой только что были приведены его разсужденія о причинѣ и слѣдствіи, можетъ быть разсматриваемо, «какъ случай вѣры»[1]), а затѣмъ оказывается, что «всякая вѣра въ событія, за исключеніемъ вѣры въ наши текущія ощущенія и идеи, состоитъ въ комбинаціи идей предшествующаго и послѣдующаго»[2]). Но вѣдь комбинація идей предшествующаго и послѣдующаго, какъ мы подробно видѣли въ приведенныхъ разсужденіяхъ Джемса Милля, не можетъ быть объяснена иначе, какъ ассоціаціею, сопоставлять сужденіе съ такою комбинаціею значитъ и на сужденіе смотрѣть, какъ на ассоціацію, — и дѣйствительно, и сужденіе — познавательный фактъ, казалось бы, совершенно не поддающійся только чисто психологическому объясненію — въ концѣ объясняется исключительно психологически, помощью той же ассоціаціи[3]). Словомъ, мы можемъ повторить, что Джемсъ Милль на самомъ дѣлѣ явился вполнѣ убѣжденнымъ возстановителемъ психологическаго направленія въ Англіи въ ученіи о знаніи, причемъ въ наиболѣе затруднительныхъ случаяхъ, въ качествѣ доказательства, онъ пользовался ссылкою на неразрывную ассоціацію; не даромъ его сочиненіе и носило названіе «*анализъ*» явленій человѣческаго духа. И въ связи съ этимъ относительно него, какъ ранѣе относительно Броуна, слѣдуетъ указать, что собственно съ психологической точки зрѣнія, если имѣть въ виду психологическій анализъ, его «Анализъ» также заключаетъ очень много цѣнныхъ наблюденій и замѣчаній.

Въ это-то время, въ одинъ годъ съ первымъ появленіемъ «Анализа» Джемса Милля, и выступилъ съ своимъ первымъ печатнымъ произведеніемъ Гамильтонъ. Будучи по происхожденію также шотландцемъ, Гамильтонъ, въ противоположность Джемсу Миллю, и въ своихъ философскихъ ученіяхъ прежде всего постарался остаться истиннымъ шотландцемъ, старался философствовать въ духѣ ученій собственной шотландской школы, ученій Рида и Д. Стьюарта. Кромѣ того, еще съ молодыхъ лѣтъ отличаясь большою любовью къ чтенію и изученію книгъ, и въ частности философскихъ книгъ, обнаруживая задатки будущаго

[1]) Ibidem, стр. 342.
[2]) Ibidem, стр. 387.
[3]) Ibidem, стр. 386 и слѣд.

широкаго эрудита по различнымъ отраслямъ знанія и главнымъ образомъ по философіи, какимъ и сдѣлался, Гамильтонъ не могъ не обратить вниманія на ученія Канта и не могъ не замѣтить, что Кантовскія ученія по духу были родственны съ ученіями Рида; эти ученія Канта онъ также постарался ввести въ свои философскія построенія, постарался поставить ихъ въ связь съ ученіями истинной шотландской школы. Такое вниманіе къ Канту было особенно важно для Англіи. Нельзя сказать, чтобы въ Англіи въ то время, въ началѣ 19-го столѣтія, ничего не знали о Кантѣ и не интересовались Кантомъ, но свѣдѣнія объ ученіяхъ Канта, доходившія до англичанъ, были далеко несовершенны. Эти свѣдѣнія были или крайне поверхностны и неточны, какъ это было въ изложеніи и критикѣ Д. Стьюарта ученій Канта въ сочиненіи — «Разсужденіе о прогрессѣ метафизической и этической философіи»[1]), или они были отрывочны, имѣли связь не столько съ самимъ Кантомъ, сколько съ позднѣйшими философами идеалистами, главнымъ образомъ Шеллингомъ, а также и съ новою нѣмецкою изящною литературою, какъ это имѣло мѣсто у Кольриджа[2]). Гамильтонъ же самъ, какъ мы говоримъ, широкій эрудитъ, основательный ученый, долженъ былъ и къ изученію Канта отнестись, насколько это было возможно въ то время, серьезно, и это серьезное отношеніе должно было проявиться въ его сочиненіяхъ и ученіяхъ; Гамильтонъ на самомъ дѣлѣ первый болѣе основательно познакомилъ англійскую публику съ ученіями Канта. Съ другой стороны, принявъ такимъ

---

[1]) D. Stewart «Dissertation on the Progress of Metaphysical and Ethical Philosophy» Part II, sect. 7 — по изд. Гамильтона т. I, 1854, стр. 389—421. По поводу этого изложенія и критики ср. замѣчаніе Макъ Коша (The Scott. Philos., стр. 287), соглашающагося, по его словамъ, съ тѣми, кто сожалѣетъ, что Д. Стьюартъ съ своими несовершенными средствами (при незнаніи нѣмецкаго языка онъ былъ знакомъ съ трудами Канта только по переводамъ и несовершеннымъ извлеченіямъ) всетаки рѣшился излагать и критиковать Канта.

[2]) Относительно Кольриджа см., напр., характеристику его дѣятельности и ученій Г. Геффдинга въ «Исторіи новѣйшей философіи», русск. перев., Спб. 1900, стр. 329—331. Ср. также замѣчанія о Кольриджѣ Haldane'a въ его книжкѣ «James Frederick Ferrier» — Famous Scots Series, Edinb. a. Lond. 1899, стр. 106—107.

образомъ подъ свое покровительство логическое направленіе по нашей терминологіи въ ученіи о знаніи, Гамильтонъ очевидно долженъ былъ считаться и съ представителями противоположнаго, психологическаго направленія; онъ и считался, съ особенною рѣзкостью нападалъ онъ на Броуна. Подобныя нападенія конечно не могли остаться безъ отвѣта, и вотъ уже послѣ смерти Гамильтона блестящимъ тогда представителемъ психологическаго направленія, сыномъ Джемса Милля, Джономъ Стюартомъ Миллемъ въ 1865 г. было выпущено первымъ изданіемъ сочиненіе «Обзоръ философіи Сэра Уилльяма Гамильтона», въ которомъ ученія Гамильтона были подвергнуты суровой, но не всегда справедливой критикѣ. Критика Милля умалила славу Гамильтона, выпавшую ему при жизни и особенно къ концу жизни, но эта же критика для послѣдующей судьбы его ученій была очень существенна. Самый фактъ, что такой блестящій представитель психологическаго направленія обратилъ свое вниманіе на Гамильтона, какъ бы подчеркнулъ его значеніе, какъ бы сдѣлалъ его родоначальникомъ позднѣйшихъ противниковъ психологическаго направленія въ Англіи. Съ личностью и ученіями Гамильтона, а также и т ск. съ обстановкою, какою были окружены его ученія, можно связать такимъ образомъ дальнѣйшее развитіе англійской философствующей мысли, здѣсь, какъ въ нѣкоторомъ центральномъ узлѣ, можно найти начало дальнѣйшихъ нитей, развѣтвленій, — это обстоятельство невольно привлекаетъ вниманіе къ Гамильтону и его ученіямъ. Какъ мы увидимъ далѣе, ученія Гамильтона во многихъ случаяхъ оставляютъ желать весьма многаго, многія изъ нихъ далеко не могутъ быть приняты, — тѣмъ не менѣе для того, кто желалъ бы понять развитіе новѣйшей и самой новѣйшей англійской философіи, трудно обойти эти и связанныя съ ними ученія. За самое послѣднее время, уже къ концу 19-го столѣтія, въ англійской философской литературѣ нерѣдко можно встрѣтить до нѣкоторой степени презрительное отношеніе къ ученіямъ Гамильтона, но не слѣдуетъ забывать, что болѣе старые изъ такихъ презрительно относящихся къ Гамильтону философовъ очень часто были его непосредственными учениками, болѣе же молодые или учились по его сочиненіямъ, или во всякомъ случаѣ имѣли ихъ въ рукахъ и пользовались ими.

Уилльямъ Гамильтонъ родился въ 1788 г. въ Глэзго, гдѣ его отецъ, а ранѣе дѣдъ, были профессорами медиками, именно профессорами анатоміи и ботаники въ Глэзговскомъ университетѣ. Болѣе же отдаленные его предки были лэрдами, рыцарями, баронетами, имѣли большія помѣстья, принадлежали къ союзу пресвитеріанъ (covenant) и сражались за этотъ союзъ; эту свою принадлежность къ такой знатной фамиліи нашъ Гамильтонъ доказалъ впослѣдствіи суду присажныхъ передъ шерифомъ Эдинбурга, въ силу чего ему было присуждено званіе баронета, такъ что англичане въ большинствѣ случаевъ называютъ и цитируютъ его какъ Сэра Уилльяма Гамильтона. Мать Гамильтона принадлежала также къ весьма почтенной, но не столь громкой фамиліи Стёрлинговъ, и ей то онъ и былъ предоставленъ въ заботахъ о своемъ воспитаніи и образованіи, такъ какъ лишился отца въ раннемъ дѣтствѣ. Поучившись нѣсколько въ первоначальныхъ школахъ въ Глэзго, онъ затѣмъ, послѣ посѣщенія въ продолженіе нѣкотораго времени младшихъ латинскихъ и греческихъ классовъ Глэзговскаго университета, былъ отправленъ въ первоначальныя же школы въ Англію, сначала въ Чизункъ, далѣе въ Бромлей, и только по возвращеніи изъ Англіи, въ 1803 г., вступилъ въ Глэзговскій университетъ студентомъ. Повидимому занятія Гамильтона въ Глэзговскомъ университетѣ, какъ по его собственному желанію, такъ и по желанію окружающихъ, главнымъ образомъ матери, должны были быть направлены къ тому, чтобы впослѣдствіи, по примѣру его отца и дѣда, изъ него вышелъ медикъ, почему онъ очень усердно занимался въ Глэзго естественными и медицинскими науками. Однако расположеніе его къ философіи проявилось и въ это время, и особенно въ первую сессію — въ 1803—4 году онъ усердно посѣщалъ лекціи по логикѣ и нравственной философіи, читаемыя профессорами Жардейномъ (Jardine) и сенсуалистомъ Мейлномъ (Mylne) [1]), и даже за участіе въ философскихъ классахъ получилъ высшія

[1]) О Жардейнѣ и Мейлнѣ см. J. McCosh, The Scott. Philos., стр. 316 — 317 и 364 — 367. Что же касается приводимыхъ въ текстѣ біографическихъ свѣдѣній о Гамильтонѣ, свѣдѣнія эти заимствованы главнымъ образомъ изъ сочиненія Вича — «Memoir of Sir William Hamilton», Edinb. a. Lond. 1869; ср. также Th. Spencer Baynes «Sir William Hamilton» — Edinburgh Essays by Members of the University, Edinb. 1856.

награды. Затѣмъ черезъ три года, въ 1806 г., съ тою же цѣлью подготовиться къ предстоящей медицинской дѣятельности онъ переѣхалъ въ Эдинбургъ и зиму 1806—7 г. слушалъ медицинскія лекціи въ Эдинбургскомъ университетѣ, а въ 1807 г. перешелъ въ Оксфордскій университетъ въ Бэлліолъ-Колледжъ. Въ то время при Оксфордскомъ университетѣ состояло нѣсколько учрежденныхъ еще во второй половинѣ 17-го столѣтія шотландцемъ Снеллемъ стипендій для шотландцевъ же, питомцевъ Глэзговскаго университета; этими стипендіями ранѣе воспользовались многіе выдающіеся шотландцы, между прочимъ изъ именъ, получившихъ впослѣдствіи извѣстность въ философской литературѣ — Адамъ Смитъ и Арчибальдъ Элизонъ; одну изъ этихъ стипендій, благодаря своимъ успѣхамъ въ Глэзго, получилъ и Гамильтонъ. Слѣдующій періодъ въ его жизни, который можно назвать Оксфордскимъ, былъ ознаменованъ тѣмъ, что здѣсь повидимому были заложены основанія его послѣдующей изумительной учености, здѣсь особенно ярко проявилась и получила удовлетвореніе отличавшая его и впослѣдствіи любовь къ чтенію и изученію книгъ, и главнымъ образомъ философскихъ книгъ. По крайней мѣрѣ, какъ можно видѣть изъ свидѣтельствъ лицъ, имѣвшихъ возможность наблюдать окончательный экзаменъ Гамильтона въ Оксфордѣ, напр., изъ сохраненнаго однимъ изъ экзаменаторовъ, Гэсфордомъ, перечисленія предложенныхъ имъ книгъ, по которымъ онъ желалъ, чтобы его экзаменовали, число этихъ книгъ далеко превосходило число обыкновенно указывавшихся въ подобныхъ случаяхъ, и превосходило именно обиліемъ философскихъ авторовъ, причемъ, какъ сообщаютъ уже другіе свидѣтели, онъ вполнѣ доказалъ и основательное знакомство со всѣми предложенными имъ сочиненіями.

Оставивъ въ 1810 г. Оксфордъ, Гамильтонъ сталъ сомнѣваться, слѣдуетъ ли ему дѣйствительно посвятить свою дальнѣйшую жизнь медицинѣ, и, послѣ того какъ эти сомнѣнія разрѣшились въ отрицательную сторону, въ 1813 г. сдѣлался адвокатомъ и окончательно переселился въ Эдинбургъ. Какъ адвокатъ онъ не пользовался большою славою и не получалъ большихъ матеріальныхъ выгодъ. Онъ не обладалъ способностью говорить публично съ достаточною легкостью, что конечно особенно важно для адвоката, съ другой стороны онъ и въ адвокатской дѣятельности желалъ преимущественно остаться ученымъ.

брался не столько за выгодныя въ матеріальномъ отношеніи дѣла, сколько за дѣла, въ которыхъ требовалась эрудиція; это были гражданскія дѣла, главнымъ образомъ различные антикварные и родословные случаи. Между прочимъ въ это же время онъ и подыскалъ доказательства своего несомнѣннаго происхожденія отъ древней дворянской фамиліи Гамильтоновъ, и какъ разъ въ 1816 г. ему и было присуждено званіе баронета. Но своимъ пребываніемъ въ судейскомъ сословіи Гамильтонъ съумѣлъ воспользоваться совсѣмъ въ другомъ отношеніи. Въ старомъ парламентскомъ зданіи въ Эдинбургѣ, гдѣ помѣщались судебныя установленія, въ нижнемъ этажѣ находилась извѣстная Библіотека Адвокатовъ, въ которую до тѣхъ поръ почти никто не заглядывалъ, хотя она представляла собою большое собраніе древнихъ, иногда очень рѣдкихъ книгъ и рукописей. На это учрежденіе онъ и обратилъ свое вниманіе, здѣсь онъ и проводилъ бо́льшую часть времени, когда бывалъ въ судѣ, такъ что, быть можетъ, можно сказать, что и въ свою бытность адвокатомъ онъ болѣе занимался наукою и притомъ, по всей вѣроятности, философіею, чѣмъ былъ юристомъ практикомъ. Затѣмъ, въ 1820 г., послѣ смерти Броуна и окончательной отставки Д. Стьюарта, освободилась каѳедра нравственной философіи въ Эдинбургскомъ университетѣ. Только послѣ нѣкоторыхъ колебаній, повидимому по настоянію друзей, Гамильтонъ выступилъ кандидатомъ на эту каѳедру. Назначеніе и избраніе зависѣли отъ городскаго совѣта, которому въ Эдинбургѣ было предоставлено попечительство (patronage) надъ университетомъ и въ силу этого право избранія и назначенія бо́льшей части профессоровъ, и Гамильтонъ представилъ совѣту нѣсколько рекомендацій, преимущественно отъ знавшихъ его и наблюдавшихъ его успѣхи въ Оксфордѣ; въ концѣ и самъ Д. Стьюартъ былъ за него. Тѣмъ не менѣе эти рекомендаціи не помогли: ему былъ предпочтенъ другой кандидатъ, Джонъ Уильсонъ, также адвокатъ, но уже имѣвшій печатныя произведенія, извѣстный какъ поэтъ и публицистъ [1]). Въ то время въ Шотландіи большое значеніе имѣла политика, принадлежность къ той или другой политической партіи; большинство членовъ совѣта принадлежало къ партіи тори, Гамильтонъ же былъ вигомъ; это послѣднее обстоятельство

[1]) Объ Уильсонѣ см. J. McCosh, The Scott. Philos. стр. 410–414.

главнымъ образомъ и было причиною его неудачи. Но неудача не произвела на него сильнаго впечатлѣнія: еще до этого инцидента онъ состоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Уильсономъ, въ такихъ же дружескихъ отношеніяхъ остался и послѣ. Какъ на нѣкоторое вознагражденіе неудачи слѣдуетъ смотрѣть на состоявшееся въ слѣдующемъ, 1821 году назначеніе Гамильтона профессоромъ того же Эдинбургскаго университета по каѳедрѣ всеобщей исторіи (civil history). Назначеніе здѣсь также въ концѣ принадлежало городскому совѣту, но избраніе предоставлено было адвокатамъ (the Faculty of Advocates), и хотя большинство изъ нихъ также были на сторонѣ тори, это на этотъ разъ не помѣшало Гамильтону; повидимому адвокаты лучше знали своего товарища и знали, насколько обязанности профессора подходятъ къ нему. Но слѣдуетъ замѣтить, что это назначеніе во всякомъ случаѣ не могло замѣнить назначенія по нравственной философіи: предметъ всеобщей исторіи былъ необязательнымъ, и жалованіе за преподаваніе его было крайне скудно. Жалованіе состояло всего изъ 100 фунтовъ въ годъ, причемъ уплата была поставлена въ зависимость отъ поступленія мѣстныхъ налоговъ на эль и пиво; эти же налоги въ силу временныхъ затрудненій населенія не всякій годъ поступали исправно, такъ что профессоръ не всякій годъ получалъ даже и 100 фунтовъ. Тѣмъ не менѣе, даже и при такихъ обстоятельствахъ, Гамильтону удавалось дѣлать для этой каѳедры сравнительно много: въ первое время, когда жалованіе платилось болѣе исправно, онъ усердно читалъ лекціи и ему удавалось собирать въ свою аудиторію отъ 30 до 50 слушателей; нѣкоторые изъ нихъ впослѣдствіи отзывались съ большою похвалою объ его лекціяхъ.

1821—1829 гг. Гамильтонъ провелъ главнымъ образомъ въ научныхъ занятіяхъ, пользуясь существующими въ то время въ Эдинбургѣ общественными библіотеками, но пополняя также и свою собственную и вообще производя различныя научныя изысканія. Сохранились указанія, что въ это время, помимо философіи, онъ усердно занимался также и латинскими поэтами новаго времени (15-го, 16-го и 17-го стол.), напр., Бьюкананомъ, производилъ изслѣдованія въ области греческой грамматики, особенное же вниманіе обращалъ на френологію, которая незадолго передъ этимъ заявила о себѣ и въ Эдинбургѣ въ лицѣ Джорджа Комба. Придя къ мысли провѣрить притязанія френологовъ,

Гамильтонъ сталъ производить эту провѣрку главнымъ образомъ экспериментальнымъ путемъ, изслѣдованіемъ главнѣйшихъ положеній френологіи, преимущественно положеній, касающихся функціи мозжечка, а также существованія и объема лобныхъ пазухъ, и въ результатѣ не только пришелъ къ выводамъ, отрицательнымъ для френологіи, но и показалъ, по словамъ своихъ біографовъ [1]), что могъ бы сдѣлаться хорошимъ физіологомъ, если бы вообще ему было возможно посвящать больше времени и интереса этой области знанія. Свои заключенія, идущія противъ френологіи, онъ изложилъ въ 1826 и 1827 гг. въ докладахъ Королевскому Обществу въ Эдинбургѣ и кое-что впослѣдствіи напечаталъ въ Эдинбургскихъ медицинскихъ изданіяхъ и журналахъ; эти печатныя статьи съ незначительными, найденными послѣ его смерти въ его бумагахъ дополненіями были перепечатаны издателями его лекцій, Манзелемъ и Вичемъ, и находятся, въ качествѣ второго, физіологическаго прибавленія, въ I-мъ томѣ этихъ лекцій, причемъ передъ статьями издатели помѣстили сущность его френологическихъ изысканій, какъ сокращеніе немногихъ лекцій, обыкновенно посвящавшихся имъ въ общемъ курсѣ метафизики вопросу о значеніи изученія нервной системы для собственно духовной философіи [2]). Съ другой стороны въ это же время въ Шотландіи и въ Англіи вообще все болѣе и болѣе упрочивалась слава Гамильтона, какъ замѣчательнаго эрудита и вообще интереснаго человѣка; по крайней мѣрѣ какъ

---

[1]) См., напр., указанія W. H. S. Monck'a въ I-ой біографической главѣ его сочиненія о Гамильтонѣ — «Sir William Hamilton» (English Philosophers), Lond. 1881, стр. 5.

[2]) «Lectures on Metaphysics and Logic» by Sir W. Hamilton, edited by the Rev. H. L. Mansel and J. Veitch in four volumes, vol. I, Edinb. a. Lond. (я пользуюсь 7-мъ изданіемъ 1882 г. двухъ первыхъ томовъ — лекцій по метафизикѣ и 1-мъ 1860 г. двухъ послѣднихъ — лекцій по логикѣ, но дальнѣйшія изданія двухъ первыхъ томовъ представляютъ простую перепечатку 1-го изданія 1859 г., точно также какъ и два послѣдніе тома также были перепечатаны еще нѣсколько разъ), Appendix II Physiological, стр. 404—446. Ср. также въ томъ же I-мъ томѣ прим. на стр. 264. Самыя физіологическія лекціи въ томъ видѣ, какъ онѣ читались Гамильтономъ, выпущены издателями, такъ какъ, по ихъ словамъ, частности этихъ лекцій совершенно чужды общему предмету всего курса.

разъ къ этому времени повидимому все учащаются визиты къ нему различныхъ иностранцевъ. Иностранцы эти иногда были учеными людьми, напр., профессорами, иногда же они были просто людьми, интересовавшимися Англіею, англійскими порядками и дѣятелями. Для насъ, русскихъ, интересно отмѣтить завязавшееся какъ разъ въ это время знакомство Гамильтона съ извѣстнымъ впослѣдствіи въ Россіи англоманомъ, графомъ Орловымъ-Давыдовымъ. Въ періодъ около 1826 г., читаемъ мы въ «Запискѣ о Сэрѣ У. Гамильтонѣ» Дж. Вича, «графъ Давыдовъ,— въ настоящее время» (въ 1369 г.) «графъ Орловъ-Давыдовъ, — представитель хорошо извѣстной русской знатной фамиліи, провелъ два или три года въ Эдинбургѣ съ своимъ наставникомъ, мистеромъ Коліаромъ (Colyar), и часто бывалъ съ Сэромъ Уилльямомъ и его братомъ. Молодой графъ унесъ съ собою въ свою родину очень живыя и сильныя впечатлѣнія отъ Эдинбургской общественной жизни и настроеній, и рѣшился, по своемъ возвращеніи въ свои обширныя помѣстья, улучшить насколько возможно положеніе своихъ многочисленныхъ крѣпостныхъ»[1]). Эти отношенія съ графомъ Орловымъ-Давыдовымъ повидимому продолжались и послѣ: по крайней мѣрѣ въ той же «Запискѣ» Вича мы находимъ письмо Гамильтона уже въ 1843 г. къ В. Кузену, съ которымъ онъ находился въ это время въ перепискѣ, и въ этомъ письмѣ Гамильтонъ сообщаетъ Кузену, что онъ направилъ къ нему своего друга графа Давыдова, выдающагося русскаго аристократа, наслѣдника фамиліи Орловыхъ. Въ отвѣтъ на это письмо Кузенъ извѣщаетъ Гамильтона, что онъ видѣлъ графа и познакомился съ нимъ[2]).

Въ 1827 г. мать Гамильтона, которая жила съ нимъ почти все время съ тѣхъ поръ какъ онъ переселился въ Эдинбургъ, умерла, а въ 1829 г. онъ женился на своей кузинѣ, Джанетѣ Маршалль, также уже нѣсколько лѣтъ жившей въ его домѣ и ходившей за его матерью. Между прочимъ благодаря женитьбѣ, именно, по всей вѣроятности, до нѣкоторой степени въ силу вліянія своей супруги, онъ и рѣшился выйти наконецъ изъ своего уединенія, рѣшился выпустить въ свѣтъ результаты своихъ

---

[1]) Memoir of Sir W. Hamilton, стр. 86—87.

[2]) Ibidem, стр. 275—276.

продолжительныхъ и разносторонніхъ чтеній и изысканій, другими словами рѣшился наконецъ начать печататься. Другимъ побудительнымъ обстоятельствомъ, прямо поводомъ къ вызову этой авторской дѣятельности Гамильтона было вступленіе въ это время въ должность редактора журнала «Эдинбургское Обозрѣніе» извѣстнаго тогда ученаго, бывшаго нѣкоторое время также кандидатомъ на занятіе каѳедры нравственной философіи въ Эдинбургскомъ университетѣ передъ назначеніемъ Уильсона, Макъ Вей Нэпира (MacVey Napier). Нэпиръ, другъ Гамильтона, хорошо знавшій его и его знанія, обратился къ нему съ настойчивою просьбою дать для первой книжки «Обозрѣнія» при своемъ редакторствѣ статью по философіи, причемъ указалъ и тему — это была критика вступительной книги «Курса философіи» Виктора Кузена. Гамильтонъ колебался, онъ ни въ какомъ случаѣ не былъ за Кузена, но не желалъ быть вполнѣ и съ его противниками, но Нэпиръ былъ неумолимъ. Въ результатѣ настояній Нэпира, причемъ, какъ мы говоримъ, по всей вѣроятности присоединилось и вліяніе супруги, въ 1829 г., именно въ 1-ой книжкѣ «Эдинбургскаго Обозрѣнія» при новомъ редакторѣ, появилась первая печатная статья нашего философа, полное заглавіе которой было — «О философіи безусловнаго, по поводу ученія Кузена о безконечно-абсолютномъ». Статья произвела впечатлѣніе не столько въ Англіи — для англичанъ она всеже была слишкомъ абстрактна, сколько на континентѣ, особенно во Франціи; самъ Кузенъ, не смотря на заключавшуюся въ ней критику своего ученія, очень заинтересовался ею, съ живостью онъ старался собрать свѣдѣнія о неизвѣстномъ авторѣ (статья, повидимому, не была подписана), а затѣмъ между нимъ и Гамильтономъ установилась дружественная переписка, продолжавшаяся до самой смерти послѣдняго, хотя лично они никогда не встрѣчались. За этою статьею въ томъ же «Эдинбургскомъ Обозрѣніи» послѣдовалъ рядъ другихъ статей Гамильтона не только по философіи, но и по другимъ отраслямъ знанія. Въ 1830 г. была напечатана статья «Философія перцепціи». Въ 1831 г. — «Письма темныхъ людей, германская національная сатира» и двѣ статьи «О положеніи англійскихъ университетовъ, особенно въ отношеніи къ Оксфорду». Въ 1832 г. — «О переворотахъ въ медицинѣ, по поводу Кёллена (Cullen)» и «Переводъ Джонсона учебника исторіи философіи Теннемана». Въ 1833 г. — «Логика, новые англійскіе трактаты

по этой наукѣ» и «Кузенъ о германскихъ школахъ». Въ 1834 г. —«О попечительствѣ и надзорѣ надъ университетами» и «О правѣ диссентеровъ на допущеніе въ англійскіе университеты». Въ 1835 г. — вторая дополнительная статья «О правѣ на допущеніе въ англійскіе университеты диссентеровъ» и «Глухой и нѣмой — исторія ихъ обученія, по поводу сочиненій Дальгарно». Въ 1836 г. —«Объ изученіи математики, какъ предмета, упражняющаго умъ» и «Объ условіяхъ классическаго образованія, по поводу защиты классическаго образованія профессоромъ Пилансомъ (Pillans)». Въ 1839 г. —«Идеализмъ, по поводу схемы идеализма Арчера Колльера». Многія изъ этихъ статей, вскорѣ послѣ своего появленія, были переведены на другіе — нѣмецкій, итальянскій и французскій языки, а всѣ онѣ впослѣдствіи, въ 1852 г., еще при жизни автора, самимъ имъ были переизданы вмѣстѣ подъ заглавіемъ —«Разсужденія о философіи и литературѣ, воспитаніи и университетской реформѣ», причемъ во многомъ были исправлены и дополнены, особенныя дополненія въ концѣ книги были сдѣланы къ статьямъ по философіи и объ университетахъ. Въ 1853 г., также еще при жизни автора, потребовалось 2-ое изданіе, причемъ опять были сдѣланы, хотя уже въ меньшемъ размѣрѣ, добавленія и исправленія, въ 1866 же г., уже послѣ его смерти, появилось 3-е изданіе почти безъ перемѣнъ сравнительно со 2-мъ [1]). Для насъ въ нашемъ сочиненіи особенно важны статьи философскаго содержанія, и изъ нихъ — имѣющая отношеніе къ Кузену, о перцепціи и о логикѣ. Вмѣстѣ съ подготовленіемъ этихъ статей Гамильтонъ не оставлялъ и прежнихъ, ставшихъ для него обычными, разнообразныхъ занятій, особенно физіологическихъ изысканій. Объектами для него преимущественно были его маленькія новорожденныя дѣти, которыхъ онъ, съ самаго ихъ рожденія, взвѣшивалъ отъ времени до времени и которымъ, въ опредѣленные же сроки, измѣрялъ головы съ помощью различныхъ приспособленій, въ виду своихъ изслѣдованій роста тѣла и главнымъ образомъ роста мозга, но онъ не щадилъ и самого себя. Какъ разъ въ 1836 г. имъ былъ сдѣланъ, по сообщенію Вича, опытъ съ принятіемъ внутрь

[1]) Этимъ послѣднимъ изданіемъ я и пользуюсь въ моемъ изложеніи — «Discussions on Philosophy and Literature, Education and University Reform» by Sir William Hamilton, 3 edit., Edinb. a. Lond. 1866.

150 капель морфія, и послѣдовательные результаты опыта записаны въ особой замѣткѣ, также приводимой Вичемъ [1]). Въ этотъ же періодъ, въ 1831 г., онъ получилъ судейское назначеніе — быть повѣреннымъ правительства при распредѣленіи десятиннаго сбора, платимаго въ пользу церкви, охранять правительственные интересы при притязаніяхъ духовныхъ лицъ шотландской церкви на увеличеніе имъ содержанія изъ суммы по десятинному сбору, опредѣленной при реформаціи (the Solicitorship of Teinds или Tithes). Назначеніе было не особенно значительное дѣла было не много — требовалось только бывать одинъ или два раза въ недѣлю въ зданіи Парламента, гдѣ помѣщался судъ, и вознагражденіе было небольшое, но объ этомъ событіи въ жизни Гамильтона всеже слѣдуетъ упомянуть, ибо это было единственное его преуспѣяніе по службѣ при судѣ.

Въ 1836 г. Гамильтонъ наконецъ былъ назначенъ профессоромъ Эдинбургскаго университета по философской каѳедрѣ, но уже не по каѳедрѣ нравственной философіи, а логики и метафизики. Еще въ 1834 г. проф. Мейлнъ, его учитель еще по Глэзговскому университету, задумавъ выйти въ отставку, предложилъ ему занять свое мѣсто — каѳедру нравственной философіи въ Глэзго, но тутъ Гамильтонъ отказался, по всей вѣроятности имѣя въ виду, что скоро будетъ вакантна философская каѳедра и въ Эдинбургѣ. Дѣйствительно, въ 1836 г. старый профессоръ Эдинбургскаго университета по логикѣ и метафизикѣ, Дэв. Ритчи, удалился на покой, и Гамильтонъ тотчасъ же выступилъ кандидатомъ, дѣятельно собирая рекомендаціи въ свою пользу; онъ получилъ рекомендаціи и отъ такихъ извѣстныхъ въ то время европейскихъ философовъ-ученыхъ, какъ В. Кузенъ и Боннскій профессоръ Брандисъ. Избраніе и назначеніе и на этотъ разъ зависѣло отъ городскаго совѣта, но при этомъ избраніи, повидимому, политика не играла роли, нашему кандидату пришлось имѣть дѣло съ другими затрудненіями. Въ совѣтѣ высказывались возраженія, что Гамильтонъ не можетъ быть хорошимъ профессоромъ по философіи, такъ какъ напечатанныя имъ

[1]) Mem. of Sir W. Hamilton, стр. 181—182. Гамильтонъ, какъ ему казалось, обладалъ особымъ свойствомъ — нечувствительностью къ наркотическимъ средствамъ; эту нечувствительность онъ хотѣлъ провѣрить еще принятіемъ морфія въ такой большой дозѣ.

философскія статьи слишкомъ темны и абстрактны, и что онъ не достаточно религіозный человѣкъ, такъ какъ сотрудничаетъ въ такомъ журналѣ, какъ «Эдинбургское Обозрѣніе», гдѣ встрѣчаются не только не ортодоксальныя, но и не христіанскія статьи. Въ основаніи этихъ возраженій лежало, какъ кажется, то обстоятельство, что Гамильтонъ не сдѣлалъ отдѣльныхъ визитовъ избирателямъ, какъ это требовалось традиціею, а онъ между тѣмъ, узнавъ объ этомъ, очень рѣзко заявилъ, что и не намѣренъ дѣлать подобныхъ визитовъ. Послѣ многихъ дебатовъ нашъ кандидатъ всеже восторжествовалъ, онъ былъ избранъ 18-ю голосами противъ 14-ти, причемъ главный его противникъ, Айзекъ Тейлоръ, котораго поддерживали именно за его религіозные взгляды, наоборотъ получилъ 14 голосовъ за и 18 противъ, другіе же противники — упомянутый выше френологъ Комбъ и Макдугалль, бывшій впослѣдствіи профессоромъ нравственной философіи въ томъ же Эдинбургскомъ университетѣ, получили въ свою пользу голосовъ еще меньше; повидимому рекомендаціи Кузена и Брандиса всеже возымѣли въ концѣ свое дѣйствіе. Но со строптивостью, отсутствіемъ искательства у Гамильтона городской совѣтъ не примирился и послѣ. Вскорѣ послѣ своего вступленія въ должность профессора Гамильтонъ поднялъ вопросъ объ уравненіи вознагражденія профессоровъ, преподающихъ словесныя и философскія науки и математику, съ вознагражденіемъ преподающихъ право и медицину и получавшихъ больше, а также по его иниціативѣ уже совѣтомъ Эдинбургскаго университета было возбуждено ходатайство объ открытіи второго, высшаго курса по его каѳедрѣ. Въ обоихъ случаяхъ городской совѣтъ рѣшилъ противъ желаній Гамильтона, и, какъ можно видѣть по ходу дѣла, такія рѣшенія несомнѣнно въ значительной степени обусловливались рѣзкостью, самостоятельностью новаго профессора. Тотчасъ же послѣ своего назначенія (лѣтомъ 1836 г.) Гамильтонъ принялся за составленіе лекцій, на первый разъ по метафизикѣ. Почти никогда не поспѣвая къ сроку, такъ какъ всегда брался слишкомъ широко за дѣло и не сообразовался со временемъ, онъ и здѣсь не поспѣлъ: начало учебной сессіи застало лекціи почти неприготовленными, и, собственно говоря, онѣ составлялись и писались во все время учебнаго года по ночамъ передъ ихъ произнесеніемъ, причемъ жена его сидѣла съ нимъ и служила ему секретаремъ, переписывая написанное

имъ наскоро. Та же участь въ слѣдующемъ 1837—38 учебномъ году постигла лекціи и по продолженію курса — по логикѣ; и эти послѣднія лекціи были составлены и написаны такимъ же путемъ. Лекціи, какъ мы указали выше, были изданы впослѣдствіи, послѣ смерти Гамильтона, Мангелемъ и Вичемъ, причемъ издателями, въ качествѣ прибавленій, было приложено все, имѣющее отношеніе къ предмету лекцій и напечатанное самимъ лекторомъ въ какихъ-либо спеціальныхъ изданіяхъ, а также и вообще все цѣнное, имѣющее отношеніе къ тому же предмету, оставшееся въ бумагахъ лектора и при жизни ненапечатанное. При изложенныхъ обстоятельствахъ на лекціи эти нельзя конечно смотрѣть, какъ на вполнѣ законченное и, по мнѣнію самого автора, вполнѣ удовлетворительное изложеніе его философскихъ взглядовъ. Съ другой стороны, то обстоятельство, что авторъ повторялъ ихъ почти безъ всякихъ измѣненій въ продолженіе почти 20-ти лѣтъ, несомнѣнно говоритъ въ пользу предположенія, что и самъ онъ признавалъ за ними значеніе, считалъ ихъ достаточными для предварительнаго ознакомленія съ своими философскими воззрѣніями. Повидимому у Гамильтона съ самаго начала, когда онъ приступилъ къ исполненію своихъ профессорскихъ обязанностей, явилась мысль, что одно дѣло — преподавать, хотя бы и въ университетѣ, имѣть въ виду въ сущности неподготовленныхъ или мало подготовленныхъ слушателей, и совсѣмъ другое дѣло — выпускать свои ученія въ свѣтъ, расчитывая, что они могутъ попасть и къ болѣе компетентнымъ цѣнителямъ; то, что могло и должно было быть достаточнымъ въ первомъ случаѣ, такъ какъ болѣе детальное прямо было бы непонятно здѣсь, во второмъ случаѣ должно было быть неудовлетворительнымъ. Для выполненія этой своей мысли онъ въ первый же годъ своего преподаванія повидимому и задумалъ, на ряду съ занятіями по составленію и чтенію лекцій, заняться еще редактированіемъ изданія сочиненій Рида, симпатіи къ ученіямъ котораго у него были очень велики. Эта редакція, въ видѣ подстрочныхъ примѣчаній къ самому тексту Ридовыхъ сочиненій, а также и въ видѣ дополнительныхъ разсужденій о различныхъ затрогиваемыхъ Ридомъ философскихъ вопросахъ въ концѣ, должна была представить болѣе детальное и вообще болѣе совершенное изложеніе философскихъ воззрѣній редактора; примѣчанія и дополненія должны были служить для публики прямымъ развитіемъ взгля-

довъ редактора, изложенныхъ еще въ напечатанныхъ имъ философскихъ статьяхъ въ «Эдинбургскомъ Обозрѣніи». Случайнымъ поводомъ здѣсь было предложеніе, сдѣланное Гамильтону еще въ октябрѣ 1836 г. Эдинбургскимъ книгопродавцемъ Тэтомъ, написать предисловіе къ новому изданію сочиненій Рида и пересмотрѣть это изданіе въ корректурѣ; по мѣрѣ того какъ онъ исполнялъ предложеніе, онъ все болѣе и болѣе заинтересовывался работой и лѣто 1837 года, которое долженъ бы былъ употребить на подготовленіе лекцій по логикѣ, почти все провелъ за Ридомъ. Однако этой работѣ не суждено было увидѣть свѣтъ скоро. Гамильтонъ первоначально не договорился съ Тэтомъ о вознагражденіи за свой трудъ; когда же въ 1839 г. возникли разговоры о вознагражденіи, оказалось, что Тэтъ, по мнѣнію Гамильтона, цѣнитъ его трудъ слишкомъ низко. Въ результатѣ нашему философу пришлось взять всю работу обратно, причемъ кое-что было уже отпечатано, такъ что за это отпечатанное пришлось заплатить, а другого книгопродавца, который согласился бы на изданіе, онъ не могъ найти скоро; публикація изданія въ силу этихъ обстоятельствъ отсрочилась на цѣлыхъ семь лѣтъ. Теперь уже, въ годы, непосредственно слѣдовавшіе за 1839-мъ г., Гамильтонъ не такъ рьяно занимался Ридомъ, свободные отъ занятій по приготовленію лекцій промежутки онъ уже посвящалъ не только Риду, но и занятіямъ надъ другими вопросами. Въ то время Шотландію очень сильно интересовалъ церковный вопросъ — имѣетъ ли право общество вмѣшиваться въ дѣла церкви, имѣетъ ли община, представленная мужчинами, главами семействъ, право недопущенія, отказа принять предлагаемаго ей кандидата на духовную должность (the principle of non-intrusion — собственно принципъ противодѣйствія вторженію, принципъ невторженія); это — права народа, по указанію Вича въ его «Запискѣ о Гамильтонѣ», было однимъ изъ пунктовъ, съ которыми связанъ былъ послѣдовавшій затѣмъ расколъ въ шотландской церкви [1]). Гамильтонъ откликнулся между прочимъ и на это движеніе; какъ разъ около того времени, когда произошло раздѣленіе въ шотландской церкви, зимою и весною 1843 г., онъ занялся съ исторической точки зрѣнія и этимъ вопросомъ и выпустилъ брошюру, долженствовавшую быть предостереженіемъ, подъ загла-

[1]) Mem. of Sir W. Hamilton, стр. 268.

віемъ — «Не будьте схизматиками, не будьте мучениками по ошибкѣ — доказательство, что принципъ невторженія не только не есть основной принципъ шотландской церкви, но ниспровергаетъ основные принципы и шотландской церкви и всякаго другого пресвитеріанскаго церковнаго учрежденія»[1]).

Къ 1844 г. относится начало болѣзни Гамильтона, сведшей его въ могилу; именно въ этомъ году съ нимъ случился первый припадокъ паралича, поразившаго правую сторону его тѣла. Умственныя его способности остались неповрежденными, онъ самъ даже находилъ, что его память стала лучше, что̀ онъ объяснялъ меньшимъ по необходимости, чѣмъ прежде, количествомъ доходившихъ до него внѣшнихъ развлеченій, но страданія тѣла были велики. Правая рука сдѣлалась безсильна, правая нога стала дѣйствовать плохо, произношеніе часто бывало не достаточно яснымъ; а ко всему этому нужно прибавить, что теперь онъ все чаще и чаще болѣлъ различными менѣе важными болѣзнями, тогда какъ ранѣе отличался прекраснымъ здоровьемъ. При такихъ обстоятельствахъ самое удобное ему было оставить профессорскія обязанности и удалиться на покой, друзья его совѣтовали ему это и онъ соглашался, но матеріальныхъ средствъ было недостаточно. Нужно сказать, что только сравнительно недавно, всего только въ 1843 г., онъ сталъ получать полное содержаніе по своей каѳедрѣ — около 500 фунтовъ въ годъ, ранѣе же долженъ былъ удѣлять изъ этой суммы 100 фунтовъ своему предшественнику, профессору Ритчи; между тѣмъ увеличивающаяся и подростающая семья требовала расходовъ. Друзья его и сдѣлали попытку обратиться къ правительству, во главѣ котораго тогда только что сталъ лордъ Дж. Рёссель, единомы-

---

[1]) «Be not Schismatics, be not Martyrs by Mistake,—a demonstration that the principle of non-intrusion, so far from being fundamental to the Church of Scotland, is subversive of the fundamental principles of that and every other Presbyterian Church Establishment» 1843. Эта брошюра была издана совершенно отдѣльно и потому не вошла въ указанное выше переизданіе самимъ Гамильтономъ статей его изъ «Эдинбургскаго Обозрѣнія» (Discussions on Philosophy etc.). Она имѣла успѣхъ и выдержала нѣсколько изданій, — между прочимъ самъ Гамильтонъ въ одномъ мѣстѣ только что упомянутаго переизданія своихъ статей ссылается на нее уже въ 3-мъ изданіи (Disc. стр. 509—510).

шленникъ Гамильтона по политическимъ убѣжденіямъ, также принадлежавшій къ партіи виговъ, съ просьбою о назначеніи пенсіи, которая дала бы ему возможность оставить службу въ университетѣ; но рѣзкость Гамильтона, какъ кажется, и здѣсь испортила дѣло. Рёссель на первый разъ предложилъ 100 фунтовъ въ годъ, но нашъ философъ отвѣтилъ на предложеніе такимъ образомъ, что и 100 фунтовъ не были даны. Въ сущности онъ соглашался принять предложенную пенсію только при томъ условіи, что не будетъ никакой публикаціи о назначеніи, такъ какъ, если бы такая публикація появилась, этимъ государство, по его мнѣнію, всенародно признало бы, что оно и оцѣниваетъ его заслуги такъ низко, а никто, по его выраженію, не можетъ поставить его ниже другихъ съ писшими правами. Въ результатѣ ни въ 1846 г., когда было возбуждено ходатайство, ни въ непосредственно слѣдующихъ годахъ пенсія не была назначена Только уже въ 1849 г., опять таки по хлопотамъ друзей, дѣло было улажено такимъ образомъ, что 100 фунтовъ пенсіи были назначены его женѣ, причемъ никакихъ прибавленій въ слѣдующіе годы не было, — мужъ же остался на службѣ. Но конечно исполнять профессорскія обязанности какъ слѣдуетъ Гамильтонъ уже не былъ въ состояніи. Съ большимъ трудомъ добирался онъ, когда могъ, до своей аудиторіи, но прочитывать всю лекцію по большей части ему было уже не подъ силу. Значительная часть лекціи прочитывалась ассистентомъ, и вообще можно сказать, что занятія, строго говоря, велись ассистентомъ, самъ же профессоръ только наблюдалъ и въ нѣкоторой степени руководилъ. Умственныя способности Гамильтона однако остались, какъ мы говоримъ, неповрежденными, — и дѣйствительно, въ это тяжелое время своей жизни онъ также старался заниматься и отъ времени до времени давалъ доказательства своихъ занятій. Такъ, въ концѣ 1846 г. вышло въ свѣтъ наконецъ изданіе сочиненій Рида. Здѣсь, правда, главныя занятія были ранѣе: изданіе вышло далеко не въ законченномъ видѣ, изъ дополнительныхъ разсужденій, прибавленныхъ въ концѣ редакторомъ, 7-е (D***— «очеркъ теоріи умственнаго воспроизведенія, внушеніе или ассоціація») было начато еще до болѣзни, затѣмъ перервано и въ такомъ перерванномъ видѣ (начатая фраза даже была не окончена) и появилось въ печати; тѣмъ не менѣе наблюденіе за печатаніемъ несомнѣнно требовало нѣкотораго умственнаго напря-

женія. Впослѣдствіи, въ 1863 г., уже послѣ смерти Гамильтона, изданіе было переиздано подъ редакціею Манзеля, и тогда-то оно и приняло свой теперешній видъ: много дополнительныхъ разсужденій (болѣе 20-ти) было прибавлено изъ замѣтокъ, найденныхъ въ бумагахъ Гамильтона, а кое-что наоборотъ было выпущено и вошло затѣмъ въ изданіе другихъ его сочиненій. Послѣднее, напр., случилось съ извлеченіемъ изъ его плана «Опыта новой аналитики логическихъ формъ», помѣщеннымъ затѣмъ въ числѣ другихъ замѣтокъ въ одномъ изъ прибавленій ко II-му тому его лекцій по логикѣ (IV-му тому лекцій Гамильтона вообще)[1]). Далѣе, въ это же время, начиная съ 1847 г., Гамильтонъ много занимался Лютеромъ и лютеранствомъ. Еще въ своей первой статьѣ «О правѣ диссентеровъ на допущеніе въ англійскіе университеты» (въ Эдинбургск. Обозрѣніи 1834 г.) ему пришлось затронуть Лютера и высказать, что наиболѣе смѣлыя раціоналистическія нападенія на религію вообще связаны именно съ Лютеромъ. Такое мнѣніе объ ученіяхъ Лютера вызвало тщательно обработанную критику со стороны архидіакона Гэра (archdeacon Hare) въ его, вышедшемъ въ 1846 г., сочиненіи — «Миссія Утѣшителя (The Mission of the Comforter)». Въ свою очередь критика Гэра возбудила и Гамильтона, и вотъ именно съ 1847 г. въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ усердно занимался Лютеромъ. Какъ сообщаетъ въ своей «Запискѣ» Вичъ, Гамильтонъ оставилъ въ своихъ бумагахъ массу распредѣленныхъ по различнымъ рубрикамъ замѣтокъ о Лютерѣ и его ученіяхъ, и Вичъ приводитъ схему распредѣленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и извлеченіе изъ рукописи, составлявшей повидимому часть предположеннаго введенія къ спеціальному труду о Лютерѣ[2]).

---

[1]) Extract from Prospectus of «Essay towards a New Analytic of Logical Forms» — Lectures on Metaph. and Logic, vol. IV, Appendix V, стр. 249—252; ср. также часть этого извлеченія, напечатанную самимъ Гамильтономъ съ собственною замѣткою во II-мъ логическомъ прибавленіи къ «Разсужденіямъ» — Discussions, Appendix II Logical, стр. 646—647. Относительно же переизданія подъ редакціею Манзеля изданія сочиненій Рида слѣдуетъ указать, что послѣ 1863 г. переизданіе это было нѣсколько разъ перепечатано; я пользуюсь, какъ и указывалъ выше, 8-мъ изданіемъ, 1880 г.

[2]) Mem. of Sir W. Hamilton, стр. 330—336. Основная идея Гамильтона состояла, какъ кажется, въ томъ, что положительныя качества Лютера

Однако всѣ эти замѣтки такъ и остались замѣтками; только очень немногое (главнымъ образомъ критика Гэра) вошло въ новую переработку самимъ Гамильтономъ первой его статьи «О правѣ на допущеніе въ англійскіе университеты диссентеровъ»[1]). Затѣмъ, какъ и было указано выше, въ 1852 и 1853 гг., при собственномъ участіи Гамильтона и подъ его наблюденіемъ, вышли два изданія его «Разсужденій», представлявшихъ переработку и дополненія къ статьямъ, появившимся въ первый разъ въ «Эдинбургскомъ Обозрѣніи». Наконецъ, въ томъ же 1853 г., Гамильтонъ, по просьбѣ опекуновъ дочери Догальда Стьюарта, взялся за редактированіе полнаго собранія сочиненій названнаго профессора. Трудъ былъ не особенно великъ, такъ какъ здѣсь редакторъ уже почти не помѣщалъ подстрочныхъ примѣчаній, какъ это онъ дѣлалъ при изданіи сочиненій Рида, а дополнительныхъ разсужденій редактора въ этомъ изданіи и совсѣмъ нѣтъ; главнымъ образомъ требовался только предварительный просмотръ текста и расположеніе сочиненій въ извѣстномъ порядкѣ, и только иногда, когда приходилось въ первый разъ печатать какое-либо произведеніе Стьюарта, требовалось нѣчто бо́льшее. Такъ, редактированіе Стьюартовыхъ лекцій по политической экономіи, именно никогда прежде не печатавшихся, стоило сравнительно большого труда. Предисловіе къ этимъ лекціямъ и было послѣднимъ твореніемъ Гамильтона, попавшимъ въ печать при его жизни; «записки» о Д. Стьюартѣ, которую онъ, по условію, долженъ былъ написать, онъ уже не успѣлъ приготовить[2]), она была составлена послѣ его смерти Дж. Вичемъ и вошла въ X-й томъ изданія. Въ маѣ 1856 г., вскорѣ

были слишкомъ преувеличены и идеализированы его поклонниками, недостатки же оставлены какъ бы въ тѣни; задача Гамильтона отсюда должна была быть — изобразить Лютера и его ученія исторически болѣе точно.

[1]) Discussions, первая статья «On the Right of Dissenters to admission into the English Universities», особенно стр. 499—516.

[2]) Въ бумагахъ Гамильтона, послѣ его смерти, было найдено нѣсколько замѣтокъ, стоявшихъ по собственному его указанію въ связи съ этою предполагаемою «Запискою». Эти замѣтки были напечатаны издателями лекцій Гамильтона въ I-мъ и II-омъ томахъ въ прибавленіяхъ — Lect. on Met. and Logic, Vol. I Appendix I (B), стр. 400—402; Vol. II Appendices I, II, стр. 521—526, III (c), IV (a, b, c), стр. 526—544.

по окончаніи учебной сессіи, нашъ философъ, послѣ послѣдовавшаго въ продолженіе нѣсколькихъ дней ухудшенія въ состояніи здоровья — повидимому это былъ второй припадокъ паралича, скончался.

Характеръ Гамильтона, какъ можно видѣть и изъ предыдущаго, отличался нѣкоторою рѣзкостью, въ отношеніяхъ его къ людямъ замѣчалась нѣкоторая шероховатость — нежеланіе стать на точку зрѣнія, считаться съ воззрѣніями, интересами и тѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось имѣть дѣло. Съ этимъ въ извѣстной степени соглашаются и сочувствующіе ему его біографы, они, напр., соглашаются, что въ спорахъ Гамильтонъ былъ очень тяжелъ и непріятенъ, но они прибавляютъ, что всеже спорилъ онъ противъ мнѣній, принциповъ, а не противъ лицъ, и самъ, добавимъ мы, прежде всего стоялъ за принципы. Возможно, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, что это было и такъ, но отъ этого не легче было имѣвшимъ несчастіе не раздѣлять его убѣжденій; а съ другой стороны отъ отношенія Гамильтона къ своимъ противникамъ несомнѣнно нерѣдко терпѣло и самое дѣло, принимаемое имъ подъ свою защиту. Въ университетѣ, напр., которымъ онъ безспорно очень интересовался и въ которомъ сравнительно долгое время (съ 1833-го по 1846 г.) состоялъ даже секретаремъ совѣта, онъ въ совѣтскихъ засѣданіяхъ, особенно въ первое время по своемъ назначеніи на философскую каѳедру, очень часто дѣлалъ предложенія, касавшіяся улучшенія порядка преподаванія — послѣдовательности, въ какой должны быть преподаваемы различные предметы, требованій, долженствующихъ быть предъявляемыми студентамъ на окончательныхъ испытаніяхъ и т. д. Между тѣмъ съ теченіемъ времени, въ силу указаннаго отношенія къ оппонентамъ — пріемовъ его полемики, его предложенія все чаще и чаще отклонялись совѣтомъ, и наконецъ дѣло дошло до того, что однажды двое студентовъ, державшихъ окончательныя испытанія и прошедшихъ по другимъ предметамъ, но не бывшихъ въ состояніи отвѣтить даже на самые простые вопросы по логикѣ (входившей въ составъ испытаній), были тѣмъ не менѣе утверждены совѣтомъ въ ученыхъ степеняхъ. Другимъ, болѣе рельефнымъ примѣромъ, какъ полемизировалъ Гамильтонъ, примѣромъ, который по большей части обходится его біографами, или относительно котораго они крайне лаконичны, можетъ служить его столкновеніе съ профессоромъ

математики въ Университетскомъ колледжѣ въ Лондонѣ, извѣстнымъ математикомъ Августомъ Де Морганомъ. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Въ концѣ 1846 г., какъ указано, вышло въ свѣтъ изданіе Гамильтона сочиненій Рида и въ прибавленіяхъ къ этому изданію появилось извлеченіе изъ плана «Опыта новой аналитики логическихъ формъ», а въ октябрѣ же 1846 г. Де Морганъ (онъ занимался и логикою) закончилъ первое изъ своихъ логическихъ изслѣдованій въ формѣ статьи, напечатанной затѣмъ въ «Трудахъ Кэмбриджскаго философскаго общества» — «О строеніи силлогизма и о приложеніи теоріи вѣроятностей къ вопросамъ доказательства и свидѣтельства» (Transactions of the Cambridge Philosophical Society vol. VIII, № 29). И Гамильтонъ и Де Морганъ оба вводили нѣчто сравнительно новое — квантификацію предиката, и вотъ Гамильтонъ и обрушился на Де Моргана, высказывая, что Де Морганъ собственно заимствовалъ принципъ квантификаціи предиката у него, Гамильтона, а затѣмъ выставляетъ этотъ принципъ, какъ нѣчто полученное совершенно самостоятельно; заимствованіе могло быть, такъ какъ всю осень 1846 г. Де Морганъ и Гамильтонъ находились въ перепискѣ именно по поводу логическихъ вопросовъ. Свои обвиненія Гамильтонъ сначала высказывалъ въ частныхъ письмахъ Де Моргану, а затѣмъ рѣшилъ огласить дѣло: въ апрѣлѣ 1847 г. онъ напечаталъ публичное письмо Де Моргану — «О правѣ Де Моргана на независимое открытіе вновь новаго принципа въ теоріи силлогизма»[1]). Интересно, что какъ въ этомъ письмѣ, такъ и въ статьѣ, помѣщенной впослѣдствіи въ прибавленіи къ «Разсужденіямъ» и содержащей между прочимъ перепечатку письма, написаннаго также Гамильтономъ къ редактору журнала Атенеумъ по поводу присланнаго Де Морганомъ оттиска одной изъ слѣдующихъ своихъ логическихъ статей — «О символахъ въ логикѣ,

[1]) «A Letter to Augustus De Morgan, on his claim to an independent Rediscovery of a new Principle in the theory of Syllogism» from Sir W. Hamilton, Lond. a. Edinb. 1847. Письмо, какъ и брошюра о принципѣ невторженія, было издано совершенно отдѣльно отъ другихъ сочиненій Гамильтона, и къ нему были приложены — предшествующая корреспонденція Гамильтона съ Де Морганомъ и постскриптумъ въ отвѣтъ на напечатанное также въ томъ же 1847 г. Де Моргановское «объясненіе по поводу утвержденія Гамильтона».

теоріи силлогизма, въ частности связки, и о приложеніи теоріи вѣроятностей къ нѣкоторымъ вопросамъ очевидности» (Transactions, vol. IX, № 4), нашъ философъ подвергаетъ логическія ученія Де Моргана самой суровой критикѣ, объявляетъ ихъ не имѣющими никакой цѣны, «общимъ и гигантскимъ заблужденіемъ (general and gigantic error)» какъ выражается онъ въ прибавленіи къ «Разсужденіямъ»[1]). Для публики такимъ образомъ Де Морганъ долженъ былъ предстать совсѣмъ въ некрасивомъ свѣтѣ: онъ и сдѣлалъ заимствованіе, и не съумѣлъ какъ слѣдуетъ справиться съ нимъ. И однако на самомъ дѣлѣ все это было только болѣе рельефнымъ, какъ мы говоримъ, примѣромъ полемики Гамильтона, на самомъ дѣлѣ, какъ указываютъ позднѣйшіе изслѣдователи, также интересовавшіеся принципомъ квантификаціи предиката и принимавшіе его, Де Морганъ стоитъ рядомъ съ Гамильтономъ и Булемъ какъ однимъ изъ немногихъ ученыхъ, совершенно независимо открывшихъ вновь и признавшихъ указанный принципъ[2]). Въ Англіи въ то время этотъ принципъ какъ-бы носился въ воздухѣ, и немудрено, что нѣсколько ученыхъ одновременно пришли къ нему. А относительно Гамильтона невольно является вопросъ: дѣйствительно ли въ своихъ спорахъ онъ всегда совершенно безкорыстно стоялъ только за принципы?

За свое болѣе чѣмъ 20-лѣтнее пребываніе профессоромъ Гамильтонъ имѣлъ дѣло съ массою молодыхъ людей, изъ которыхъ многіе затѣмъ подвизались на различныхъ поприщахъ и получили бо́льшую или мéньшую извѣстность. Слѣдуетъ замѣтить, что въ общемъ онъ былъ очень любимъ своими слушателями: его аудиторія была многочисленна и не уменьшалась даже и въ послѣдніе годы его жизни. Но изъ этой массы выдѣ-

---

[1]) Discussions, Appendix II Logical (B), стр. 680.

[2]) См., напр., статью «Де Морганъ» У. Стенли Дживонса въ Encyclopaedia Britannica vol. VII, 9 edit., Edinb. 1877; ср. также L. Liard «Les Logiciens anglais contemporains», Paris 1878, стр. 82 прим. И Дживонсъ и Ліаръ указываютъ, что Гамильтонъ въ концѣ призналъ независимость Де Моргана въ его открытіи, но это едва ли было такъ. И въ указанномъ письмѣ Гамильтона Де Моргану и въ статьѣ въ прибавленіи къ «Разсужденіямъ» въ сущности очень ярко просвѣчиваетъ оставшееся непоколебимымъ убѣжденіе, что заимствованіе все-таки было.

лялись отъ времени до времени особенно цѣнившіе его и его ученія; эти, которыхъ по преимуществу можно назвать его учениками, и послѣдующую свою жизнь по большей части посвятили философіи, — они были или профессорами философіи, или интересовались философіею и писали философскія статьи и сочиненія, причемъ и въ своихъ ученіяхъ и сочиненіяхъ въ значительной степени проводили взгляды своего учителя. Съ другой стороны было нѣсколько и не бывшихъ его непосредственными учениками, но тѣмъ не менѣе по многимъ или по крайней мѣрѣ по нѣкоторымъ вопросамъ также вполнѣ проникнувшихся его взглядами; ихъ также въ нѣкоторой степени можно назвать его учениками или во всякомъ случаѣ послѣдователями. Изъ непосредственныхъ учениковъ Гамильтона прежде всего слѣдуетъ остановиться на Томасѣ Спенсерѣ Бейнсѣ, впослѣдствіи профессорѣ логики и реторики въ университетѣ въ С.-Эндрьюсѣ. Извлеченіе изъ плана «Опыта новой аналитики логическихъ формъ», о которомъ мы говорили выше, представляя, по всей вѣроятности, планъ задуманнаго будущаго логическаго труда самого Гамильтона, въ то же время было предложено имъ въ томъ же 1846 г., когда было напечатано, его слушателямъ въ качествѣ программы на соисканіе преміи за составленіе логическаго сочиненія, въ которомъ авторъ, исходя изъ лекцій профессора, долженъ былъ наилучшимъ образомъ установить принципъ квантификаціи предиката и указать реформы въ логикѣ, связанныя съ такимъ установленіемъ. Подобныя преміи (онѣ присуждались при участіи студентовъ и состояли изъ книгъ или просто заключались во внесеніи золотыми буквами фамиліи студента, получившаго премію, на доски, находившіяся въ аудиторіи) постоянно предлагались Гамильтономъ: онъ находилъ въ нихъ средство, способствующее успѣхамъ преподаванія [1]), а съ другой стороны, по всей вѣроятности, и самъ такимъ способомъ думалъ получить лучшія свѣдѣнія о занимающихся по его предметамъ и наиболѣе выдающихся по способностямъ. Логическое сочиненіе по предложенной программѣ и было написано Бейнсомъ, тогда еще студентомъ Эдинбургскаго университета, а

[1]) О значеніи для преподаванія, по мнѣнію Гамильтона, такихъ премій см. его отрывокъ объ академическихъ наградахъ — Lect. on Metaph. and Logic, vol. I Appendix I (A), стр. 385 и слѣд.

затѣмъ въ 1850 г., когда онъ уже состоялъ ассистентомъ у Гамильтона при каѳедрѣ, это сочиненіе, при участіи самого Гамильтона, было и напечатано подъ заглавіемъ — «Опытъ новой аналитики логическихъ формъ»[1]). Къ сочиненію Гамильтонъ прибавилъ нѣсколько своихъ замѣчаній[2]), онъ такимъ образомъ какъ-бы санкціонировалъ работу Бейнса какъ изложеніе своей новой логической теоріи, и «Опытъ» Бейнса въ нѣкоторой степени замѣняетъ предположенный, но оставшійся невыполненнымъ трудъ самого нашего философа. Непосредственнымъ же ученикомъ Гамильтона былъ затѣмъ уже много разъ цитированный нами, впослѣдствіи профессоръ логики и реторики въ Глэзговскомъ университетѣ, Джонъ Вичъ. Свою преданность Гамильтону и его ученіямъ Вичъ доказалъ, какъ мы видѣли, прежде всего тѣмъ, что былъ однимъ изъ участниковъ изданія его сочиненій, и затѣмъ явился и главнымъ біографомъ Гамильтона въ своей «Запискѣ» о нашемъ философѣ. Но кромѣ того Вичъ и послѣ не оставлялъ Гамильтона: онъ написалъ еще цѣлыхъ два сочиненія о своемъ учителѣ, гдѣ преимущественно излагалъ уже его ученія, и въ этомъ изложеніи заявилъ себя сторонникомъ и усерднымъ защитникомъ философскихъ взглядовъ учителя, Гамильтоніанцемъ какъ иногда называютъ Вича. Изъ непосредственныхъ учениковъ Гамильтона, получившихъ впослѣдствіи нѣкоторую извѣстность, хотя уже главнымъ образомъ не на философскомъ поприщѣ, а на поприщѣ служенія церкви, былъ еще Джонъ Кэрнсъ (онъ былъ впослѣдствіи священникомъ въ Бервикѣ). Однако у Кэрнса были и философскія статьи, — можно указать на статью «Шотландская философія» (The Scottish Philosophy, 1856), написанную въ духѣ философіи Гамильтона. Былъ въ Эдинбургскомъ университетѣ и нѣкоторое время находился подъ непосредственнымъ вліяніемъ Гамильтона, а затѣмъ потратилъ много энергіи на публичную защиту Гамильтоновскихъ ученій, хотя вполнѣ Гамиль-

---

[1]) «An Essay on the New Analytic of Logical Forms, being that which gained the prize proposed by Sir William Hamilton in the year 1846 for the best Exposition of the new Doctrine, propounded in his lectures; with an Historical Appendix» by Thomas Spencer Baynes, Edinburgh 1850.

[2]) Замѣчанія съ дополненіями были перепечатаны затѣмъ Гамильтономъ въ прибавленіи къ «Разсужденіямъ» — Discussions, Appendix II Logical (A), стр. 647 и слѣд.

тоновскихъ взглядовъ не раздѣлялъ, и Макъ Кошъ, впослѣдствіи профессоръ и президентъ Принсетонскаго колледжа въ Нью-Джерси въ Америкѣ; сочиненіе Макъ Коша «Шотландская философія», на которое намъ нѣсколько разъ приходилось ссылаться, и до сихъ поръ остается единственною сравнительно полною исторіею умозрѣній шотландцевъ. Изъ непрямыхъ же учениковъ Гамильтона, изъ тѣхъ, которыхъ скорѣе можно назвать его послѣдователями, на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить Генри Лонгвилля Манзеля, учившагося въ Оксфордѣ, затѣмъ профессора церковной исторіи въ Оксфордскомъ же университетѣ и наконецъ настоятеля храма св. Павла въ Лондонѣ. Манзель не только принималъ участіе, по большей части вмѣстѣ съ Вичемъ, въ изданіи почти всѣхъ сочиненій Гамильтона и также защищалъ его взгляды, но кромѣ того и развивалъ его ученія, по нѣкоторымъ вопросамъ шелъ далѣе непосредственныхъ Гамильтоновскихъ ученій; въ силу этого, хотя онъ и не былъ собственно ученикомъ нашего философа, его всеже называютъ наиболѣе извѣстнымъ ученикомъ Гамильтона. Изъ самостоятельныхъ, но несомнѣнно связанныхъ съ Гамильтоновскими ученіями, произведеній Манзеля слѣдуетъ указать прежде всего на его знаменитыя Бамптоновскія лекціи — «Границы религіозной мысли» (The Limits of Religious Thought, Bampton Lectures 1858), гдѣ онъ развивалъ Гамильтоновское ученіе объ абсолютномъ и безконечномъ, и на «Логическія Пролегомены» (Prolegomena Logica, 2 edit., 1860), въ которыхъ такой же попыткѣ развитія и распространенія были подвергнуты логическіе Гамильтоновскіе взгляды, причемъ особенный интересъ сочиненія заключался въ стремленіи сопоставить логику и психологію и точнѣе установить отношенія между обѣими науками. Логическіе же взгляды Гамильтона несомнѣнно вошли затѣмъ и въ очень извѣстный въ Англіи трудъ архіепископа Томсона — «Очеркъ законовъ мысли» (Outline of the Laws of Thought, 3 edit. 1852).

Собственныя философскія сочиненія Гамильтона, въ томъ видѣ какъ они представляются намъ теперь — въ посмертныхъ изданіяхъ, распадаются на три группы: во 1-хъ, на статьи въ «Разсужденіяхъ», въ первый разъ напечатанныя въ «Эдинбургскомъ Обозрѣніи», главнымъ образомъ — «О философіи безконечнаго», «Философія перцепціи» и «О логикѣ»; во 2-хъ, на подстрочныя примѣчанія и дополнительныя разсужденія къ изданію

сочиненій Рида; и въ 3-хъ, на лекціи по метафизикѣ и логикѣ. Изъ этихъ группъ статьи въ «Разсужденіяхъ», если оставить безъ вниманія философскія прибавленія, сдѣланныя еще самимъ авторомъ, представляютъ въ самомъ общемъ видѣ взгляды и ученія нашего философа; лекціи, если также оставить безъ вниманія дальнѣйшія дополненія, сдѣланныя издателями, распространяютъ взгляды, находящіеся въ статьяхъ, и только въ очень немногихъ случаяхъ идутъ дальше статей; наконецъ подстрочныя примѣчанія и особенно дополнительныя разсужденія къ Риду заключаютъ въ себѣ умозрѣнія нашего философа въ болѣе зрѣломъ и законченномъ видѣ. Въ такомъ же болѣе совершенномъ видѣ являются ученія Гамильтона и въ философскихъ прибавленіяхъ къ «Разсужденіямъ» и дополненіяхъ къ лекціямъ, такъ какъ прибавленія и дополненія эти были составлены и написаны, какъ и дополнительныя разсужденія къ Риду, въ послѣдніе годы его жизни, а во многихъ случаяхъ даже послѣ дополнительныхъ разсужденій. Именно въ этихъ прибавленіяхъ и дополненіяхъ, напр., находится развитіе спеціальной логической доктрины квантификаціи предиката съ послѣдствіями этой доктрины, въ прибавленіяхъ же къ «Разсужденіямъ» можно найти и новый матеріалъ, содержащій самые зрѣлые и обдуманные взгляды нашего философа относительно одного изъ важнѣйшихъ его ученій — ученія объ ограниченности человѣческаго знанія. По содержанію сочиненія представляютъ, какъ мы указывали выше, философствованія въ духѣ ученій истинной шотландской школы — Рида и Д. Стюарта, въ связи съ несомнѣннымъ вліяніемъ и Канта, но въ нихъ замѣчаются еще вліянія, о которыхъ мы не говорили, прежде всего вліяніе Аристотеля. Гамильтонъ, что уже не разъ нами было отмѣчено, отличался широкою эрудиціею, и это-то стремленіе къ эрудиціи, по всей вѣроятности, направило его, еще съ молодыхъ лѣтъ, со времени студенчества въ Оксфордѣ, на изученіе сочиненій Аристотеля. Изучивши Аристотелевскія сочиненія, онъ сталъ увлекаться ими и не одинъ разъ находилъ въ нихъ затѣмъ даже подтвержденіе собственныхъ ученій. Конечно трудно сказать, насколько въ дѣйствительности на Аристотелевскія ученія можно смотрѣть какъ на прототипъ ученій Гамильтона; въ то время, въ 1-ой половинѣ 19-го столѣтія, да и ранѣе, занимавшіеся Аристотелемъ часто находили въ его ученіяхъ подтвержденіе своихъ

взглядовъ; но нѣкоторое вліяніе Аристотеля на Гамильтона несомнѣнно было, а съ другой стороны и по отношенію къ Аристотелю Гамильтонъ былъ однимъ изъ основательно изучившихъ въ новѣйшее время Аристотелевскія сочиненія англичанъ, и по многимъ частнымъ вопросамъ онъ безспорно сдѣлалъ очень цѣнныя разъясненія Аристотелевскихъ ученій. Другимъ, менѣе значительнымъ и исходившимъ отъ менѣе значительнаго философа, вліяніемъ на Гамильтона, но вліяніемъ упомянуть о которомъ всеже слѣдуетъ, было вліяніе Якоби (1743—1819), философа вѣры, какъ называютъ его; именно у Якоби слѣдуетъ искать источника всѣхъ касающихся вѣры ученій Гамильтона. Написаны сочиненія въ общемъ, за исключеніемъ лекцій, не предназначавшихся къ печати, а только къ устному изложенію, и потому отличающихся въ нѣкоторой степени растянутостью и расплывчатостью, очень хорошимъ — яснымъ, сжатымъ и точнымъ языкомъ. Особенно это слѣдуетъ сказать о статьяхъ, въ первый разъ печатавшихся въ «Эдинбургскомъ Обозрѣніи»; эти статьи самимъ авторомъ были подготовлены къ печати, и подготовлены, когда авторъ находился въ полномъ обладаніи физическими силами, — эти обстоятельства, по всей вѣроятности, повліяли и на внѣшнія совершенства статей. Вообще по поводу нареканій на темноту стиля Гамильтона, имѣвшихъ мѣсто, если мы припомнимъ, и при избраніи его на каѳедру философіи, умѣстно будетъ воспользоваться выдержкою изъ представлявшаго собою рекомендацію нашего философа и приведеннаго въ «Запискѣ» Вича въ англійскомъ переводѣ письма В. Кузена. «У Сэра У. Гамильтона», читаемъ мы въ этомъ письмѣ, «нѣтъ даже и малѣйшаго намека на темноту. Его стиль сжатъ и суровъ, но онъ совершенно ясенъ для всякаго знакомаго съ предметомъ и способнаго къ вниманію. Никто не чуждъ болѣе, никто болѣе не свободенъ отъ туманности и темноты германской философіи въ лицѣ нѣкоторыхъ изъ ея особенно знаменитыхъ представителей»[1]). Эти замѣчанія особенно важны въ данномъ случаѣ, такъ какъ исходили изъ подъ пера извѣстнаго писателя и француза; такое лицо, какъ Кузенъ, конечно способно было оцѣнить стиль. Обстоятельствами, съ внѣшней стороны дѣйствительно нѣсколько шокирующими обыкновеннаго читателя въ сочиненіяхъ

[1]) Mem. of Sir W. Hamilton, стр. 190.

Гамильтона являются — его любовь къ исторической сторонѣ дѣла, по многимъ, иногда очень мелкимъ, вопросамъ онъ часто дѣлаетъ историческія справки и перечисляетъ мнѣнія нерѣдко совсѣмъ малопзвѣстныхъ писателей, а затѣмъ его стремленіе къ дѣленіямъ и подраздѣленіямъ, вообще къ логической формалистикѣ. Однако историческія справки вполнѣ объясняются эрудиціей Гамильтона и для многихъ читателей его сочиненій очень существенны; что же касается до дѣленій и подраздѣленій, то, быть можетъ, въ философскихъ сочиненіяхъ они иногда также полезны, они могутъ способствовать лучшему усвоенію содержанія. Такимъ образомъ нашъ философъ и какъ писатель, именно какъ философскій писатель, можетъ быть поставленъ высоко, и остается пожалѣть, что его позднѣйшія ученія дошли до насъ по большей части въ видѣ замѣтокъ, въ далеко неотдѣланной формѣ.

Дѣятельность Гамильтона, какъ профессора философіи и какъ писателя по философскимъ вопросамъ, несомнѣнно внесла оживленіе въ философствующую мысль Англіи, она дала какъ-бы нѣкоторый толчекъ этой мысли. Мы уже говорили, что даже такой, пользующійся извѣстностью въ то время, представитель противоположнаго Гамильтоновскимъ воззрѣніямъ направленія, какъ Джонъ Стюартъ Милль, нашелъ нужнымъ отозваться на эту дѣятельность. Но именно потому, что эта дѣятельность дала такіе ощутительные результаты, очень трудно представить вполнѣ обстоятельный отчетъ о Гамильтоновской литературѣ: въ послѣдніе годы жизни Гамильтона и довольно долго послѣ его смерти и посмертныхъ изданій его произведеній въ очень многихъ, выходившихъ въ Англіи, философскихъ сочиненіяхъ такъ или иначе затрогивалось какое-либо изъ его ученій. Въ виду этой трудности мы, чтобы не оставить всеже безъ вниманія и этой стороны дѣла, чтобы по крайней мѣрѣ отмѣтить, гдѣ слѣдуетъ искать болѣе полной (положительной или отрицательной) оцѣнки ученій нашего философа и его дѣятельности, перечислимъ въ хронологическомъ порядкѣ важнѣйшія, появлявшіяся какъ въ Англіи, такъ и въ другихъ странахъ, болѣе спеціально посвященныя Гамильтону и его философскимъ ученіямъ сочиненія и статьи, причемъ будемъ имѣть въ виду выходившія какъ при жизни философа, такъ и послѣ его смерти. — Прежде всего слѣдуетъ указать появившійся еще въ 1840 г. переводъ на фран-

цузскій языкъ Л. Пейсса трехъ главнѣйшихъ философскихъ статей нашего философа и статьи объ изученіи математики изъ «Эдинбургскаго Обозрѣнія» (L. Peisse «Fragments de philosophie par W. Hamilton», Paris 1840); къ этому переводу переводчикомъ приложено предисловіе, гдѣ находится очень сочувственная оцѣнка Гамильтоновскихъ философскихъ воззрѣній. По поводу этого перевода и главнымъ образомъ по поводу предисловія въ томъ же 1840 г. была составлена статья Равессономъ (Ravaisson «Fragments de philosophie de Hamilton»— Revue de Deux Mondes, 1 Novembre 1840). Въ 1853 г. О. У. Уайтомъ была издана въ Нью-Іоркѣ въ Америкѣ книга —«Философія Сэра У. Гамильтона», представлявшая собраніе въ нѣкоторомъ порядкѣ примѣчаній и дополнительныхъ разсужденій нашего философа въ его изданіи сочиненій Рида, а также и нѣкоторыхъ изъ наиболѣе важныхъ Гамильтоновскихъ статей изъ «Эдинбургскаго Обозрѣнія» и «Разсужденій» (O. W. Wight «The Philosophy of Sir W. Hamilton», New-York 1853; въ продолженіе немногихъ лѣтъ потребовалось нѣсколько изданій книги, такъ что въ 1857 г. вышло уже 4-е изданіе). Къ 1854 г. относится сочиненіе Г. Кальдервуда, бывшаго студентомъ въ Эдинбургскомъ университетѣ и слушавшаго лекціи нашего философа, но затѣмъ разошедшагося съ нѣкоторыми взглядами учителя, а впослѣдствіи занявшаго каѳедру нравственной философіи въ Эдинбургскомъ же университетѣ, — «Философія безконечнаго» («The Philosophy of the Infinite; with special reference to the Theories of Sir W. Hamilton and M. Cousin» by Henry Calderwood, Lond. 1854 [1]); въ 1861 г. вышло 2-е изданіе сочиненія со значительными дополненіями, въ самомъ заглавіи было указано, что сочиненіе является уже отвѣтомъ Гамильтону, а также и Манзелю, а въ 1872 г. вышло 3-е изданіе). Въ 1855 г. въ журналѣ «Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik» появилась статья о Гамильтонѣ Г. Ульрици по поводу изданія нашего философа сочиненій Рида и 1-го изданія «Разсужденій» (Z. für Ph. u. ph. Krit. B. 27, 1855 —«Englische Philosophie. Sir W. Hamilton»). Въ 1856 г. въ томъ же журналѣ, гдѣ была помѣщена статья

[1]) Сочиненіе вызвало отвѣтъ Гамильтона, напечатанный затѣмъ въ III-мъ прибавленіи ко II-му тому его лекцій — Lect. on Met. a. Log., vol. II, App. III (d), стр 530—536.

Равессона, напечатана статья Шарля де Ремюза (Ch. de Remusat «Ecosse depuis la fin du XVII-e siècle et la philosophie de W. Hamilton»— Revue de Deux Mondes, 1 Avril 1856), а къ концу 1856 г., непосредственно послѣ смерти философа, былъ составленъ Т. Спенсеромъ Бейнсомъ указанный выше очеркъ о Сэрѣ У. Гамильтонѣ (Th. Spencer Baynes «Sir W. Hamilton» Edinb. Essays, 1856). Къ 1860 г. относится статья того же Ш. де Ремюза по поводу только что вышедшихъ передъ этимъ 2-хъ первыхъ томовъ лекцій Гамильтона (Ch. de Remusat «Sir W. Hamilton»— Revue de Deux Mondes, 1 Mars 1860). Въ 1864 г. напечатаны въ «Сѣверо-Американскомъ Обозрѣніи» статьи безъ подписи, заключающія въ себѣ разсужденія о пространствѣ и времени, главнымъ образомъ въ связи съ ученіемъ Канта, и далѣе примѣненіе разсужденій къ закону условнаго и къ ученію о безконечномъ Гамильтона, причемъ поводомъ къ этимъ статьямъ было появленіе около этого времени (въ 1858 г.) въ Америкѣ перепечатки Роб. Тёрнбуллемъ съ особымъ предисловіемъ «Разсужденій» Гамильтона, а также и появленіе 1-го изданія Манзеля и Вича Гамильтоновскихъ лекцій (The North American Review, vol. XCIX, Boston 1864, № CCIV July — № CCV October, Article III).

Начиная съ 1865 г. и въ годы, непосредственно слѣдующіе, вышло особенно много сочиненій, имѣющихъ близкое отношеніе къ нашему философу; преимущественно богаты были такими сочиненіями 1865 и 1866 гг. Въ 1865 г. вышла очень обработанная и довольно суровая критика ученія Гамильтона о перцепціи Джемса Гётчисона Стёрлинга, на сочиненія котораго намъ уже приходилось ссылаться (J. Hutchison Stirling «Sir W. Hamilton, being the Philosophy of Perception; an Analysis», London 1865); въ этомъ сочиненіи Стёрлингъ старался показать, что нашъ философъ былъ подъ слишкомъ сильнымъ вліяніемъ ученій Рида и не усвоилъ какъ слѣдуетъ ученій Канта. Въ 1865 же г. было напечатано въ Америкѣ Джонсомъ также критическое по отношенію къ ученіямъ Гамильтона сочиненіе, причемъ вмѣстѣ съ Гамильтоновскими ученіями критическимъ замѣчаніямъ были подвергнуты и ученія Г. Л. Манзеля въ «Границахъ религіозной мысли», а также и ученія Г. Спенсера въ «Основныхъ началахъ» («Know the Truth; a critique on the Hamiltonian Theory of Limitation, including some strictures upon the theories of Rev.

Henry L. Mansel and Mr. Herbert Spencer» by Jesse H. Jones, New-York 1865). Затѣмъ въ томъ же 1865 г. въ маѣ появилась 1-мъ изданіемъ наиболѣе извѣстная и наиболѣе обширная критика Гамильтоновскихъ ученій — «Обзоръ философіи Сэра У. Гамильтона» («An Examination of Sir W. Hamilton's Philosophy») Дж. Стюарта Милля, и эта критика тотчасъ же вызвала самостоятельную литературу: одни изъ англійскихъ философствующихъ писателей, преимущественно ученики и послѣдователи Гамильтона, сочли своимъ долгомъ вступиться за нашего философа, другіе наоборотъ поддерживали Милля, а были и такіе, которые высказывались безотносительно. Однимъ изъ первыхъ, опредѣленно ставшихъ на сторону Гамильтона, былъ Дэв. Массонъ, впослѣдствіи профессоръ реторики въ Эдинбургскомъ университетѣ, выпустившій въ іюнѣ 1865 же г. сочиненіе — «Современная британская философія» («Recent British Philosophy, a Review, with Criticisms; including some Comments on Mr. Mill's Answer to Sir W. Hamilton» by David Masson, London 1865; сочиненіе выдержало три изданія — 2-е вышло въ 1867 г. и 3-е въ 1877 г.). Безотносительно, но въ концѣ всеже защищая нѣкоторыя ученія Гамильтона, высказался въ своей напечатанной въ томъ же 1865 г. въ «Двухнедѣльномъ Обозрѣніи» статьѣ и Гербертъ Спенсеръ (The Fortnightly Review, July 15, 1865— «Mill versus Hamilton — the Test of Truth» by H. Spencer). Высказавшимся также безотносительно, хотя съ бо́льшею симпатіею къ Гамильтону, нежели къ Миллю, былъ, какъ кажется, проф. А. К. Фрэзеръ, замѣститель Гамильтона по каѳедрѣ логики и метафизики въ Эдинбургскомъ университетѣ, извѣстный впослѣдствіи издатель сочиненій Бёркли, самъ учившійся у нашего философа, но не раздѣлявшій вполнѣ его воззрѣній: по крайней мѣрѣ по общему мнѣнію (это мнѣніе приводится и Миллемъ въ предисловіи къ 3-му изданію его «Обзора») именно перу проф. Фрэзера принадлежитъ въ «Сѣверномъ Британскомъ Обозрѣніи» статья, появившаяся вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ сочиненія Милля и имѣвшая въ виду это сочиненіе (The North British Review, September 1865 — «An Examination of Sir W. Hamilton's Philosophy by J. Stuart Mill», статья не подписана). Къ тому же 1865 г. относится и критическое сочиненіе Роб. Дьючара («Review of An Examination of Hamiltonian Philosophy by J. S. Mill, including strictures on Dr. Mansel and Dr. Candlish's

Modern Theology», Edinb. a. Lond. 1865); въ этомъ сочиненіи авторъ относится къ обоимъ философамъ вполнѣ безразлично: онъ критикуетъ, преимущественно съ религіозной точки зрѣнія, и Милля, и Гамильтона, а также и упомянутыхъ имъ въ заглавіи Манселя и Кэндлиша. Далѣе въ 1866 г. помѣстилъ въ «Вестминстерскомъ Обозрѣніи» статью съ полною симпатіею къ Миллю извѣстный историкъ и философъ, другъ Милля, Джорджъ Гротъ (G. Grote «Review of the work of Mr. J. S. Mill, entitled Examination of Sir W. Hamilton's Philosophy 1865» — Westminster Review, January 1866; въ 1868 г. статья была перепечатана отдѣльною книжкою). Къ 1866 же г. относится сочиненіе Г. Л. Манселя — «Философія условнаго», вызвавшее замѣчанія Милля въ 3-мъ изданіи его «Обзора» («The Philosophy of the Conditioned, comprising some Remarks on Sir W. Hamilton's Philosophy and on Mr. J. S. Mill's Examination of that Philosophy» by H. L. Mansel, Lond. a. New-York 1866; сочиненіе было перепечаткою двухъ статей, появившихся безъ подписи, въ Contemporary Review №№ 1 и 2 1866), а въ 1867 г. тотъ же Мансель написалъ еще статью уже по поводу замѣчаній Милля (Contemporary Review, September 1867), также отмѣченную Миллемъ въ 4-мъ изданіи «Обзора»; Мансель явился конечно ярымъ защитникомъ Гамильтоновскихъ ученій и въ то же время и своихъ собственныхъ, такъ какъ Милль въ своемъ «Обзорѣ» касался и ученій Манселя. Въ 1866 же г. появилась книга Джемса Макъ Коша — «Обзоръ философіи Дж. Стюарта Милля», въ сущности защищавшая взгляды Гамильтона («An Examination of Mr. J. S. Mill's Philosophy, being a Defence of Fundamental Truth» by J. McCosh, Lond. 1866; въ 1880 г. вышло 2-е изданіе съ прибавленіями), а въ 1868 г. тѣмъ же Макъ Кошемъ были выпущены по содержанію не особенно отличавшіеся отъ перваго сочиненія — «Философскіе очерки» («Philosophical Papers — I Examination of Sir W. Hamilton's Logic, II Reply to Mr Mill's Third edition, III Present State of Moral Philosophy in Britain» by James McCosh, Lond. 1868; второй очеркъ цѣликомъ вошелъ во 2-е изданіе перваго сочиненія 1880 г, а третій имѣетъ менѣе отношенія къ Гамильтону и полемикѣ, возбужденной Миллемъ). Въ связи съ этими сочиненіями Макъ Коша, и особенно съ первымъ, появилась въ 1866 же г. еще статья упомянутаго выше Кальдервуда, становящагося теперь на сторону Макъ Коша, а стало

быть и Гамильтона (The British and Foreign Evangelical Review, Vol. XV, April 1866, Art. IX — «The Sensational Philosophy — Mr. J. S. Mill and Dr. McCosh» by H. Calderwood). Защищалъ Гамильтона противъ Милля и авторъ сочиненія, начавшаго выходить въ 1866 же г. — «Гамильтонъ противъ Милля» («Hamilton versus Mill: a thourough Discussion of each chapter in Mr. John S. Mill's Examination of Hamilton's Logic and Philosophy» — Part I, Edinb. 1866; Part II, 1867; авторомъ сочиненія обыкновенно называютъ Томаса Коллинза Симона, послѣдователя ученій Бёркли), а также и авторы двухъ сочиненій, вышедшихъ въ томъ же 1866 г., скрывшіе свои имена подъ псевдонимами «изслѣдователя» и «отставного строителя» («The Battle of the two Philosophies — Sir W. Hamilton and J. S. Mill» by an Inquirer, Lond. 1866»; «Odd Bricks from a tumbledown private building, being remarks on J. S. Mill's work entitled An Examination of Sir W. Hamilton's Philosophy» by a retired Constructer, Lond. 1866). Къ 1866 же г., и также въ связи съ возбужденною Миллемъ полемикою, относится еще сочиненіе Больтона, подвергавшее ученія Гамильтона довольно суровой критикѣ, причемъ такой же критикѣ подвергались и ученія Мансля (M. P. W. Bolton «Inquisitio Philosophica, an Examination of the Principles of Kant and Hamilton», London 1866). Между тѣмъ въ 1867 г. Милль выпустилъ 3-е изданіе своего «Обзора», въ которомъ сдѣлалъ возраженія многимъ изъ перечисленныхъ здѣсь своихъ критиковъ и защитниковъ Гамильтона [1]), а въ 1869 г. вышла уже нѣсколько разъ цитированная нами «Записка о Гамильтонѣ» Вича; въ «Запискѣ» въ прибавленіи Вичемъ были разобраны нѣкоторыя сужденія Милля объ ученіяхъ Гамильтона, и въ 4-мъ, послѣднемъ вышедшемъ при жизни Милля, изданіи «Обзора» 1872 г. въ предисловіи Милль посвятилъ нѣсколько словъ и

[1]) На русскомъ языкѣ существуетъ переводъ «Обзора» Н. Хмѣлевскаго, изданный въ С.-Петербургѣ въ 1869 г. Переводъ сдѣланъ со 2-го англійскаго изданія, вышедшаго вскорѣ послѣ 1-го и не отличающагося отъ 1-го, но въ началѣ переводчикъ перевелъ отдѣльно всѣ дополненія, внесенныя Миллемъ въ 3-е изданіе. Переводъ такимъ образомъ можно считать отвѣчающимъ 3-му изданію, къ сожалѣнію только въ немъ отсутствуетъ предисловіе Милля къ этому изданію.

этому разбору Вича [1]). Въ 1869 же г. была напечатана статья Поля Жане, по поводу вышедшаго въ это время французскаго перевода Казелля «Обзора» Милля (Paul Janet «Mill et Hamilton — Le Problème de l'existence des corps» — Revue de Deux Mondes, 15 Octobre 1869). Наконецъ сюда же — къ сочиненіямъ о Гамильтонѣ, стоящимъ въ связи съ Миллевскою критикою Гамильтоновскихъ ученій, слѣдуетъ отнести и двѣ послѣдующія книжки о Гамильтонѣ того же Вича: его сочиненіе о нашемъ философѣ въ серіи «философскихъ классиковъ для англійскихъ читателей» (J. Veitch «Hamilton» — Philosophical Classics for English Readers edited by W. Knight, Edinb. a. Lond. 1882, reprint 1888) и его двѣ напечатанныя о Гамильтонѣ лекціи («Sir W. Hamilton: the Man and his Philosophy» — Two Lectures delivered before the Edinburgh Philosophical Institution, January and February 1883, by J. Veitch, Edinb. a. Lond. 1883); въ обоихъ этихъ сочиненіяхъ Вичъ излагаетъ ученія Гамильтона, въ значительной степени стараясь защитить ихъ именно отъ нападокъ Милля.

Параллельно съ сочиненіями, находящимися въ связи съ критикою Милля, продолжали выходить сочиненія о Гамильтонѣ, не имѣющія отношенія къ этой критикѣ, или во всякомъ случаѣ не такъ тѣсно связанныя съ нею. Такъ, къ 60-мъ же годамъ относятся: вышедшее въ Америкѣ сокращеніе лекцій Гамильтона по логикѣ, сдѣланное Дэемъ въ виду преподаванія въ колледжахъ и школахъ вообще (H. N. Day «The Logic of Sir W. Hamilton, reduced and prepared for use in colleges and schools», Cincinnati 1866), и такое же сокращеніе лекцій по метафизикѣ, сдѣланное Боуеномъ (F. Bowen «The Metaphysics of Sir W. Hamilton, collected, arranged and abridged for the use of colleges and private students», Boston and Cambridge; я пользовался изданіемъ 1870 г., хотя повидимому книга въ первый разъ появилась гораздо раньше). Въ 1870 г. въ Америкѣ же вышелъ «Очеркъ философіи Гамильтона» Дж. Кларка Мёррея, представлявшій собою подобіе указанной выше книги Уайта и такъ же, какъ и книги Дэя и Боуена, предназначавшійся для студентовъ (Rev. J. Clark Murray «Outline of Sir W. Hamilton's Philo-

[1]) Слѣдующія за 4-мъ изданія «Обзора» представляютъ только перепечатку 4 го; я пользуюсь 6-мъ изданіемъ 1889 г

sophy — a Text-Book for students», Boston 1870), а въ 1874 г. появилась въ первый разъ многократно цитированная нами «Шотландская философія» Макъ Коша, дающая отчетъ и о Гамильтонѣ, какъ шотландскомъ философѣ («The Scottish Philosophy» by J. McCosh, New-York; изданіе, которымъ я пользуюсь, помѣчено, какъ я и указалъ выше, 1890-мъ г., но оно представляетъ простую перепечатку изданія 1874 г.). Къ 1878 г. относится сочиненіе Л. Ліара о современныхъ англійскихъ логикахъ, гдѣ одна глава посвящена нашему философу (L. Liard «Les Logiciens anglais contemporains», Paris 1878). Въ 1880 г. вышли: въ Калькуттѣ анализъ лекцій Гамильтона по метафизикѣ съ дополнительными разсужденіями и замѣчаніями Кэрея Финка («An analysis of Sir W. Hamilton's Lectures on Metaphysics with dissertations and copious notes» by W. Carey Fink, Calcutta 1880), и въ Лейпцигѣ докторская диссертація Лэтимера о непосредственной перцепціи, какъ ее представляютъ Ридъ и Гамильтонъ («Immediate Perception, as held by Reid and Hamilton, considered as a Refutation of the Skepticism of Hume» by James F. Latimer, Leipzig 1880). Въ 1881 г. появилось небольшое, но очень обстоятельное сочиненіе о Гамильтонѣ, на которое мы уже ссылались, профессора нравственной философіи Дублинскаго университета Монка (W. H. S. Monck «Sir W. Hamilton»— English Philosophers, Lond 1881); Монкъ конечно имѣетъ въ виду мнѣнія Милля, но онъ относится къ нимъ, точно такъ же какъ и къ ученіямъ Гамильтона, вполнѣ спокойно и безпристрастно. Изъ сочиненій болѣе близкихъ къ нашему времени слѣдуетъ указать еще: на много разъ цитированную нами «Шотландскую философію» замѣстителя Гамильтона и Фрэзера по каѳедрѣ логики и метафизики въ Эдинбургскомъ университетѣ, Э. Сета («Scottish Philosophy»— первое изданіе вышло въ 1885 г., второе въ 1890 г.), въ которой много мѣста отведено и Гамильтону, и на посмертное сочиненіе о логикѣ Гамильтона французскаго ученаго Бурдилья, скончавшагося въ очень молодыхъ годахъ (François Bourdillat «La Réforme logique de Hamilton», Paris 1890). Также много мѣста отведено ученіямъ нашего философа и въ вышедшемъ въ 1889 г. въ нѣмецкомъ переводѣ Куреллы «Введеніи въ англійскую философію нашего времени» извѣстнаго датскаго философа, профессора Копенгагенскаго университета, Гаральда Геффдинга («Einleitung in die englishe

Philosophie unserer Zeit» von Dr. Harald Höffding, autorisirte Uebersetzung von Dr. H. Kurella, Leipzig 1889; много вниманія, сравнительно съ другими общими исторіями философіи, удѣлено Гамильтону и въ вышедшей въ 90-хъ годахъ «Исторіи новой философіи» Геффдинга — «Исторія новѣйшей философіи» русск. перев. II-го тома нѣмецк. изданія, Спб. 1900).

ГЛАВА II. — Опредѣленіе философіи у Гамильтона. Методъ философіи. Сознаніе. Необходимыя истины. Философія здраваго смысла.

Въ своихъ лекціяхъ, вначалѣ, тамъ, гдѣ Гамильтонъ дѣлаетъ вступленіе къ своимъ курсамъ, онъ высказываетъ между прочимъ слѣдующее: «Мы одарены нашимъ Создателемъ нѣкоторыми способностями наблюденія, позволяющими намъ имѣть свѣдѣнія объ извѣстныхъ явленіяхъ или феноменахъ. Эти способности можно опредѣлить какъ способности двоякаго рода — чувство или способность внѣшней перцепціи и самосознаніе или способность внутренней перцепціи; и эти способности въ отдѣльности представляютъ намъ знаніе о различныхъ рядахъ феноменовъ. Черезъ наши чувства мы познаемъ то, что существуетъ или случается во внѣшнемъ или матеріальномъ мірѣ; черезъ наше самосознаніе мы познаемъ существующее или случающееся во внутреннемъ мірѣ, мірѣ мысли... Получаемое нами такимъ образомъ сообщеніе, что извѣстные феномены имѣютъ или имѣли мѣсто, называется историческимъ или эмпирическимъ знаніемъ. Оно называется историческимъ, потому что въ этомъ знаніи мы знаемъ только фактъ, знаемъ только, что феноменъ имѣетъ мѣсто; вѣдь исторія, собственно говоря, есть только повѣствованіе о послѣдовательномъ рядѣ феноменовъ во времени или описаніе сосуществующаго ряда феноменовъ въ пространствѣ. Общая исторія есть примѣръ перваго, естественная исторія примѣръ второго. Это знаніе называется эмпирическимъ или имѣющимъ отношеніе къ опыту (experiential), если мы можемъ употребить послѣднее выраженіе, такъ какъ знаніе это дается намъ опытомъ или наблюденіемъ, а не получается какъ результатъ заключенія или разсужденія»[1]). «Если бы», продолжаетъ Гамильтонъ, для обозначенія историческаго или эмпирическаго знанія «мы воспользовались

[1]) Lectures on Metaph. and Logic. Vol. I, Lect. III, стр. 53—54.

словами—*знаніе что*» (что-либо имѣетъ мѣсто—*the knowledge that*), «эти слова звучали бы какъ нескладныя и необыкновенныя въ нашихъ современныхъ языкахъ. Въ греческомъ, наиболѣе философскомъ изъ всѣхъ языковъ, параллель этимъ словамъ однако обычно употреблялась, въ особенности въ философіи Аристотеля, въ противоположность другому знанію, о которомъ мы будемъ говорить сейчасъ же. Параллель эта была — τὸ ὅτι, т. е. ἡ γνῶσις ὅτι ἔστιν. Я долженъ замѣтить, что у насъ это *знаніе что* обыкновенно обозначается какъ знаніе *факта*... Но вещи не существуютъ, событія не случаются изолированно, отдѣльно, сами по себѣ; они существуютъ, случаются и познаются нами только въ соединеніи. Наше наблюденіе не представляетъ намъ ни одного примѣра феномена, который не былъ бы слѣдствіемъ; наша мысль не можетъ даже признать возможности феномена безъ причины... По самой конституціи нашей природы мы неспособны представить что-либо начинающимся, не относя его къ нѣкоторой причинѣ, — и однако знаніе частной причины не заключается въ знаніи какого-либо частнаго слѣдствія. Въ силу этой необходимости мыслить какую-либо причину для каждаго феномена и въ силу незнанія, какія частныя причины относятся къ какимъ частнымъ слѣдствіямъ, оказывается невозможнымъ для насъ успокоиваться на простомъ знаніи факта феномена: наоборотъ, мы должны, необходимо должны смотрѣть на каждый феноменъ какъ на познанный только неполно, пока не откроемъ причинъ, отъ которыхъ онъ зависитъ въ своемъ существованіи... Это знаніе причины феномена отличается отъ знанія того же феномена просто какъ факта и является чѣмъ-то бо́льшимъ, нежели послѣднее знаніе; оба эти познанія или знанія получили, слѣдовательно, различныя имена. Послѣднее знаніе, какъ мы видѣли, называется *историческимъ* или *эмпирическимъ*; первое называется *философскимъ*, *научнымъ* или *раціональнымъ*. Историческое знаніе есть знаніе, что вещь существуетъ, — философское — почему или какъ она существуетъ. И какъ греческій языкъ особенно удачно обозначаетъ историческое знаніе черезъ ὅτι — γνῶσις ὅτι ἔστι, такъ же онъ хорошо обозначаетъ философское знаніе черезъ διότι — γνῶσις διότι ἔστι, хотя здѣсь относительное превосходство знанія не то же самое»[1]).

[1]) Ibidem, стр. 55—58.

«Философское знаніе», читаемъ мы далѣе у Гамильтона, «въ самомъ широкомъ значеніи этого термина и какъ синонимъ науки, оказывается такимъ образомъ знаніемъ слѣдствій какъ зависящихъ отъ своихъ причинъ. Что же заключается въ этомъ положеніи? Прежде всего, такъ какъ всякая причина, до которой мы можемъ подняться, сама также есть слѣдствіе, отсюда выходитъ, что стремленіе, цѣль философіи состоитъ въ открытіи рядовъ слѣдствій и причинъ, пока мы не дойдемъ до причинъ, которыя сами уже не будутъ слѣдствіями. Эти первыя причины на самомъ дѣлѣ не лежатъ въ области философіи, ни даже въ сферѣ нашего пониманія; стало быть, не отъ дѣйствительнаго достиженія этихъ первыхъ причинъ зависитъ существованіе философіи. Но такъ какъ философія есть знаніе слѣдствій въ ихъ причинахъ, она постоянно стремится подниматься выше; и въ мысли, въ теоріи на философію можно смотрѣть какъ на законченную, — чего въ дѣйствительности съ нею никогда не можетъ быть, — когда послѣднія причины, отъ которыхъ зависятъ всѣ другія причины, достигнуты и поняты. Но съ другой стороны, такъ какъ каждое слѣдствіе производится только при содѣйствіи по крайней мѣрѣ двухъ причинъ (а подъ причиною, слѣдуетъ замѣтить, я разумѣю все, безъ чего слѣдствіе не могло бы осуществиться), и такъ какъ эти содѣйствующія или споспѣшествующія причины фактически создаютъ слѣдствіе, этимъ обусловливается, что чѣмъ ниже мы спускаемся въ ряду причинъ, тѣмъ болѣе сложно будетъ слѣдствіе, и чѣмъ выше мы поднимаемся, тѣмъ слѣдствіе будетъ проще... Однако, хотя мы не можемъ вести нашего анализа далѣе опредѣленной границы, мы всеже не представляемъ и не можемъ представить составной части» (явленія), «на которой останавливается нашъ анализъ, иначе, какъ въ видѣ слѣдствія. Мы такимъ образомъ продолжаемъ анализъ въ воображеніи; и такъ какъ каждый шагъ процесса ведетъ насъ отъ болѣе сложнаго къ болѣе простому и, слѣдоват., болѣе близкому къ единству, мы наконецъ приходимъ къ самому единству, — къ этой послѣдней причинѣ, которая, какъ послѣдняя, не можетъ быть мыслима какъ слѣдствіе. Философія отсюда, какъ знаніе слѣдствій въ ихъ причинахъ, необходимо стремится не къ множеству послѣднихъ или основныхъ причинъ, но къ одной такой причинѣ. До этой основной причины — Создателя на самомъ дѣлѣ она никогда не можетъ дойти, какъ до предмета непосредственнаго

знанія; но такъ какъ стремленіе къ единству въ восходящемъ рядѣ очевидно, насколько мы можемъ наблюдать этотъ рядъ, и такъ какъ даже невозможно для мысли предполагать это стремленіе прерывающимся и неполнымъ, отсюда слѣдуетъ, — если только не отбросить всякой аналогіи, не объявить указаній нашего разума ложью, — что философски мы должны повѣрить въ это послѣднее или основное единство, познать которое само по себѣ намъ, при условіяхъ нашего настоящаго существованія, не суждено»[1]).

Философское знаніе въ самомъ широкомъ значеніи охватываетъ такимъ образомъ, по Гамильтону, всѣ науки, занимающіяся изслѣдованіемъ причинъ, и на всѣ такія науки можно смотрѣть какъ на развѣтвленія философіи. Тѣмъ не менѣе есть науки, по преимуществу называющіяся философскими, — какія же это науки и въ какомъ смыслѣ терминъ «философія» преимущественно прилагается къ нимъ? «Человѣкъ, говоритъ Протагоръ», отвѣчаетъ на этотъ вопросъ Гамильтонъ, «есть мѣра вселенной; и, поскольку вселенная есть предметъ человѣческаго познанія, парадоксъ оказывается истиною. Что бы мы ни познавали или старались познать — Бога или міръ, духъ или матерію, отдаленное или близкое, мы познаемъ и можемъ познавать только постольку, поскольку обладаемъ способностью знанія вообще; и мы можемъ примѣнять эту способность, только подчиняясь законамъ, контролирующимъ и опредѣляющимъ ея операціи. Вслѣдствіе этого какъ бы велика, безконечна и разнообразна ни была вселенная и то, что содержится въ ней, — все это познается нами не такъ, какъ оно существуетъ, а такъ, какъ нашъ духъ способенъ познать его. Отсюда и» (схоластическая) «поговорка — что̀ воспринимается, воспринимается по способу воспринимающаго (quicquid recipitur, recipitur ad modum recipientis). Такимъ образомъ, такъ какъ философія есть знаніе и такъ какъ всякое знаніе возможно только подъ условіями, которымъ подчинены наши способности, великая, основная задача философіи прежде всего должна состоять — въ изслѣдованіи и опредѣленіи этихъ условій, какъ необходимыхъ условій собственной возможности философіи. Во вторыхъ, такъ какъ философія есть не просто знаніе, а знаніе причинъ, и такъ какъ самъ

[1]) Ibidem, стр. 58—60.

духъ и есть общая и главная споспѣшествующая причина въ каждомъ актѣ познанія, философія обязана сдѣлать духъ своимъ первымъ и существеннымъ предметомъ разсмотрѣнія. Изученіе духа будетъ по преимуществу философскимъ изученіемъ. Нѣтъ вѣтви философіи, которая не предполагаетъ этого изученія, какъ своего предварительнаго условія, которая не заимствуетъ отъ этого изученія свѣта. Значительное количество этихъ вѣтвей, въ самомъ дѣлѣ, суть только та же наука о духѣ, разсматриваемая съ частныхъ сторонъ или въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ примѣненіяхъ»[1]). «Кратко сказать, наука о духѣ, сама ли по себѣ или въ отношеніи къ другимъ отраслямъ знанія, составляетъ главный и наиболѣе важный предметъ философіи, составляетъ, строго говоря, съ зависящими науками собственную философію»[2]).

Это — очевидно опредѣленія Гамильтона философіи и, что особенно важно, первыя предварительныя опредѣленія, предполагающія мало знакомыхъ съ философіею. И очевидно также, что уже съ самаго начала Гамильтонъ не желаетъ отправиться по пути указаннаго выше психологическаго направленія, съ самаго начала онъ заявляетъ, что «факты, событія случаются и познаются нами только въ соединеніи». Однако, какъ же ближе опредѣляетъ Гамильтонъ эту, названную нами выше синтетическою или логическою, точку зрѣнія? Указанія на то, что философія занимается изслѣдованіемъ причинъ явленій, причемъ въ установленіи причинъ стремится къ единству, еще слишкомъ общи, такъ какъ нашъ философъ оговаривается, что подъ причинами пока онъ разумѣетъ только — безъ чего не было бы слѣдствій, т. е. въ сущности повторяетъ, что познаніе явленій необходимо предполагаетъ ихъ соединеніе. Въ нѣкоторой степени мы найдемъ эти ближайшія опредѣленія Гамильтона также въ его вступительныхъ лекціяхъ, въ одной изъ слѣдующихъ первыхъ лекцій — тамъ, гдѣ онъ говоритъ о методахъ, точнѣе о методѣ философіи.

«Разсматривая философію прежде всего въ отношеніи къ ея первой задачѣ — открытію причинъ», говоритъ Гамильтонъ, «мы видѣли, что причины (принимая этотъ терминъ какъ синонимичный для всего, безъ чего не было бы слѣдствія) суть только содѣйствующія слѣдствію; слѣдствіе не представляетъ

---

[1]) Ibidem, стр. 61—62.

[2]) Ibidem, стр. 63.

собою ничего болѣе, какъ сумму или собраніе всѣхъ частныхъ причинъ, стеченіе которыхъ установляетъ существованіе слѣдствія. Если это такъ, — а вѣдь только опытомъ мы открываемъ, какія частныя причины должны сойтись, чтобы произвести такое или иное слѣдствіе, — отсюда выходитъ, что ничто не можетъ быть познано нами какъ причина иначе, какъ въ слѣдствіи и черезъ слѣдствіе; другими словами, мы можемъ дойти до познанія причины, только извлекши ее изъ ея слѣдствія... И хотя бываетъ, что мы вызываемъ слѣдствіе черезъ соединеніе его причинъ и разлагаемъ слѣдствіе черезъ разъединеніе причинъ, — это только случайное обстоятельство; ибо гораздо бо́льшее количество предметовъ, представляющихся нашему наблюденію, можетъ быть только разложено, а не вызвано въ дѣйствительности, и въ тѣхъ, которые могутъ быть вызваны, эта возможность есть только результатъ знанія причинъ, предварительно пріобрѣтеннаго черезъ первоначальное разложеніе слѣдствія. Поскольку, слѣдоват., философія есть изслѣдованіе причинъ, необходимымъ условіемъ ея возможности оказывается разложеніе слѣдствій на ихъ составныя причины. Это — основной ходъ дѣла въ философіи, и обозначается греческимъ терминомъ *анализъ*. Но хотя анализъ есть основной процессъ, онъ всеже есть только средство къ цѣли. Мы анализируемъ только чтобы понимать; а понимаемъ мы только постольку, поскольку способны воспроизвести въ мысли сложныя слѣдствія, разложенныя нами на ихъ элементы. Это мысленное воспроизведеніе есть такимъ образомъ окончательный, завершающій процессъ въ философіи, и оно обыкновенно извѣстно подъ греческимъ названіемъ *синтеза*. Анализъ и синтезъ, хотя обыкновенно трактуются какъ два различные метода, однако, правильно понятые, суть только двѣ необходимыя части одного и того же метода. Каждый относителенъ и соотносителенъ къ другому. Анализъ, безъ послѣдующаго синтеза, неполонъ: это — средство, отрѣзанное отъ своей цѣли. Синтезъ, безъ предварительнаго анализа, лишенъ основанія; ибо синтезъ получаетъ отъ анализа элементы, которые онъ вновь составляетъ. И какъ синтезъ предполагаетъ анализъ, какъ заранѣе необходимое условіе своей возможности, такъ же онъ зависитъ отъ анализа и въ своихъ качествахъ. Значеніе каждаго синтеза зависитъ отъ значенія предшествующаго анализа. Если предшествующій анализъ представляетъ ложные элементы, послѣдующій синтезъ этихъ

элементовъ необходимо представитъ ложный результатъ. Если элементы, доставленные анализомъ, приняты, а не открыты на самомъ дѣлѣ, другими словами, если элементы гипотетичны, синтезъ этихъ гипотетичныхъ элементовъ составитъ только гадательную теорію. Законность каждаго синтеза отсюда необходимо зависитъ отъ законности анализа, который предполагается синтезомъ и на которомъ синтезъ основывается... Хотя каждая изъ этихъ операцій необходима для другой, однако, если бы намъ было возможно различать и сравнивать то, на что должно смотрѣть только какъ на соединенное, предпочтеніе слѣдовало бы отдать анализу. Анализъ всегда имѣетъ цѣну; ибо хотя въ данное время существуетъ анализъ безъ синтеза, синтезъ въ какое-либо время можетъ быть прибавленъ; тогда какъ синтезъ безъ предварительнаго анализа кореннымъ образомъ и съ самаго начала не имѣетъ значенія»[1]).

Совершенно то же, по Гамильтону, и по отношенію ко второй задачѣ философіи — сведенію нашихъ знаній къ единству. «Все, представляющееся нашему наблюденію», указываетъ далѣе Гамильтонъ, «внѣшнее ли или внутреннее, доставляемое чувствами или самосознаніемъ, представляется какъ сложное. Черезъ чувства предметы наполняются въ духѣ во множествѣ, и каждый отдѣльный предметъ изъ этого множества самъ есть собраніе многихъ различныхъ качествъ. То же самое имѣетъ мѣсто и при феноменахъ самосознанія. Каждое измѣненіе духа есть сложное состояніе; и различные элементы каждаго состоянія обнаруживаются только другъ въ другѣ и другъ черезъ друга. Такимъ образомъ нашему наблюденію не представляется ничего кромѣ множества; и однако наши способности такъ ограничены, что могутъ постигать сразу только самыя простыя соединенія. Является повидимому вслѣдствіе этого особое несоотвѣтствіе между нашими познавательными способностями и познаваемыми предметами. Какъ возстановить равновѣсіе? Это — великая задача, предлагаемая природою, и возможность рѣшить ее и даютъ намъ анализъ и синтезъ въ соединеніи. Наприм., я замѣчаю дерево между другими предметами обширнаго ландшафта, и я желаю получить полное и раздѣльное представленіе объ этомъ деревѣ. Что долженъ я дѣлать? Divide et impera: я дол-

[1]) Lect. on Metaph. and Log. Vol. I, Lect. VI, стр. 97—99.

женъ обратить мое вниманіе на самое дерево, т. е. съ исключеніемъ всѣхъ другихъ составныхъ частей сцены, представляющейся мнѣ. Я, слѣдоват., анализирую сцену, я отдѣляю незначительную часть сцены отъ остального, чтобы разсмотрѣть эту часть отдѣльно. Но этого недостаточно, само дерево не есть единство, но, наоборотъ, сложное соединеніе элементовъ, далеко болѣе того, чѣмъ сколько сразу могутъ постигнуть мои способности. Я долженъ повести мой анализъ еще далѣе. Соотвѣтственно я разсматриваю послѣдовательно высоту дерева, его ширину, форму; я затѣмъ перехожу къ его стволу, поднимаюсь отъ ствола къ вѣтвямъ и слѣжу за различными развѣтвленіями дерева; я сосредоточиваю мое вниманіе на листьяхъ, въ отдѣльности обозрѣваю ихъ форму, цвѣтъ и т. д. Только послѣ того какъ я отдѣлилъ такимъ образомъ анализомъ всѣ эти части, чтобы имѣть дѣло съ ними въ отдѣльности, мнѣ оказывается возможнымъ, давши процессу обратный ходъ, снова вполнѣ понять всѣ эти части въ рядѣ синтетическихъ актовъ. Синтезомъ, шагъ за шагомъ поднимаясь отъ послѣдняго анализа, я разсматриваю части въ ихъ отношеніи другъ къ другу и, въ концѣ, къ цѣлому, по отношенію къ которому онѣ только составляютъ его. Я воспроизвожу части; и только черезъ эти два противоположные процесса анализа и синтеза я въ состояніи превратить въ ясное, раздѣльное и понятное знаніе смутное воспріятіе дерева, полученное мною съ перваго взгляда»[1]).

«Еще болѣе», продолжаетъ Гамильтонъ, «требуются анализъ и синтезъ, чтобы дать духу возможность свести неопредѣленное множество предметовъ, — мы можемъ сказать безконечность природы, — къ предѣламъ его собственнаго конечнаго пониманія. Чтобы выполнить это, требуется извлечь единое изъ многаго и такимъ образомъ множество призвать къ единству, безпорядокъ къ порядку. И какъ совершается это? Единое во многомъ есть то, въ чемъ сходятся множество предметовъ, т. е. то, что можетъ быть разсматриваемо какъ одно и то же» (во многихъ предметахъ); «и такъ какъ согласіе предметовъ въ какомъ-либо общемъ качествѣ открывается только черезъ наблюденіе и сравненіе самихъ предметовъ, отсюда слѣдуетъ, что знаніе единаго можетъ быть извлечено изъ предшествующаго знанія многаго. Но это извлеченіе можетъ быть совершено только

[2]) Ibidem, стр. 99—101.

черезъ анализъ и синтезъ. Анализомъ изъ безконечности предметовъ, представляющихся нашему наблюденію, мы выбираемъ нѣкоторые. Эти нѣкоторые предметы мы разсматриваемъ отдѣльно и, далѣе, только съ извѣстныхъ точекъ зрѣнія, — и мы сравниваемъ ихъ съ другими, также разсматриваемыми съ тѣхъ же точекъ зрѣнія. Постольку ходъ дѣла будетъ носить аналитическій характеръ. Открывши однако этимъ наблюденіемъ и сравненіемъ, что извѣстные предметы сходятся въ извѣстныхъ отношеніяхъ, мы обобщаемъ качества, въ которыхъ они совпадаютъ, т. е. отъ извѣстнаго количества индивидуальныхъ случаевъ мы заключаемъ къ общему закону, мы совершаемъ то, что называется актомъ индукціи. Эта индукція ошибочно разсматривается какъ аналитическій процессъ, это — процессъ чисто синтетическій». Въ самомъ дѣлѣ, напр., «утвержденіе, что это, то и» (всякое) «другое тѣло тяготѣютъ» (другъ къ другу), «соединяется съ утвержденіемъ, что всѣ тѣла тяготѣютъ» (другъ къ другу), «только черезъ вставку между обоими третьяго утвержденія, въ силу котораго два первыя связываются въ основаніе и послѣдующее, т. е. въ логическую причину и слѣдствіе». Третье утвержденіе (положеніе, что «природа однообразна въ своихъ дѣйствіяхъ») «вставляется въ индуктивное разсужденіе самою мыслью», и, слѣдов., «мысль связываетъ отдѣльныя наблюденныя и собранныя въ одно цѣлое субстанціи, и превращаетъ въ общій законъ то, что есть только наблюденіе многихъ частныхъ случаевъ. Такой ходъ дѣла очевидно синтетическій»[1]).

[1]) Ibidem, стр. 101—103. Между прочимъ по поводу этихъ разсужденій объ анализѣ и синтезѣ Гамильтону возражаетъ Дж. Ст. Милль въ своемъ «Обзорѣ». По словамъ Милля разсужденія Гамильтона объ этихъ методахъ только подтверждаютъ недостаточное знакомство нашего философа съ естественными науками. Приведя положеніе Гамильтона, что «синтезъ безъ предварительнаго анализа не имѣетъ значенія», Милль спрашиваетъ,—«читалъ ли когда-нибудь Гамильтонъ сообщеніе какого-либо химика о какой-либо вновь открытой элементарной субстанціи? И если читалъ, не находилъ ли онъ, что открывшій постоянно удостовѣряется синтезомъ, какія комбинаціи составитъ новый элементъ со всѣми другими элементами, съ которыми онъ имѣетъ сродство?» И Милль заключаетъ: «Гамильтонъ «думалъ только о психологическомъ изслѣдованіи» (точнѣе слѣдовало бы сказать—объ изслѣдованіи въ области духа), «гдѣ дѣйствительно обыкновенно случается, что сложный фактъ представляется намъ прежде и мы начинаемъ съ анализа его; нашъ синтезъ, если вообще исполнимъ, имѣетъ мѣсто послѣ и служитъ

Эти послѣдующія Гамильтоновскія указанія могутъ вызвать сомнѣніе по отношенію къ утвержденію, высказанному нами ранѣе. Можно спросить — какая же это будетъ синтетическая точка зрѣнія у нашего философа, когда онъ говоритъ не только о синтезѣ, но и объ анализѣ? Несомнѣнно, что Гамильтонъ говоритъ объ анализѣ и даже какъ будто придаетъ бо́льшее значеніе анализу, но какой это анализъ? Вѣдь это — анализъ, существеннымъ образомъ связанный съ синтезомъ, анализъ, по отношенію къ которому только синтезъ является его завершеніемъ и оправданіемъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Гамильтонъ какъ будто

только къ повѣркѣ анализа» (J. S. Mill «An Examin. of Sir W. Hamilton's Philos». 6 edit, стр. 639—640 прим.). Однако, мнѣ кажется, и здѣсь, какъ во многихъ случаяхъ, на которые придется указывать въ дальнѣйшемъ изложеніи, Милль не справедливъ къ Гамильтону. Не распространяясь о томъ, что развито подробнѣе далѣе въ текстѣ, не распространяясь о томъ, что разсужденія Гамильтона о предпочтительности анализа передъ синтезомъ слѣдуетъ поставить въ связь съ предыдущимъ и послѣдующимъ, съ положеніемъ, что оба метода, строго говоря, нельзя отдѣлять другъ отъ друга, укажу на слѣдующее. Несомнѣнно — съ этимъ соглашается и Милль — въ изслѣдованіи въ области духа исходятъ отъ представляющагося прежде сложнаго факта, но не то же ли самое происходитъ и въ естественныхъ наукахъ, не отправляются ли и въ естественныхъ наукахъ отъ данной дѣйствительности? Милль повидимому думаетъ, что, по мнѣнію Гамильтона, синтезъ долженъ быть буквальнымъ воспроизведеніемъ этого предшествующаго сложнаго факта, но, если на основаніи отдѣльныхъ выраженій нашего философа можно прійти къ такому заключенію, опять таки разсужденія его во всемъ объемѣ не даютъ права на такое заключеніе. Послѣ синтеза мы, по Гамильтону, приходимъ къ пониманію того, что раньше было для насъ смутно и неясно,— это значитъ, что, если послѣ синтеза мы и приходимъ къ данному раньше, это данное представляется теперь уже т. ск. въ расширенномъ видѣ, и расширеніе обусловливается другими, побочными синтезами, вовсе не ограничивающимися только даннымъ ранѣе (ср., напр., примѣры Гамильтона объ образованіи единаго изъ многаго, объ индукціи). Если же такъ и если имѣть въ виду, что анализъ у Гамильтона вполнѣ связанъ съ синтезомъ, возраженія Милля оказываются не такъ существенными, — Гамильтонъ могъ знать факты, приводимые Миллемъ относительно химиковъ, и все-таки остался бы при своихъ мнѣніяхъ. И въ естественныхъ наукахъ по Гамильтону, какъ и въ наукахъ о духѣ, отправляются отъ непосредственно данной дѣйствительности, затѣмъ анализируютъ эту дѣйствительность и анализъ имѣетъ существенное значеніе, но существенность эта, какъ я стараюсь показать далѣе въ текстѣ, обнаруживается въ послѣдующемъ синтезѣ, который дѣлается или во всякомъ случаѣ можетъ быть сдѣланъ; при этомъ синтезъ вовсе не есть буквальное воспроизведеніе предшествующаго, онъ, въ связи съ анализомъ, есть объясненіе предшествующаго, данной дѣйствительности.

отдаетъ предпочтеніе анализу, онъ тутъ же замѣчаетъ, что въ сущности различаетъ и сравниваетъ «долженствующее разсматриваться только какъ соединенное», а затѣмъ сейчасъ же добавляетъ, что, при наличности анализа безъ синтеза въ данное время, всеже «синтезъ можетъ быть когда-либо прибавленъ», т. е. опять таки указываетъ, что и здѣсь сила анализа обнаружится только въ послѣдующемъ же синтезѣ. Гамильтонъ, какъ и предшествовавшіе ему представители истинной шотландской школы, конечно не противъ анализа, онъ только рядомъ съ анализомъ, которому другіе англійскіе философы придавали исключительное значеніе, желаетъ поставить на совершенно равныхъ правахъ и синтезъ, желаетъ оттѣнить въ познаніи участіе мысли — именно связующаго, синтезирующаго элемента. Это и есть синтетическая или логическая точка зрѣнія, освѣщающая значеніе и самого анализа и показывающая, что съ однимъ анализомъ оставаться невозможно, что собственно методомъ философіи должны быть вмѣстѣ и анализъ и связанный съ нимъ синтезъ. Но для выясненія у Гамильтона этой синтетической или логической, по нашей терминологіи, точки зрѣнія нужно пойти еще далѣе.

Гдѣ же проявляются этотъ синтезъ и анализъ, какою областью явленій ближайшимъ образомъ занимается философія? Выше, еще въ первыхъ приведенныхъ опредѣленіяхъ философіи, Гамильтонъ, какъ мы видѣли, указывалъ, что это — «явленія духа», что духъ есть «общая и главная причина въ каждомъ актѣ познанія», но это — опять таки слишкомъ общія указанія, не ясно, какія же въ частности явленія, наблюдаемыя человѣкомъ, должны составить предметъ изслѣдованія въ философіи. Такою областью будетъ, по Гамильтону, область сознанія, и потому отъ общаго ученія Гамильтона о философіи и философскомъ методѣ естественно перейти къ его ученію о сознаніи. И здѣсь, такъ какъ это послѣднее ученіе развивалось, совершенствовалось у нашего философа, мы изложимъ его въ той формѣ, какъ оно представлялось нашему философу въ послѣдніе годы его жизни, въ наиболѣе зрѣлой формѣ ученія — по одному изъ дополнительныхъ Гамильтоновскихъ разсужденій къ изданію сочиненій Рида, попавшему въ это изданіе уже послѣ смерти самого Гамильтона и озаглавленному именно «о сознаніи». Только въ немногихъ случаяхъ намъ придется дополнить это разсужденіе мѣстами и изъ лекцій.

Гамильтонъ начинаетъ указанное разсужденіе слѣдующимъ заявленіемъ: «Въ каждомъ законномъ изслѣдованіи, касающемся феноменовъ духа, именно сознаніе представляетъ намъ сразу — способность знанія, средства наблюденія, пунктъ откуда наше изслѣдованіе должно отправиться, предѣлъ изслѣдованія, мѣру его цѣнности, гарантію его истины». И въ разъясненіе этого заявленія онъ продолжаетъ: «Сознаніе не слѣдуетъ разсматривать просто какъ отдѣльную и особую способность самопознанія, какъ способность, имѣющую дѣло съ другими интеллектуальными операціями и состояніями, отъ которыхъ она отличается, какъ отъ своихъ объектовъ; но, наоборотъ, на сознаніе должно смотрѣть какъ на общее выраженіе первичнаго и основного условія всѣхъ дѣятельностей и состояній нашего духа, поскольку эти дѣятельности и состоянія познаются существующими. Ибо такъ какъ знаніе, чувствованіе и желаніе, во всѣхъ ихъ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ, могутъ существовать только какъ знаніе, чувствованіе и желаніе какого-либо опредѣленнаго субъекта, и такъ какъ этотъ субъектъ можетъ познавать, чувствовать, желать только постольку, поскольку онъ сознаетъ, что познаетъ, чувствуетъ и желаетъ, отсюда очевидно, что всѣ дѣйствія и состоянія разумнаго «я» включаютъ въ себя сознаніе какъ свое родовое и существенное качество. Съ другой стороны, такъ какъ не существуетъ какого-либо интуитивнаго или непосредственнаго знанія «я» какъ абсолютнаго субъекта мысли, чувства и желанія, но, наоборотъ, возможно только выводное, относительное и вторичное знаніе «я» — неизмѣннаго основанія преходящихъ видоизмѣненій, сознаваемыхъ нами непосредственно, — это ведетъ къ заключенію, что сознаніе не можетъ существовать какъ отдѣльная, частная и равная съ другими способность, независимо отъ частныхъ существующихъ на лицо дѣятельностей и состояній нашего духа. И отсюда если на сознаніе, въ отношеніи къ подчиненнымъ способностямъ разумнаго субъекта, можно смотрѣть какъ на ихъ необходимую (absolute) и всеобщую форму, то эти подчиненныя способности, въ отношеніи къ этому всеобщему спутнику своего существованія, съ точностью можно разсматривать какъ относительныя и частныя видоизмѣненія сознанія. И въ частности, — если говорить только о нашихъ способностяхъ знанія, необходимо имѣющихъ отношеніе къ чему-то отличному отъ сознающаго субъекта, — такъ какъ всѣ отличныя отъ нашего

духа существованія познаются только въ отношеніи къ разумному «я»— субъекту и условію этого познанія, и познаются разумнымъ «я» какъ сознающимъ собственную дѣятельность; и такъ какъ, съ другой стороны, мы только познаемъ «я» какъ существующее въ нѣкоторомъ частномъ состояніи, а это состояніе, въ свою очередь, всегда относится къ чему-то постороннему, посредственно или непосредственно опредѣляющему состояніе какъ его причина, — отсюда слѣдуетъ, что всякое знаніе въ нѣкоторой степени необходимо оказывается самопознаніемъ, и еще что всякое самопознаніе включаетъ сознаніе чего-то соотносительнаго, отличнаго отъ нашего духа дѣйствительно ли или возможно, реально или гипотетически. Различіе между сознаніемъ и нашими частными способностями знанія состоитъ не въ какомъ-либо реальномъ внутреннемъ различіи сознанія и способностей, но только въ порядкѣ, въ какомъ мы разсматриваемъ термины того же самаго отношенія... Сознаніе, слѣдовательно, одинаковымъ образомъ можетъ высказываться о всѣхъ нашихъ способностяхъ знанія и въ отношеніи ко всѣмъ объектамъ способностей, такъ какъ оно совпадаетъ съ сферою нашего знанія и опредѣляетъ его границы».

И относительно вопросовъ: «какъ сознаніе въ общемъ возможно; и какъ, въ частности, возможно сознаніе «я» и сознаніе чего-то отличнаго отъ «я»; какимъ образомъ мы можемъ имѣть сознаніе о какомъ-либо непосредственномъ (absolute) состояніи мыслящаго субъекта и сознаніе «я» въ его воспроизводящемъ отношеніи къ внѣшней ли возможности или къ предварительному акту сознанія»: слѣдуетъ сказать по Гамильтону, что «всѣ эти вопросы одинаково нефилософскіе вопросы, такъ какъ всѣ они одинаково предполагаютъ возможность внѣшней сознанію и имѣющей дѣло съ его операціями способности. Но всякая философія духа, если она не блуждаетъ въ области гипотезы, должна пользоваться сознаніемъ какъ единственнымъ орудіемъ наблюденія. Сознаніе даетъ намъ какъ непосредственныя (absolute), такъ и относительныя состоянія духа; и оно даетъ всѣ эти состоянія какъ факты, одинаково послѣдніе и необъяснимые» [1]).

---

[1]) The Works of Thom. Reid Vol. II. Note H. — «On Consciousness», § 1—«Reid's reduction of Consciousness to a special faculty», стр. 929—930. Этотъ параграфъ, какъ видно и изъ его заглавія, по мысли самого Гамиль-

Сознаніе, такимъ образомъ, несомнѣнно, по мнѣнію Гамильтона, есть то общее, съ чѣмъ имѣетъ дѣло философія; это — синтезъ въ философіи, завершающій и оправдывающій анализъ. Но что же даетъ анализъ, какія специфическія частныя черты, покрываемыя общимъ понятіемъ сознанія, можно найти въ самомъ этомъ сознаніи? Ученія Гамильтона, содержащія разъясненія по поводу этихъ вопросовъ, могутъ быть найдены въ дальнѣйшемъ изложеніи того же дополнительнаго къ изданію сочиненій Рида разсужденія, а также и въ лекціяхъ. Нашъ философъ въ дальнѣйшемъ изложеніи статьи въ изданіи сочиненій Рида между прочимъ дѣлаетъ нѣсколько общихъ замѣчаній, а затѣмъ отъ этихъ общихъ замѣчаній переходитъ къ ограниченіямъ (limitations) сознанія, какъ онъ выражается, т. е. къ перечисленію и характеристикѣ какъ разъ частныхъ отличительныхъ чертъ сознанія. Этимъ дальнѣйшимъ изложеніемъ мы и воспользуемся, точно также какъ именно здѣсь—въ характеристикѣ частныхъ чертъ сознанія воспользуемся, для лучшаго уясненія дѣла, и лекціями. «*Сознаніе есть необходимое условіе всякаго знанія — всякое знаніе есть сознаніе*», читаемъ мы далѣе въ томъ же разсужденіи «о сознаніи», причемъ это дальнѣйшее, очевидно, въ значительной степени содержитъ въ себѣ только повтореніе и болѣе краткую формулировку предшествовавшаго, «*обратно знаніе есть необходимое условіе всякаго сознанія — всякое сознаніе есть знаніе*. Сознаніе и знаніе фактически — одна и та же вещь, разсматриваемая въ различныхъ отношеніяхъ или съ различныхъ точекъ зрѣнія. Знаніе есть сознаніе, разсматриваемое въ отношеніи къ его объекту; сознаніе есть знаніе, разсматриваемое въ отношеніи къ его субъекту. Одно обозначаетъ, что *нѣчто познается* (мною); другое обозначаетъ, что *я познаю* (нѣчто). Эти различныя точки зрѣнія опредѣляютъ однако разницу въ значеніи». Но всеже «сознаніе», про-

---

тона, долженъ былъ представить главнымъ образомъ опроверженіе ученія Рида, считавшаго, по мнѣнію Гамильтона, сознаніе только одною изъ способностей духа, наравнѣ съ другими способностями. Однако, какъ мнѣ кажется, приведенныя разсужденія интересны и сами по себѣ, помимо ихъ отношенія къ Риду, просто какъ послѣднее ученіе нашего философа о сознаніи вообще. Въ самомъ дѣлѣ, въ томъ, что приведено, нѣтъ даже и упоминанія о Ридѣ; на отрывокъ можно смотрѣть какъ на безотносительное ученіе.

должаетъ Гамильтонъ, «есть болѣе ограниченный терминъ, чѣмъ знаніе. Ибо знаніе есть знаніе—или непосредственное или посредственное, или возможное или дѣйствительное; тогда какъ сознаніе есть только непосредственное и только дѣйствительное знаніе. Можно сказать—*объектъ познается*, хотя онъ познается только или можетъ познаваться въ воспроизведеніи, и хотя въ данное время онъ не находится передъ мыслью ни самъ по себѣ, ни въ своемъ воспроизведеніи. Но сказать—*я сознаю объектъ* нельзя, если этотъ объектъ не познается непосредственно и дѣйствительно. Однако, хотя терминъ «сознаніе» такимъ образомъ менѣе широкъ, чѣмъ терминъ «знаніе», истина положенія — что всякое знаніе предполагаетъ сознаніе—не теряетъ отъ этого своего значенія. Ибо всякое знаніе посредственнаго или воспроизведеннаго объекта имѣетъ мѣсто только въ сознаніи и черезъ сознаніе непосредственнаго объекта или воспроизведенія; и возможное знаніе есть знаніе только постольку, поскольку оно бываетъ или можетъ быть дѣйствительнымъ знаніемъ. Отсюда, если мы спросимъ — каковы условія знанія, мы упростимъ нашу задачу, спрашивая только — каковы условія сознанія; и изъ того, что было теперь сказано, первыя четыре, особенно общія ограниченія» (сознанія) «уже очевидны»[1]). Непосредственно затѣмъ Гамильтонъ и переходитъ къ перечисленію и характеристикѣ ограниченій или условій сознанія, и первыя четыре, или даже и пять, условій, онъ почти только формулируетъ, такъ какъ они въ самомъ дѣлѣ ясны изъ сказаннаго.

Первое условіе сознанія состоитъ по Гамильтону въ томъ, «*что оно есть знаніе*». *Второе*—«*что оно есть знаніе познаваемое мною*, «я», субъектомъ познанія». *Третье* —«*что оно есть непосредственное, а не посредственное знаніе*». *Четвертое*— «*что оно есть дѣйствительное, а не возможеное знаніе*». *Пятое*—«*что оно есть нѣкоторая представляемость*» (со стороны субъекта—apprehension). «Чтобы познавать», разъясняетъ это пятое условіе Гамильтонъ, «мы должны познавать что-либо, а познавать что-либо непосредственно и дѣйствительно значитъ познавать его имѣющимъ мѣсто въ данное время и при данныхъ обстоятельствахъ, т. е.» (какимъ либо об-

---

[1]) Ibidem, § 2 — «Conditions and Limitations of Consciousness», стр. 933.

разомъ) «представлять (схватывать—apprehend) его»[1]). *Шестое* условіе въ приложенномъ къ изданію сочиненій Рида разсужденіи нашъ философъ формулируетъ — «*сознаніе есть различеніе*, и предполагаетъ множество и различіе»[2]). Почти только этимъ здѣсь онъ и довольствуется, между тѣмъ въ лекціяхъ онъ разъясняетъ это шестое условіе болѣе обстоятельно, — обратимся поэтому еще къ лекціямъ. «Условіе сознанія, относительно котораго можно утверждать, что оно всѣми принимается», говоритъ Гамильтонъ въ лекціяхъ, «состоитъ въ томъ, что сознаніе предполагаетъ противоположеніе, различеніе; ибо мы можемъ сознавать только постольку, поскольку сознаемъ что-либо; и сознаемъ что-либо только постольку, поскольку сознаемъ — что́ именно есть это что-либо, т. е. различаемъ его отъ того, что́ оно не есть. Это различеніе бываетъ различныхъ родовъ и степеней. Во первыхъ, существуетъ противоположеніе между двумя великими противоположностями — «я» и «не-я», духомъ и матеріею (противоположеніе между субъектомъ и объектомъ болѣе обще). Мы сознаемъ «я» только въ противопоставленіи и черезъ противопоставленіе «я» «не-я»; а «не-я» сознаемъ только въ противопоставленіи и черезъ противопоставленіе «не-я» «я». Во вторыхъ, существуетъ различеніе состояній или видоизмѣненій однихъ отъ другихъ внутренняго субъекта или «я». Мы сознаемъ какое-либо состояніе духа только поскольку противопоставляемъ его другому; гдѣ два, три или болѣе такихъ состояній соединены, мы сознаемъ ихъ какъ одно; и если бы мы не замѣчали разницы въ видоизмѣненіяхъ нашего духа, можно бы было сказать о насъ, что мы абсолютно неспособны къ сознанію... Въ третьихъ, есть различеніе между частями и качествами внѣшняго міра. Мы сознаемъ какой-либо внѣшній предметъ только постольку, поскольку сознаемъ его отличнымъ отъ другихъ; гдѣ нѣсколько предметовъ, способныхъ къ различенію, соединены, мы сознаемъ ихъ какъ одинъ; гдѣ ни одинъ предметъ не различается, мы не сознаемъ ни одного»[3]).

---

[1]) Ibidem, стр. 933.

[2]) Ibidem, стр. 933.

[3]) Lect. on Metaph. and Logic Vol. I, Lect. XI, стр. 203.

Седьмое условіе формулируется нашимъ философомъ въ статьѣ въ изданіи сочиненій Рида — «*сознаніе есть сужденіе*», именно сужденіе, въ силу котораго познающееся признается существующимъ, и онъ очень одобряетъ Рида за то, что Ридъ первый т. сказ. подчеркнулъ это условіе, хотя и Ридъ, по словамъ Гамильтона, всеже проводилъ это условіе въ своихъ ученіяхъ не вполнѣ[1]). Но и здѣсь—въ разъясненіяхъ этого условія лекціи даютъ больше, и потому и здѣсь мы приведемъ еще разъясненія по лекціямъ. «Условіе сознанія, которое можетъ считаться признаваемымъ очень многими», читаемъ мы въ лекціяхъ тамъ же, откуда были взяты и разъясненія предыдущаго условія, тотчасъ за приведенными разъясненіями, «состоитъ въ томъ, что сознаніе включаетъ въ себя сужденіе. Сужденіе есть умственный актъ, которымъ одна вещь утверждается или отрицается о другой. Это условіе по истинѣ есть только необходимое слѣдствіе предыдущаго, ибо невозможно различать, не составляя сужденія,—различеніе или противопоставленіе фактически суть только отрицанія одной вещи о другой. Нѣкоторымъ можетъ казаться страннымъ, что сознаніе — простой и первичный актъ разумной дѣятельности должно быть сужденіемъ, на которое философы въ общемъ смотрѣли какъ на сложную и производную операцію. Однако это—совершенная ошибка. Сужденіе есть простой актъ духа, ибо всякій актъ духа заключаетъ въ себѣ сужденіе. Можемъ ли мы воспринимать или воображать безъ утвержденія, въ самомъ актѣ, внѣшняго ли или внутренняго существованія объекта? Эти основныя утвержденія суть утвержденія сознанія, другими словами его сужденія»[2]).

Восьмое условіе, въ сущности представляющее только развитіе положеній, уже заключавшихся въ седьмомъ условіи, гласитъ по Гамильтону по статьѣ о «сознаніи» — «*все мыслимое мыслится подъ аттрибутомъ существованія*»; существованіе есть *апріорное* или прирожденное духу понятіе, и первичный актъ сознанія есть экзистенціальное сужденіе. Ибо», разъясняетъ это восьмое условіе въ той же статьѣ Гамильтонъ, «если мы сознаемъ только, когда представляемъ (apprehend) объектъ, а

---

[1]) The Works of Thom. Reid. Vol. II, стр. 933—934.

[2]) Lectures on Met. and Log. Vol. I, Lect. XI, стр. 204—205.

представляемъ только, когда утверждаемъ, что онъ существуетъ, существованіе должно приписываться объекту духомъ. Но это не можетъ быть сдѣлано, если этотъ предикатъ не будетъ понятіемъ, скрытно уже находящимся напередъ въ духѣ. Въ самомъ дѣлѣ, предположите, что это понятіе производится опытомъ, а не просто обнаруживается по поводу опыта; предположите, однимъ словомъ, съ Локкомъ, что существованіе есть идея (не прирожденная, но) внушаемая разуму всякимъ внѣшнимъ предметомъ и всякою внутреннею идеею (Опытъ Локка кн. II, гл. 7, § 7); въ такомъ случаѣ необходимо должно быть допущено, что то, что внушаетъ понятіе существованія, само есть объектъ сознанія; ибо то, чего мы не сознаемъ, не можетъ внушить ничего. Но гдѣ находится объектъ сознанія, уже не мыслимый подъ тѣмъ самымъ аттрибутомъ, который, какъ утверждаетъ доктрина, и внушается первоначально объектомъ? Пока этотъ вопросъ не получитъ отвѣта, пока не представится даже возможности отвѣта,—мы можемъ безопасно отбросить гипотезу, выводящую понятіе существованія случайнымъ образомъ изъ предшествующаго знанія, вмѣсто того чтобы сдѣлать это понятіе условіемъ, необходимо предполагаемымъ всякимъ знаніемъ. *Бытіе* (ens) отсюда разсматривалось какъ *первое познаваемое* (primum cognitum) большимъ количествомъ, если не большинствомъ философовъ, болѣе или менѣе выдающимся образомъ, на болѣе сильныхъ или болѣе слабыхъ основаніяхъ» [1]).

Девятое условіе въ томъ же разсужденіи въ изданіи сочиненій Рида формулируется Гамильтономъ—«*осуществляясь только при признаніи существованія, сознаніе вмѣстѣ съ тѣмъ осуществляется только при признаніи существующаго какъ обусловленнаго*; и даже это положеніе требуетъ», по Гамильтону, «еще дальнѣйшаго ограниченія, такъ какъ и самое обусловленное мы сознаемъ только какъ не безусловно обусловленное. О безусловномъ, объ абсолютномъ или безконечномъ, мы не имѣемъ ни знанія, ни представленія, однимъ словомъ, не имѣемъ сознанія; и объ этихъ понятіяхъ, самихъ по себѣ непознаваемыхъ и непредставимыхъ, мы можемъ говорить только какъ объ отрицаніяхъ положительно познаваемаго и представимаго — обусловленнаго

[1]) The Works of Thom Reid. Vol. II, стр. 934.

въ его различныхъ фазахъ относительнаго, конечнаго и т. д.»[1]). Наконецъ, *десятое* условіе, формулировка и разъясненія котораго хотя и находятся въ той же статьѣ «о сознаніи» (въ посмертномъ переизданіи Манзеля Гамильтоновскаго изданія сочиненій Рида), однако въ сущности извлечены уже изъ другихъ сочиненій нашего философа (изъ лекцій и изъ «Разсужденій»— въ бумагахъ Гамильтона въ связи со статьею «о сознаніи», повидимому, остались только самыя общія указанія на это десятое условіе), заключается въ томъ, что сознаніе ограничивается *временемъ*, что сознанію присуще представленіе времени. «Время», разъясняется у Гамильтона, «есть необходимое условіе каждаго сознательнаго акта; мысль реализуется у насъ только въ послѣдовательности, а послѣдовательность можетъ имѣть мѣсто только при представленіи времени. Такимъ образомъ существованіе и существованіе во времени есть элементарная форма нашего познаванія». Однако и здѣсь «мы не представляемъ существованія во времени абсолютно или безконечно, мы представляемъ существованіе какъ обусловленное во времени»[2]).

Изъ этого ученія о сознаніи, и въ частности изъ ученія о специфическихъ чертахъ сознанія, уже вполнѣ очевидно, что нашъ философъ придерживается синтетической, логической точки зрѣнія, какъ мы ее развили въ нашей предыдущей главѣ. Въ самомъ дѣлѣ, исходя изъ положенія, что собственною областью философіи будетъ сознаніе и что въ сознаніи въ сущности и обнаруживается знаніе, Гамильтонъ указываетъ затѣмъ, что сознаніе есть различеніе, что при отсутствіи различенія нѣтъ и сознанія. Но вѣдь опредѣлять сознаніе какъ различеніе и въ то же время отожествлять сознаніе съ знаніемъ,—это значитъ именно утверждать, что во всякомъ знаніи, во всякомъ актѣ знанія съ самаго начала даются отношенія, которыя и сознаются. И дѣйствительно оказалось, что сознаются и познаются двѣ великія противоположности — «я» и «не-я», духъ и матерія; а затѣмъ въ каждой изъ этихъ противоположностей постоянно происходятъ противопоставленія, также отражающіяся въ сознаніи. Но противоположность, противопоставленіе, именно какъ отношенія,

---

[1]) Ibidem, стр. 934.

[2]) Ibidem, стр. 935.

необходимо включають въ себя два члена, которые въ данномъ случаѣ отрицательно, но всеже должны быть соединены для сознанія и познанія, — отсюда естественно, что сознаніе, будучи для Гамильтона различеніемъ, въ то же время съ самаго же начала является и логическимъ актомъ — сужденіемъ, синтезомъ. Далѣе, помимо этихъ противоположностей — «я» и «не-я», которыя всеже для Гамильтона суть дальнѣйшія условія, если обратить вниманіе только на самое первичное, на самое основное условіе сознанія, — и здѣсь мы найдемъ отношеніе — отношеніе существованія: каждый актъ, каждый фактъ сознанія и познанія прежде всего сознается и познается существующимъ, причемъ здѣсь сознаніе будетъ уже утвердительнымъ сужденіемъ, синтезомъ. И самое существованіе тотчасъ влечетъ за собою другія отношенія, — мы не можемъ по Гамильтону не сознавать того, что сознаемъ, существующимъ, но мы сознаемъ это существующее какъ условно, и притомъ не абсолютно условно, существующее, т. е. опять таки не можемъ не надѣлять его отношеніями. Наконецъ при актахъ сознанія и познанія съ самаго же начала замѣчается и еще отношеніе — акты сознанія и познанія сознаются и познаются только въ отношеніи послѣдовательности, времени; и это временное отношеніе также не абсолютно, оно также обусловлено, существованіе во времени не сознается абсолютно или безконечно, оно сознается какъ обусловленное во времени. Словомъ, при сознаніи и познаніи съ самаго начала, очевидно, даются, по Гамильтону, отношенія, безъ этихъ отношеній человѣкъ и не можетъ сознать или познать что-либо,—вѣдь это, конечно, тѣ же непроизвольныя сужденія Рида, внушаемыя ощущеніями, какъ первичными элементами знанія. Правда, Гамильтонъ какъ будто не такъ опредѣленно, какъ Ридъ, указываетъ, что наиболѣе важнымъ отношеніемъ при познаніи будетъ отношеніе субъекта и объекта, познающаго и познаваемаго, что дальнѣйшія отношенія даются для субъекта, который собственно и синтезируетъ въ дальнѣйшемъ члены отношеній, но это—только какъ будто; на самомъ дѣлѣ, какъ видно изъ самаго текста приведенныхъ ученій, и у нашего философа несомнѣнно субъектъ играетъ существеннѣйшую роль при познаніи. Ученіе Гамильтона въ этомъ случаѣ напоминаетъ ученіе второго представителя истинной шотландской школы, Догальда Стьюарта, который, какъ мы видѣли, также

не съ полною опредѣленностью утверждалъ, что испытываемыя нами психическія состоянія должны быть относимы къ «я», субъекту испытываемыхъ состояній, и по отношенію къ Гамильтону слѣдуетъ указать, что онъ какъ-бы боится очень опредѣленно говорить объ «я», о субъектѣ познанія. Нашему философу какъ-бы кажется, что при такой опредѣленности придется признать это «я», этотъ субъектъ абсолютнымъ, придется ввести въ познаніе нѣкоторый абсолютный, безотносительный элементъ, а между тѣмъ для нашего философа вся сила при познаніи именно въ отношеніяхъ. Принадлежность Гамильтона къ философамъ, которыхъ мы охарактеризовали въ предыдущей главѣ, какъ проводящихъ въ своихъ философствованіяхъ логическую точку зрѣнія, подтверждается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что уже и здѣсь на его ученіяхъ несомнѣнно замѣтно вліяніе Канта: въ самомъ дѣлѣ, опредѣленія понятія существованія какъ «апріорнаго», «прирожденнаго», «существующаго напередъ въ духѣ», очевидно, наводятъ на мысль, что всѣ такія опредѣленія должны были появиться въ силу знакомства съ ученіями Канта и впечатлѣнія, произведеннаго этими ученіями. И теперь же вполнѣ разъясняются сомнѣнія по поводу введенія нашимъ философомъ въ методъ философіи не только синтеза, но и анализа. Въ приведенныхъ выше указаніяхъ Гамильтона изъ его лекцій онъ говорилъ о философіи и о знаніи общимъ образомъ, онъ вовсе не имѣлъ въ виду указать, съ чего начинается знаніе, здѣсь же въ ученіи о сознаніи онъ именно указываетъ, съ чего начинается знаніе, и оказывается, что оно начинается съ синтеза. Съ общей точки зрѣнія и въ анализѣ какъ методѣ знанія, несомнѣнно, есть логическіе элементы, но только въ анализѣ, связанномъ съ синтезомъ, являющемся въ сопровожденіи и за синтезомъ, ибо анализъ, строго говоря, самъ по себѣ всеже предполагаетъ независимыя, самостоятельныя данныя, независимые элементы знанія, а связываетъ въ знаніи эти элементы только синтезъ, только логическое начало, начало мысли. Въ виду этого, именно общимъ образомъ Гамильтонъ могъ говорить и объ анализѣ какъ о методѣ въ философіи и знаніи, и могъ даже какъ будто отдавать предпочтеніе анализу, — принимая во вниманіе, какъ это теперь совершенно ясно, что синтезъ — это связующее начало проявляется по его ученію и въ самыхъ первичныхъ актахъ, въ самомъ основаніи сознанія и

познанія, никакъ нельзя назвать его философскую точку зрѣнія аналитическою, но конечно слѣдуетъ считать ее синтетическою, логическою.

Однако, приведенныхъ ученій Гамильтона для полнаго выясненія его взглядовъ на философію вообще и на ея методъ все-же еще недостаточно. Высказанное Гамильтономъ вначалѣ положеніе, что философія прежде всего занимается условіями знанія, теперь является болѣе разъясненнымъ, но относительно самыхъ условій еще остается много неяснаго. Въ только что разсмотрѣнныхъ ученіяхъ, и въ частности въ только что разсмотрѣнной таблицѣ условій сознанія, Гамильтонъ по бо́льшей части только перечисляетъ и констатируетъ условія, но не доказываетъ ихъ, а между тѣмъ важно бы было именно доказать и обосновать ихъ, показать, что такія условія и должны быть дѣйствительными условіями сознанія и соотвѣтственно знанія. Вѣдь и у Рида существеннымъ недостаткомъ было, что онъ, строго говоря, мало доказывалъ необходимость своихъ «принциповъ здраваго смысла»; по мѣткому выраженію проф. Сета критики Рида (особенно нѣмецкіе) смотрѣли и смотрятъ на него, какъ будто бы онъ, въ отвѣтъ на сомнѣнія Юма относительно дѣйствительнаго существованія духа и матеріи, «просто какъ-бы кричалъ на улицахъ, торжественно утверждая, что нашелъ гарантіи этихъ реальностей и принциповъ и принужденъ стоять за нихъ» [1]). Такое расширеніе ученія Гамильтона о сознаніи и знаніи въ смыслѣ доказательства и обоснованія условій сознанія и знанія несомнѣнно представило бы это ученіе въ болѣе совершенномъ видѣ. Въ самомъ дѣлѣ, у насъ не были бы только отдѣльныя и въ сущности очень удаленныя отъ знаній, какъ мы имѣемъ дѣло съ ними въ нашей дѣйствительности, условія, но условія знанія ясно связанныя съ нашими дѣйствительными знаніями, проявляющіяся въ дѣйствительныхъ знаніяхъ. Съ другой стороны, при такой болѣе обоснованной характеристикѣ можно бы было видѣть, что перечисленныя условія далеко не всѣ условія, что могутъ быть и еще условія знанія. Какъ на такое расширеніе ученія нашего философа о сознаніи и знаніи можно смотрѣть на одно изъ его наиболѣе обработанныхъ до-

[1]) Scott. Philos., стр. 118.

полнительныхъ разсужденій къ изданію сочиненій Рида — на первое такое дополнительное разсужденіе, озаглавленное «о философіи здраваго смысла». Содержаніе этого разсужденія можно охарактеризовать еще какъ ученіе нашего философа о необходимыхъ истинахъ, и это ученіе, и именно по указанному разсужденію, мы и изложимъ въ дополненіе къ приведеннымъ уже ученіямъ. Помимо того, что, благодаря этому ученію о необходимыхъ истинахъ, мы, какъ говоримъ, получимъ лучшее уясненіе взглядовъ Гамильтона на философію и ея методъ, это ученіе уяснитъ намъ и самую шотландскую философію «здраваго смысла». Гамильтонъ желаетъ стоять въ этомъ разсужденіи вполнѣ на точкѣ зрѣнія Рида, онъ только желаетъ представить эту точку зрѣнія Рида въ наиболѣе совершенномъ видѣ, — мы такимъ образомъ черезъ это ученіе о необходимыхъ истинахъ познакомимся также съ философіею «здраваго смысла» въ болѣе развитой и обоснованной формѣ этой философіи.

«Очевидно», говоритъ Гамильтонъ въ самомъ началѣ указаннаго разсужденія — тамъ, гдѣ онъ разъясняетъ значеніе доктрины здраваго смысла и цѣль доказательства въ этой доктринѣ, «что наши знанія не всѣ—выводныя знанія. Послѣдующія нельзя, въ силу безконечнаго движенія назадъ, извлекать изъ предшествующихъ, самихъ оказывающихся только послѣдующими. Ходъ доказательства, если доказательство возможно, въ концѣ долженъ покоиться на предложеніяхъ, которыя, заключая въ себѣ собственную очевидность, вынуждаютъ принять себя; и эти предложенія, будучи какъ первичныя необъяснимыми и какъ необъяснимыя непонятными, должны, слѣдовательно, обнаруживаться менѣе съ характеромъ знаній, чѣмъ съ характеромъ *фактовъ*, о которыхъ сознаніе удостовѣряетъ насъ подъ простою формою *чувства* или *вѣры*» [1]). Не пытаясь затѣмъ въ настоящемъ случаѣ перечислять — классифицировать и анализировать эти первичные элементы познанія, ограничиваясь только общимъ указаніемъ, «*что такіе элементы существуютъ*» и «что принятіе существованія нѣкоторыхъ первоначальныхъ основаній знанія въ самомъ духѣ не отвергается нѣкѣмъ изъ философовъ»,

[1]) The Works of Thom. Reid Vol. II, Note A—«On the Philosophy of Common Sense», § 1, стр. 742—743.

не отвергается даже производящими все наше знаніе изъ опыта, нашъ философъ переходитъ къ вопросу «объ авторитетѣ этихъ элементовъ какъ гарантій и критеріевъ истины». Спрашивается, задастъ онъ вопросъ — «какъ эти первичныя предложенія, эти первыя знанія, эти основные факты, чувствованія, вѣрованія удостовѣряютъ насъ въ своей собственной правдивости, истинности (veracity)? На это», отвѣчаетъ онъ, «единственно возможнымъ отвѣтомъ будетъ — какъ элементы нашей духовной конституціи, какъ необходимыя условія нашего знанія они *должны* признаваться нами истинными. Предполагать ихъ лживость значило бы предполагать, что мы созданы способными къ знанію для того, чтобы оказаться жертвами заблужденія; что Богъ обманщикъ и основа нашей природы ложь. Но такое предположеніе, хотя сдѣлать его нетрудно (if gratuitous), очевидно неосновательно. Ибо, наоборотъ, данныя нашего первоначальнаго сознанія должны очевидно *прежде всего* приниматься за истинныя. Только когда будетъ доказана ихъ лживость, ихъ авторитетъ *вслѣдствіе этого доказательства* можетъ затѣмъ отвергаться. Отсюда говорить вообще о доказательствѣ отъ здраваго смысла значитъ просто показать, что отрицаніе даннаго предложенія заключало бы отрицаніе какого-либо первоначальнаго даннаго сознанія; но такъ какъ всякое первоначальное данное сознанія должно быть принимаемо за истинное, данное предложеніе, какъ зависящее отъ такого принципа, должно быть допущено» [1]).

Далѣе необходимо по Гамильтону дѣлать различеніе — «между данными или сообщеніями сознанія, разсматриваемыми просто *въ нихъ самихъ какъ познаваемые факты или дѣйствительныя обнаруженія*» (сознанія), «и этими же сообщеніями, разсматриваемыми *какъ свидѣтельства истинности фактовъ помимо собственной феноменальной реальности сообщеній*. Разсматриваемыя съ точки зрѣнія перваго ограниченія данныя сознанія находятся внѣ всякаго скептицизма. Ибо такъ какъ само сомнѣніе есть только обнаруженіе сознанія же, невозможно сомнѣваться, что то, что обнаруживаетъ сознаніе, оно обнаруживаетъ, безъ того чтобы мы не сомнѣвались, что сомнѣваемся на самомъ дѣлѣ;

[1]) Ibidem, стр. 743.

т. е. безъ того, чтобы сомнѣніе не противорѣчило самому себѣ и черезъ это не уничтожало бы себя. Отсюда факты сознанія, какъ простые феномены, ставятся единодушнымъ признаніемъ всѣхъ скептиковъ и идеалистовъ, древняго и новаго времени, высоко надъ сомнѣніемъ... Разсматриваемыя же съ точки зрѣнія второго ограниченія, сообщенія сознанія не такъ рѣшительно отвергаютъ даже возможность сомнѣнія... Когда, наприм., сознаніе удостовѣряетъ насъ, что въ перцепціи мы непосредственно познаемъ внѣшнее и протяженное «не-я»; или что въ воспоминаніи черезъ воображеніе, составляющее предметъ нашего непосредственнаго познанія, мы получаемъ посредственное знаніе реальнаго прошедшаго; какъ можемъ мы отвергнуть сомнѣніе— въ первомъ случаѣ, что то, что дается какъ протяженная реальность, само не есть просто воспроизведеніе матеріи мыслью;— во второмъ, что то, что дается какъ посредственное знаніе прошедшаго, не есть просто существующій на лицо призракъ, имѣющій призрачное отношеніе къ прошедшему, не бывшему на самомъ дѣлѣ? Мы можемъ сдѣлать это только однимъ путемъ. Законность такого легкаго сомнѣнія необходимо предполагаетъ, что сообщеніе сознанія *не принимается какъ истинное.* Отсюда если съ одной стороны можно показать, что философски сообщенія сознанія должны приниматься, *пока* ихъ несомнѣнная или вѣроятная лживость не будетъ доказана положительно; и если съ другой стороны нельзя показать, что какая-либо попытка поколебать истинность сознанія когда-либо уже удавалась;—это ведетъ къ заключенію, что, при теперешнемъ состояніи философіи, на свидѣтельство сознанія должно смотрѣть какъ на стоящее высоко надъ подозрѣніемъ и сообщенія сознанія должны считаться имѣющими право требовать быстраго и безусловнаго признанія». Прежде всего здѣсь Гамильтонъ повторяетъ то, что было высказано имъ ранѣе. «На отрицающемъ лежитъ доказательство (neganti incumbit probatio)», говоритъ онъ. «Нельзя съ легкимъ духомъ предположить, что природа дѣйствуетъ не только безполезно, но въ антагонизмѣ съ самою собою; нельзя предположить, безъ какого-либо основанія, нашу способность знанія орудіемъ иллюзіи; относительно человѣка, — если только этотъ печальный фактъ не будетъ доказанъ, — нельзя считать, что онъ имѣетъ организацію для достиженія истины, и побуждается стремленіемъ къ истинѣ только чтобы сдѣлаться об-

маномъ и жертвою коварнаго создателя». Но затѣмъ, «хотя истинность первичныхъ убѣжденій сознанія должна быть допущена въ самомъ началѣ, все еще остается возможнымъ вести доказательство, что они не заслуживаютъ довѣрія. Какъ это можетъ быть сдѣлано? Какъ послѣднія основанія знанія, эти убѣжденія не могутъ опровергаться со стороны какого-либо болѣе высокаго знанія; и какъ первоначальныя вѣрованія, они по несомнѣнности превосходятъ всякую производную увѣренность. Но ихъ много, они по своему авторитету соподчинены, и ихъ свидѣтельство ясно и точно. Возможно такимъ образомъ для насъ смотрѣть на нихъ въ соотношеніи, сравнивать ихъ сообщенія, и разсматривать не противорѣчатъ ли они другъ другу и, противорѣча, не уничтожаютъ ли другъ друга. Это взаимное противорѣчіе возможно въ двухъ направленіяхъ. Во 1-хъ, можетъ случиться, *что первыя данныя сами* прямо или непосредственно противорѣчатъ другъ другу; во 2-хъ, можетъ случиться, что они посредственно или непрямо противорѣчивы, насколько *слѣдствія*, къ которымъ они *необходимо* ведутъ и за истинность или ложность которыхъ они такимъ образомъ отвѣтственны, взаимно несовмѣстимы. При установленіи какого-либо изъ этихъ двухъ случаевъ истинность сознанія будетъ опровергнута; ибо и въ томъ и въ другомъ случаѣ будетъ показано, что сознаніе несогласно съ самимъ собою и, слѣдоват., несогласно съ единствомъ истины. Но доказательство такого несогласія сознанія невозможно ни при какомъ другомъ процессѣ. Въ самомъ дѣлѣ, совершенно не будетъ аргументомъ противъ довѣрія къ сознанію, что всѣ или нѣкоторыя сообщенія сознанія необъяснимы — непонятны, т. е. что мы неспособны уяснить себѣ въ силу какого-либо высшаго понятія, какъ возможно то, о чемъ сообщеніе сознанія удостовѣряетъ насъ, что оно дѣйствительно имѣетъ мѣсто. Признавать критеріемъ истины даннаго сознаніемъ понятность этого даннаго было бы дѣйствительно идти къ нелѣпости. Ибо первыя данныя сознанія — условія, подъ которыми все остальное понимается, сами необходимо непонятны. Мы знаемъ и можемъ знать только, *что* они *существуютъ*, а не—*какъ* они *могутъ* существовать. Спрашивать, какъ возможенъ непосредственный фактъ сознанія, значитъ спрашивать, какъ возможно сознаніе; а спрашивать, какъ возможно сознаніе, значитъ предполагать, что мы имѣемъ другое сознаніе,

надъ человѣческимъ сознаніемъ и выше сознанія человѣка, и что относительно способа дѣйствія этого другого сознанія мы и производимъ изслѣдованіе. Если бы мы могли отвѣтить на этотъ вопросъ, «дѣйствительно мы были бы какъ боги»... Всякая философія есть только развитіе первичныхъ данныхъ сознанія, и какая-либо философіи, не принимающая истинности этихъ данныхъ, тѣмъ самымъ уничтожаетъ свою собственную возможность, есть самоубійство» [1]).

Однако, «никакая попытка показать, что данныя сознанія (въ самихъ ли себѣ или въ своихъ необходимыхъ слѣдствіяхъ) взаимно противорѣчивы, не удавалась; и принятое напередъ положеніе въ пользу истинности сознанія и возможности философіи никогда не было отвергнуто. Другими словами, первоначальное, всеобщее, догматическое ниспроверженіе знанія до сихъ поръ оказывалось невозможнымъ. Никто изъ философовъ формально не отрицалъ когда-либо истины и не отвергалъ авторитета сознанія, но только немногіе довольствовались или ни одинъ не довольствовался простымъ принятіемъ и твердымъ слѣдованіемъ предписаніямъ сознанія. Вмѣсто того чтобы почтительно обращаться къ сознанію, извлекать изъ него свои ученія и ихъ доказательства, каждый догматическій умозритель смотрѣлъ въ сознаніе только чтобы найти тамъ свои принятыя напередъ мнѣнія». Первымъ и наиболѣе явнымъ слѣдствіемъ этого было умноженіе философскихъ системъ, причемъ происходили всевозможныя уклоненія отъ единства истины. Вторымъ, менѣе явнымъ, слѣдствіемъ было уничтоженіе въ сущности каждою отдѣльною системою самой возможности философіи въ общемъ. Въ самомъ дѣлѣ, «такъ какъ возможность философіи предполагаетъ абсолютную истину сознанія, каждая система, исходившая изъ предположенія, что даже какое-либо единичное сообщеніе сознанія неистинно, хотя бы она и избѣгала заявлять объ этомъ открыто, тѣмъ не менѣе колебала такимъ предположеніемъ общую достовѣрность сознанія и давала скептику посылки, которыя нужны были ему для ниспроверженія философіи, насколько данная система представляла философію. И однако, хотя прошедшее философіи было, въ большой степени, только исторіею измѣненія и» (слѣд.) «заблужденія (variasse er-

[1]) Ibidem, стр. 744—746.

roris est); однако, когда извѣстна причина измѣненія, мы получаемъ прочное основаніе питать надежды относительно судьбы философіи въ будущемъ. Дѣйствительно, такъ какъ философія до сихъ поръ была несогласна съ собою только въ силу того, что была несогласна съ предписаніями нашихъ естественныхъ вѣрованій—«ибо истина всемірна и природа одна»; отсюда слѣдуетъ, что философія просто должна возвратиться къ естественному сознанію, чтобы возвратиться къ единству и истинѣ. И поступая такъ, мы должны только обращать вниманіе на три слѣдующія правила или предосторожности: — 1) Мы не допускаемъ ничего, если только оно не будетъ первоначальнымъ даннымъ сознанія или законнымъ слѣдствіемъ изъ такого даннаго; 2) мы принимаемъ всѣ первоначальныя данныя сознанія и всѣ ихъ законныя слѣдствія; и 3) мы представляемъ каждое изъ этихъ данныхъ и слѣдствій въ ихъ индивидуальной чистотѣ, не обезображенной и не искаженной, и отводимъ каждому его относительное мѣсто—первенства ли или подчиненія»[1]).

«Такимъ образомъ мы видѣли», указываетъ Гамильтонъ далѣе въ томъ же дополнительномъ разсужденіи, «что хотя доказательство отъ здраваго смысла есть обращеніе къ естественнымъ убѣжденіемъ человѣчества, оно не есть обращеніе философіи къ слѣпому чувству. Это только – обращеніе отъ еретическихъ заключеній частныхъ философскихъ системъ къ общимъ (catholic) принципамъ всей философіи. Предразсудокъ, который, при такомъ предположеніи, возбуждался иногда противъ доказательства отъ здраваго смысла, неосновательенъ. Точно также невѣрно, что доказательство отъ здраваго смысла отрицаетъ рѣшеніе со стороны философовъ и обращается за рѣшеніемъ къ приговору простыхъ людей. Ошибочнѣе этого ничего не можетъ быть. Мы допускаемъ, мы даже утверждаемъ, какъ Даламберъ прекрасно выражаетъ это, «что истина въ метафизикѣ, подобно истинѣ въ вещахъ вкуса, есть истина, зародыши которой всѣ существа, одаренныя духомъ, носятъ въ себѣ; на эту истину, дѣйствительно, бо́льшее количество такихъ существъ не обращаютъ вниманія, но они признаютъ ее въ тотъ самый моментъ, когда она имъ указывается... Но если всѣ способны

[1]) Ibidem, стр. 746—747.

понимать этотъ родъ истины, всѣ неспособны обучать ему. Заслуга легкаго сообщенія другимъ истинныхъ и простыхъ понятій гораздо болѣе велика, чѣмъ это обыкновенно предполагается; ибо опытъ показываетъ, какъ рѣдко можно наблюдать такое сообщеніе. Здравыя метафизическія идеи суть общія истины, которыя каждый принимаетъ, но талантъ развивать которыя имѣютъ немногіе. Такъ трудно на какомъ-либо предметѣ сдѣлать нашимъ собственнымъ достояніемъ то, что принадлежитъ каждому» (Сочиненія различнаго характера, т. IV, § 6)». И затѣмъ: «Такъ какъ первая задача философіи, — и это — задача, выполнить которую не легко, — заключается въ отыскиваніи, очищеніи и установленіи, посредствомъ умственнаго анализа и критики, основныхъ чувствованій или вѣрованій, въ которыхъ даны основныя истины, принадлежащія всѣмъ; и такъ какъ доказательство отъ здраваго смысла есть доказываніе этими чувствованіями или вѣрованіями, разъясненными и установленными, относительныхъ истинъ и ихъ необходимыхъ слѣдствій; — это доказательство, очевидно, зависитъ отъ философіи, какъ искусства, какъ пріобрѣтенной ловкости, и, несмотря на ошибки, которыя такъ часто совершали философы, не можетъ быть взято изъ ихъ рукъ. Здравый (общій) смыслъ подобенъ общему праву. И на тотъ и на другое можно ссылаться какъ на общее правило рѣшенія; но установлять, каково должно быть содержаніе правила — въ одномъ случаѣ должно быть предоставлено юристу, въ другомъ философу; и хотя въ обоихъ случаяхъ на простого человѣка можно ссылаться какъ на свидѣтеля, въ пользу ли привычки или факта, ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ нельзя позволить простому человѣку дѣйствовать въ качествѣ адвоката или судьи»[1]).

Какія же существенныя, характеристичныя черты, въ силу которыхъ мы могли бы отличить наши основныя, первоначальныя убѣжденія отъ производныхъ? Эти характеристичныя черты могутъ быть сведены, по Гамильтону, къ четыремъ: «1) къ *непонятности* этихъ убѣжденій, 2) ихъ *простотѣ*, 3) ихъ *необходимости* и *абсолютной всеобщности*, 4) ихъ *сравнительной очевидности* и *несомнѣнности*. Въ отношеніи къ первой чертѣ

[1]) Ibidem, § 3, стр. 751—752.

Гамильтонъ разъясняетъ: «Убѣжденіе непонятно, когда намъ въ сознаніи просто дается—*что объектъ убѣжденія существуетъ* (ὅτι ἔστι); и когда мы неспособны отдать себѣ отчетъ, въ силу какого-либо высшаго понятія или вѣрованія, *почему или какъ онъ существуетъ* (διότι ἔστι). Когда мы въ состояніи дать себѣ отчетъ, почему или какъ вещь существуетъ, вѣра въ существованіе этой вещи уже не есть первичное данное сознанія, но есть подведеніе подъ познаніе или вѣрованіе, содержащія основаніе вещи». По отношенію ко второй чертѣ:—«Очевидно, что если познаніе или вѣрованіе составлено изъ множества познаній или вѣрованій и можетъ быть сведено къ множеству, оно, какъ сложное, не можетъ быть первоначальнымъ». Относительно третьей черты: — «Необходимость и всеобщность могутъ быть разсматриваемы какъ совпадающія. Ибо когда вѣрованіе необходимо, оно, *тѣмъ самымъ*, всеобще; а если вѣрованіе всеобще—это несомнѣнное показаніе, что оно должно быть необходимымъ (см. Лейбницъ, Новые Опыты, кн. I, § 4). Однако, чтобы подтвердить необходимость, всеобщность должна быть абсолютною; ибо относительная всеобщность указываетъ не болѣе какъ на привычку и воспитаніе, какъ бы ни думали сами познающіе, что они слѣдуютъ только предписаніямъ природы... Слѣдуетъ замѣтить, что необходимость, о которой здѣсь говорится, бываетъ двухъ родовъ. Существуетъ одна необходимость, когда мы не можемъ представить для нашей мысли возможности неистинности сообщенія сознанія. Эта логическая невозможность имѣетъ мѣсто въ случаяхъ того, что называется необходимыми истинами — истинами разума или способности мышленія; какъ въ законѣ причинности, въ законѣ субстанціи, и еще болѣе въ законахъ тожества, противорѣчія и исключеннаго третьяго. Существуетъ другая необходимость, когда совершенно мыслимо, что сообщеніе сознанія можетъ быть ложно, но въ то же время, когда мы не можемъ не допустить, что это сообщеніе имѣетъ именно такое значеніе. Это наблюдается въ случаяхъ того, что называется случайными истинами или истинами факта. Такъ, наприм., теоретически я могу предположить, что внѣшній объектъ, который я сознаю въ перцепціи, въ реальности можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ модусомъ духа или «я». Я не могу однако думать, что онъ не является мнѣ — что сознаніе не понуждаетъ меня смотрѣть на него *какъ* на внѣшній, *какъ* на мо-

дусъ матеріи или «не-я». А если такъ, практически я не могу вѣрить предположенію, которое я въ состояніи поддерживать теоретически. Ибо я не могу вѣрить этому предположенію, не вѣря, что слѣдуетъ не вѣрить послѣднему основанію всякой вѣры; а это само-противорѣчиво... Доказательство отъ здраваго смысла, можно замѣтить, существенно важно въ отношеніи къ классу случайныхъ истинъ. Другія истины, вслѣдствіе того что противоположное имъ абсолютно немыслимо, въ достаточной степени гарантируютъ сами себя». Наконецъ относительно четвертой черты Гамильтонъ говоритъ: «Четвертая и послѣдняя характеристичная черта нашихъ первоначальныхъ вѣрованій заключается въ ихъ сравнительной очевидности и несомнѣнности. Это въ связи съ третьею чертою хорошо выражено Аристотелемъ: — «Что *является всѣмъ*—это мы утверждаемъ *существующимъ*; и кто не принимаетъ этого вѣрованія конечно не представитъ ничего, болѣе заслуживающаго довѣрія». И еще: «Если мы знаемъ и вѣримъ благодаря нѣкоторымъ первоначальнымъ принципамъ, мы должны знать эти принципы и вѣрить имъ съ *самою высокою несомнѣнностью* по той причинѣ, что мы знаемъ все остальное и вѣримъ ему благодаря этимъ принципамъ»»[1]).

Въ этомъ ученіи о необходимыхъ истинахъ несомнѣнно, какъ мы видимъ, находятся обоснованія Гамильтономъ своего ученія объ условіяхъ сознанія и соотвѣтственно знанія. Въ самомъ дѣлѣ, если взять по Гамильтону наши обыкновенныя, повседневныя знанія, основательность большей части этихъ знаній, благодаря той же обусловленности, связности знаній вообще, легко можетъ быть установлена указаніемъ, что эти знанія являются выводомъ изъ другихъ, обусловливаются другими. Но всего вывести, очевидно, нельзя, самыя послѣднія основанія знаній должны познаваться прямо, непосредственно,—эти послѣднія осно-

---

[1]) Ibidem, § 4, стр. 754—755. Послѣднія, приведенныя Гамильтономъ, мѣста изъ Аристотеля взяты: первое изъ Никомах. Этики кн. X, гл. 2, и второе—изъ 2-ой Аналитики кн. I, гл. 2. Это видно изъ послѣдняго 6-го параграфа того же дополнительнаго разсужденія; параграфъ этотъ прибавленъ Гамильтономъ, чтобы подтвердить свои мнѣнія относительно философіи здраваго смысла еще многочисленными свидѣтельствами различныхъ философовъ, начиная съ самыхъ зачатковъ философіи и до времени близкаго къ Гамильтону (относительно Аристотеля ср. ibidem, § 6, стр. 772—773).

ванія и суть условія сознанія и познанія. И Гамильтонъ и здѣсь не пытается точно перечислить всѣ эти условія, онъ указываетъ только принципъ для ихъ установленія и этимъ принципомъ является нѣкоторое reductio ad absurdum—указаніе, что непринятіе этихъ условій ведетъ къ лишенію возможности знать что-либо. Затѣмъ, хотя условія эти оказываются, конечно, условіями знаній и простыхъ, обыкновенныхъ людей, однако простымъ людямъ открыть ихъ не легко, и простые люди не сдѣлаютъ этого. Для установленія этихъ условій, этихъ необходимыхъ положеній требуется участіе человѣка свѣдущаго, философа. Именно философъ долженъ почтительно, какъ выражается Гамильтонъ, обращаться къ сознанію, не навязывать сознанію ничего, что́ бы ему хотѣлось найти въ немъ, и открывать въ сознаніи дѣйствительно простыя, самоочевидныя, всеобщія и необходимыя условія знанія. Такимъ образомъ этимъ привлеченіемъ философовъ къ открытію и установленію необходимыхъ положеній уже вполнѣ устраняется возраженіе, что философія здраваго смысла апеллируетъ къ простымъ, неискушеннымъ въ философіи людямъ. Если и Ридъ, какъ указываетъ проф. Сетъ, на самомъ дѣлѣ всеже доказывалъ свои принципы здраваго смысла; его любимымъ доказательствомъ было доказательство отъ всеобщности принятія принциповъ, причемъ эта всеобщность особенно ярко обнаруживается въ формѣ и выраженіяхъ языка—«структура всѣхъ языковъ основывается на общихъ понятіяхъ», утверждалъ по Сету Ридъ[1]), — то всеже такихъ доказательствъ приходится искать у Рида, они не стоятъ у него такъ на виду и не приведены въ нѣкоторую систему, какъ это имѣетъ мѣсто у Гамильтона, и главное, открытіе и установленіе этихъ принциповъ не отнесено такъ рѣшительно къ компетенціи спеціалистовъ философовъ. А что дѣйствительно установить эти принципы иногда очень трудно по Гамильтону,—это видно изъ ученія нашего философа о двоякой необходимости. Въ томъ, что́ нашъ философъ называлъ случайными истинами, истинами факта, особенно трудно правильно установить эти факты, правильно истолковать сообщенія сознанія относительно фактовъ,—и здѣсь, конечно, компетенція философовъ и должна имѣть особенное значеніе.

---

[1]) Scott. Philos., стр. 124. Ср. также стр. 123.

По поводу всего этого общаго ученія Гамильтона о философіи вообще и ея методѣ, и въ частности по поводу послѣдняго ученія о необходимыхъ истинахъ, со стороны другого, противоположнаго Гамильтону, психологическаго, по нашей терминологіи, направленія были высказаны, какъ и можно было ожидать, критическія замѣчанія. Особенно подробныя замѣчанія относительно ученія о необходимыхъ истинахъ были сдѣланы главнымъ критикомъ ученій Гамильтона Дж. Ст. Миллемъ,—Милль въ своемъ «Обзорѣ философіи Сэра Уил. Гамильтона» коснулся этого ученія не только мимоходомъ, въ примѣчаніи, какъ онъ сдѣлалъ это по отношенію къ Гамильтоновскому ученію объ анализѣ и синтезѣ, но онъ посвятилъ разбору ученія о необходимыхъ истинахъ отдѣльную (IX-ую) главу, которую и озаглавилъ — «объ истолкованіи сознанія» (конечно главнымъ образомъ по Гамильтону). Для лучшаго разсмотрѣнія ученія Гамильтона мы разсмотримъ и эту критику Милля.

Въ первой половинѣ указанной главы Милль между прочимъ критикуетъ тотъ аргументъ Гамильтона, что факты сознанія какъ простые феномены, какъ непосредственныя сообщенія сознанія, должны стоять внѣ скептицизма, такъ какъ сомнѣніе есть состояніе сознанія же и, сомнѣваясь, мы тѣмъ самымъ сомнѣваемся, что сомнѣваемся, т. е. противорѣчимъ себѣ. По Миллю, «сомнѣніе не есть состояніе сознанія, но отрицаніе состоянія сознанія. Не будучи ничѣмъ положительнымъ, но просто отсутствіемъ вѣры, сомнѣніе, кажется, представляетъ единственный интеллектуальный фактъ, который можетъ быть истиннымъ безъ самоутвержденія его истины; безъ нашей вѣры или невѣрія, что мы сомнѣваемся». И далѣе: «Гамильтонъ забываетъ, что сомнѣніе не есть положительный, но отрицательный фактъ. Этотъ фактъ означаетъ только, что мы не имѣемъ знанія о предметѣ или твердой вѣры въ него»[1]). На этой критикѣ еще не стоило бы останавливаться, такъ какъ въ концѣ, по мнѣнію Милля, «всѣ согласны съ Гамильтономъ въ самомъ положеніи, что дѣйствительный фактъ сознанія не можетъ подлежать сомнѣнію или отрицанію»; только доказательство нашего философа «столько же

[1]) J. S. Mill «An Examin. of Sir W. Hamilton's Philos., гл. IX, стр. 164 и примѣч. на стр. 165.

не можетъ быть принято, сколько и излишне»[1]);—но мы тѣмъ не менѣе всеже замѣтимъ, что и здѣсь Милль имѣетъ въ виду не то, что имѣетъ въ виду Гамильтонъ. Въ самомъ дѣлѣ, утвержденіе Милля, что сомнѣніе есть не положительный, а только отрицательный фактъ сознанія, только отсутствіе твердой увѣренности въ сообщаемомъ сознаніемъ, несомнѣнно относится къ содержанію, и притомъ къ частностямъ содержанія сознанія, — но имѣетъ ли здѣсь въ виду нашъ философъ такія частности? Въ данномъ мѣстѣ у Гамильтона совершенно очевидно говорится о самомъ общемъ въ сознаніи—о фактѣ сознанія, а въ такомъ случаѣ онъ конечно правъ, ибо какъ можно сомнѣваться въ фактѣ сознанія? Всякое сомнѣніе, оставляя въ сторонѣ частное содержаніе сомнѣнія, есть сознаніе же, — только это и доказываетъ здѣсь Гамильтонъ. Такое же какъ-бы нежеланіе стать на точку зрѣнія нашего философа проявляется и во второмъ критическомъ замѣчаніи Милля — что при доказательствѣ называемаго Гамильтономъ правдивостью сознанія, истинности свидѣтельства сознанія о лежащемъ внѣ сознанія, нельзя ссылаться на Творца, утверждать, что непринятіе нѣкоторыхъ свидѣтельствъ сознанія повлекло бы за собою объявленіе нашей природы ложью, а самого Создателя выставило бы какъ-бы насмѣхающимся надъ людьми. Кратко можно представить это второе замѣчаніе Милля такъ: Нѣкоторыя свидѣтельства сознанія, по строгомъ изслѣдованіи, всеже могутъ оказаться иллюзіями. Но «если Богъ снабдилъ насъ средствами исправить ошибку, то, вѣроятно, Онъ не имѣлъ въ виду, чтобы мы вводились ею въ заблужденіе: и какъ въ умозрѣніи, такъ и въ практическихъ дѣлахъ будетъ болѣе религіознымъ видѣть намѣренія Бога въ предписаніяхъ нашего обдуманнаго разума, а не въ предписаніяхъ «слѣпого и могущественнаго инстинкта природы»»[2]). Однако, гдѣ Гамильтонъ говоритъ противъ предписаній «обдуманнаго разума», не утверждаетъ ли онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, что установленіе принциповъ здраваго смысла, необходимыхъ истинъ, должно быть предоставлено философамъ, именно людямъ по преимуществу имѣющимъ дѣло «съ обдуманнымъ ра-

---

[1]) Ibidem, стр. 165.

[2]) Ibidem, стр. 171–172.

зумомъ»? Только для Милля нѣкоторыя изъ Гамильтоновскихъ необходимыхъ истолкованій фактовъ сознанія были «слѣпымъ и могущественнымъ инстинктомъ природы» въ томъ смыслѣ, что въ нихъ не замѣтно участія «обдуманнаго разума», но конечно не для Гамильтона. И если нашъ философъ, какъ мы указывали раньше, говоритъ—«на отрицающемъ лежитъ доказательство»,—это означаетъ, что онъ не удовлетворился бы разсужденіями Милля и на самомъ дѣлѣ не удовлетворялся разсужденіями предшествовавшихъ Миллю сторонниковъ его направленія. А что касается до «слѣпого и могущественнаго инстинкта природы», то и самъ Милль, когда дѣло идетъ о содержаніи сознанія, именно о томъ, что доставляется чувствами какъ такими, въ сущности не прочь сослаться на тотъ же инстинктъ. Въ началѣ той же главы, о которой у насъ идетъ рѣчь, мы встрѣчаемся у него съ такими выраженіями: «философски можно утверждать, что по законамъ психологіи мы не можемъ постичь ничего болѣе» (кромѣ,—какъ это видно изъ предыдущаго,—доставляемаго очевидностью чувствъ), «и что это» (эта очевидность) «и есть несомнѣнность, которую мы называемъ совершенною»[1]). Очевидность чувствъ, стало быть, представляетъ собою нѣчто вполнѣ несомнѣнное, аппелляція на нее невозможна, — не есть ли эта очевидность также инстинктъ?

Болѣе интересна вторая половина указанной главы сочиненія Милля; въ этой половинѣ Милль прямо подходитъ къ сущности дѣла и отмѣчаетъ различіе методовъ — съ одной стороны у себя и сторонниковъ своего направленія, съ другой у Гамильтона и согласныхъ съ нимъ философовъ. Методъ своего направленія онъ называетъ психологическимъ, методъ противоположнаго — интроспективнымъ. Затѣмъ онъ переходитъ ка характеристикѣ обоихъ методовъ. «Обработанный и остроумный разборъ философіи Локка, составляющій, быть можетъ, наиболѣе сильную часть Лекцій г. Кузена по исторіи философіи», говоритъ Милль, «начинается замѣчаніемъ, суммирующимъ характерныя черты двухъ великихъ школъ философіи духа помощью общаго описанія ихъ методовъ. Г. Кузенъ замѣчаетъ, что Локкъ былъ неправъ съ самаго начала, поставивши передъ собою какъ

---

[1]) Ibidem, стр. 158. Ср. также и начало главы.

вопросъ, который долженъ быть разрѣшенъ прежде всего, *происхожденіе* нашихъ идей. Это значило начинать не оттуда, откуда слѣдуетъ. Правильнымъ ходомъ было бы—начать съ опредѣленія, что̀ представляютъ идеи теперь, съ удостовѣренія—что̀ именно сообщаетъ намъ сознаніе, оставивши попытку построить теорію о происхожденіи какихъ-либо явленій духа на конецъ. Я принимаю», указываетъ по поводу этого замѣчанія Кузена Милль, «вопросъ, какъ г. Кузенъ ставитъ его, и я утверждаю, что никакая попытка опредѣлить, каковы суть прямыя сообщенія сознанія, не можетъ расчитывать на успѣхъ или не можетъ заслуживать какого-либо вниманія, если ей не будетъ предшествовать то, что, какъ говоритъ г. Кузенъ, должно только слѣдовать за нею — изслѣдованіе о происхожденіи нашихъ пріобрѣтенныхъ идей. Ибо мы не въ состояніи удостовѣриться какимъ-либо прямымъ процессомъ—что̀ именно сознаніе сообщало намъ въ то время, когда его сообщенія были въ своей первоначальной чистотѣ. Сознаніе представляется нашему наблюденію только какъ оно существуетъ теперь, когда эти первоначальныя сообщенія загромождены и скрыты подъ громадною кучею пріобрѣтенныхъ понятій и перцепцій. Г. Кузену кажется, что если мы будемъ, съ заботливостью и мелочностью, разсматривать наши теперешнія состоянія сознанія, различая и опредѣляя каждую составную часть, входящую въ нихъ какъ мы находимъ — если мы будемъ разсматривать каждый элементъ, который, какъ намъ представляется, мы признаемъ реальнымъ и который, при дѣйствительномъ сосредоточеніи нашего вниманія на немъ, мы не будемъ въ состояніи разложить на что-либо болѣе простое—мы достигнемъ крайнихъ и первичныхъ истинъ. Эти истины суть источники всего нашего знанія, и ихъ нельзя отрицать или въ нихъ нельзя сомнѣваться, не отрицая или не сомнѣваясь въ очевидности самого сознанія, т. е. въ единственной очевидности, которая находится здѣсь для чего-либо. Я утверждаю, что это—ошибочное пониманіе условій, налагаемыхъ на изслѣдователей трудностями психологическаго изслѣдованія. Начинать изслѣдованіе съ пункта, съ котораго г. Кузенъ думаетъ начать, значитъ фактически положить въ основаніе еще подлежащее доказательству. Ибо онъ долженъ знать если не самый фактъ, то по крайней мѣрѣ вѣрованіе своихъ противниковъ, что законы духа—законы ассоціаціи согласно одному классу мыслителей, категоріи раз-

судка согласно другому — способны создать, внѣ тѣхъ данныхъ сознанія, которыя неоспоримы, чисто духовныя представленія, такъ отожествляющіяся въ мысли со всѣми нашими состояніями сознанія, что намъ кажется и не можетъ не казаться, будто мы получаемъ ихъ прямою интуиціею; и, наприм., вѣра въ матерію, по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ этихъ мыслителей, произведена или по крайней мѣрѣ могла быть произведена такимъ образомъ. Идеалисты и скептики утверждаютъ, что вѣра въ матерію не есть первоначальный фактъ сознанія, какъ наши ощущенія, и вслѣдствіе этого ей недостаетъ того условія, которое, по мнѣнію г. Кузена и Сэра У. Гамильтона, даетъ нашимъ субъективнымъ убѣжденіямъ объективное значеніе. Правы или нѣтъ эти лица,— ихъ нельзя опровергать способомъ, какимъ г. Кузенъ и Сэръ У. Гамильтонъ пытаются дѣлать это — обращаясь къ самому сознанію. Ибо у насъ нѣтъ средствъ спросить сознаніе въ единственныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ возможно бы было для него дать достойный довѣрія отвѣтъ. Если бы мы могли испробовать опытъ надъ первымъ сознаніемъ въ какомъ-либо дитяти — надъ первымъ принятіемъ впечатлѣній, называемыхъ нами внѣшними,—что̀ именно находилось бы въ этомъ первомъ сознаніи было бы подлиннымъ свидѣтельствомъ сознанія и настолько заслуживало бы довѣрія; въ самомъ дѣлѣ, было бы такъ же мало возможности недовѣрять ему, какъ и самимъ нашимъ ощущеніямъ. Но мы не имѣемъ средствъ удостовѣриться теперь прямою очевидностью, сознавали ли мы внѣшніе и протяженные предметы, когда въ первый разъ открыли наши глаза на свѣтъ. Что вѣрованіе въ существованіе такихъ предметовъ или знаніе о нихъ находится въ нашемъ сознаніи теперь, всякій разъ когда мы пользуемся нашими глазами или нашими мускулами,—это еще не есть основаніе для заключенія, что это вѣрованіе или знаніе находилось тамъ сначала, не есть основаніе— пока мы не поставили вопроса о возможномъ внесеніи вѣрованія или знанія послѣ. Если можетъ быть указанъ какой-либо способъ, которымъ, въ предѣлахъ возможности, вѣрованіе или знаніе могло быть внесено въ сознаніе, гипотеза должна быть разсмотрѣна и отвергнута, прежде чѣмъ мы получимъ право заключить, что убѣжденіе есть первоначальное сообщеніе сознанія... Локкъ поэтому былъ правъ, полагая, что «происхожденіе нашихъ идей» есть существенное въ проблемѣ науки о духѣ и

предметъ, который долженъ быть разсмотрѣнъ прежде всего при составленіи теоріи духа. Будучи неспособными наблюдать дѣйствительно даваемое нашимъ сознаніемъ, пока вполнѣ не образуются наши болѣе раннія ассоціаціи, по необходимости связанныя наиболѣе прочно, наиболѣе тѣсно переплетенныя съ первоначальными данными сознанія, мы не можемъ изучать первоначальныхъ элементовъ духа въ фактахъ нашего теперешняго сознанія. Эти первоначальные элементы могутъ обнаружиться только какъ остаточныя явленія, при предварительномъ изученіи способовъ происхожденія фактовъ духа, безспорно не первоначальныхъ; изученіе должно быть достаточно основательнымъ, чтобы дать намъ право прилагать его результаты къ убѣжденіямъ, вѣрованіямъ или предполагаемымъ интуиціямъ, кажущимся первоначальными, и опредѣлять—не были ли произведены нѣкоторыя изъ нихъ тѣми же самыми способами такъ рано, что сдѣлались неотдѣлимыми отъ сознанія прежде времени, къ которому восходитъ память. Этотъ способъ установленія первоначальныхъ элементовъ духа я, за недостаткомъ лучшаго слова, называю психологическимъ, въ отличіе отъ просто интроспективнаго способа. Это—извѣстный и одобренный методъ естествознанія, примѣненный къ требованіямъ психологіи»[1]).

И далѣе, относительно критерія, которымъ представители интроспективнаго метода «рѣшаютъ, что какое-либо вѣрованіе есть часть нашего первоначальнаго сознанія — первоначальная интуиція духа», Милль говоритъ, что критерій этотъ «есть — необходимость мыслить вѣрованіе». Доказательство сторонниковъ интроспективнаго метода, «что мы должны были постоянно, съ самаго начала, имѣть вѣрованіе», заключается, по Миллю, «въ невозможности отдѣлаться отъ него теперь». «Въ этомъ Сэръ У. Гамильтонъ за одно со всѣмъ своимъ подраздѣленіемъ философскаго міра—съ Ридомъ, Стьюартомъ, Кузеномъ и, мы можемъ прибавить, съ Кантомъ». Въ примѣчаніи Милль добавляетъ: «Въ первомъ изданіи я прибавлялъ «и даже съ г. Гербертомъ Спенсеромъ», но этотъ мощный мыслитель, въ своей статьѣ въ *Двухнедѣльномъ Обозрѣніи*, отказывается отъ этого ученія. Какъ я теперь понимаю г. Спенсера, онъ утверждаетъ, что невозможность

[1]) Ibidem, стр. 176—179.

отдѣлаться отъ вѣрованія есть доказательство его истинности, а также и его первичной или крайней истинности, но не его интуитивности, такъ какъ даже наши первичныя формы мысли суть, по мнѣнію г. Спенсера, продукты опыта, нашего ли собственнаго или унаслѣдованнаго нами отъ предковъ по законамъ развитія организаціи. Я смѣшалъ двѣ идеи — идею первичной истины и идею интуитивной истины, которыя, насколько я знаю, никѣмъ не различались когда-либо кромѣ г. Спенсера; и, такимъ образомъ, я отождествилъ теорію г. Спенсера съ обыкновенною доктриною интуитивной философіи. Это, какъ я вижу теперь, было недоразумѣніемъ, хотя я думаю, что обѣ теоріи открыты для опроверженія одними и тѣми же аргументами, и разница между ними не существенна для критерія истины, хотя въ высшей степени важна для психологіи»[1]). И въ этомъ случаѣ, замѣтимъ, Милль конечно правъ: если и для Спенсера истинно то, чего нельзя не мыслить, — критеріи истины Гамильтона и Спенсера конечно совпадаютъ;—это указываетъ между прочимъ и проф. Монкъ въ своемъ сочиненіи о Гамильтонѣ[2]). Цѣнность же критерія представителей интроспективнаго метода Милль характеризуетъ такъ: «Это доказательство» (необходимость мыслить какое-либо вѣрованіе), «приложенное къ какому-либо изъ спорныхъ вопросовъ философіи, вдвойнѣ незаконно: ни бо́льшая, ни мéньшая посылка не можетъ быть допущена. Ибо, прежде всего, самый фактъ, что вопросы—спорны, опровергаетъ приведенную невозможность. Тѣ, противъ утвержденія которыхъ приходится защищать объявляемое необходимымъ вѣрованіе,—безошибочные примѣры, что оно не необходимо. Оно можетъ быть необходимымъ вѣрованіемъ для тѣхъ, кто думаетъ такъ; лично эти послѣдніе могутъ быть совершенно неспособны не принимать его. Но даже если и распространить эту неспособность на все человѣчество, вѣрованіе можетъ быть просто слѣдствіемъ сильной ассоціаціи, какъ невозможность вѣрить въ антиподовъ; и нельзя по-

---

[1]) Ibidem, стр. 181—182 и прим. на стр. 181. Статья же Герб. Спенсера, какъ мы указывали и въ нашей предъидущей главѣ—при обзорѣ литературы о Гамильтонѣ, находится въ The Fortnightly Review, 1865 July 15 (The Fortn. Rev., vol I, стр. 531—550).

[2]) W. H. S. Monck «Sir. Will. Hamilton», стр. 53 примѣч. 2.

казать, что даже тамъ, гдѣ такая невозможность, въ данное время, дѣйствительно имѣетъ мѣсто, она не могла бы быть побѣждена, какъ въ случаѣ антиподовъ. Исторія науки изобилуетъ непостижимостями, которыя были преодолѣны, и мнимыми необходимыми истинами, о которыхъ сначала перестали думать, что онѣ необходимы, затѣмъ, что онѣ истинны, и наконецъ пришли къ тому, что стали считать ихъ невозможными»[1]). А въ послѣднемъ примѣчаніи, находящемся въ той же главѣ, въ отвѣтѣ на возраженія «Изслѣдователя» въ сочиненіи «Битва двухъ философій», гдѣ «Изслѣдователь» понимаетъ первоначальность сознанія по Гамильтону въ томъ смыслѣ, что какой-либо первоначальный фактъ сознанія долженъ лежать «у корня всего опыта», т. е. «что невозможенъ опытъ, если только данное вѣрованіе, данный видъ мысли, уже не находится въ насъ» (The Battle of the two Philosophies, стр. 54), Милль рѣшительнымъ образомъ возстаетъ даже противъ возможности приписать подобное пониманіе Гамильтону. Выраженіе—«лежать у корня всего опыта» въ примѣненіи къ основнымъ фактамъ сознанія преходяще у Гамильтона по мнѣнію Милля, оно встрѣчается одинъ разъ при опредѣленіи этихъ основныхъ фактовъ въ Лекціяхъ (Лекціи, т. I, стр. 270), но на слѣдующей же страницѣ, также при опредѣленіи, исчезаетъ,—это и показываетъ, по Миллю, что Гамильтонъ не придавалъ какого-либо особеннаго значенія этому своему, въ сущности, случайному выраженію[2]).

Нельзя не отдать справедливости Миллю, что въ приведенныхъ мѣстахъ онъ дѣйствительно касается существенной разницы въ методахъ двухъ противоположныхъ философскихъ направленій, и тѣмъ не менѣе трудно согласиться съ его замѣчаніями по поводу метода противниковъ и съ его указаніями необходимости слѣдовать методу собственнаго направленія; скорѣе здѣсь проявляется то же, какъ мы говорили, какъ-бы нежеланіе стать на точку зрѣнія своихъ противниковъ. Какъ характеризуетъ, въ самомъ дѣлѣ, Милль, методъ направленія, противоположнаго собственному? Во всѣхъ приведенныхъ мѣстахъ ярко просвѣчиваетъ мысль, что противники Милля, и въ част-

---

[1]) «An Examin. of Sir W. Hamilton's Philosophy», стр. 182—183.

[2]) Ibidem, прим. на стр. 186.

ности Гамильтонъ, въ сущности довольствуются простымъ самонаблюденіемъ, они просто наблюдаютъ свои собственные факты сознанія и мысли, пытаются свести ихъ къ чему-либо болѣе простому и болѣе несомнѣнному и, не получивъ успѣха, безъ дальнѣйшихъ разсужденій объявляютъ эти факты сознанія основными. Дѣло какъ-бы представляется Миллю слишкомъ легкимъ, и онъ рекомендуетъ болѣе тщательное изслѣдованіе, изслѣдованіе происхожденія и этихъ фактовъ, т. е., строго говоря, сведеніе и этихъ фактовъ къ еще болѣе простымъ элементамъ. Но о какихъ фактахъ сознанія говорятъ здѣсь противники Милля, и въ частности Гамильтонъ? Вѣдь это—условія сознанія и познанія, то, безъ чего сознаніе, а, слѣдовательно, и познаніе, прямо невозможно. И здѣсь важно обратить вниманіе на заключительное примѣчаніе Милля. Если и согласиться съ Миллемъ, что выраженіе «лежать у корня всего опыта» въ примѣненіи къ опредѣленію первичныхъ фактовъ сознанія встрѣчается у Гамильтона не часто, то у нашего философа есть и другія доказательства, что такое пониманіе для него не случайно, что на самомъ дѣлѣ онъ такъ именно и понималъ значеніе этихъ первичныхъ фактовъ. Не утверждалъ ли, какъ мы видѣли ранѣе, Гамильтонъ въ одномъ изъ своихъ дополнительныхъ разсужденій къ изданію сочиненій Рида, именно въ разсужденіи «о сознаніи», что сущностью сознанія и познанія будетъ усмотрѣніе отношеній? онъ, въ качествѣ одного изъ условій сознанія, привелъ даже такое чисто Кантовское положеніе, какъ—«сознаніе есть сужденіе»,— это несомнѣнно означало, что для нашего философа безъ усмотрѣнія отношеній не существуетъ никакого знанія и познанія, не можетъ существовать, стало быть, и опыта. Затѣмъ, для Милля — представителя психологическаго направленія существенно важно, какъ мы и говорили выше, содержаніе, и притомъ содержаніе чувственнаго знанія—правильное истолкованіе въ частностяхъ даваемаго чувствами. Но даваемаго чувствами, этого частнаго истолкованія чувственнаго знанія, никоимъ образомъ нельзя отдѣлять отъ условій знанія вообще, отъ формъ, какъ можно назвать ихъ еще, знанія, — нельзя, ибо и здѣсь — также знаніе; въ силу этой невозможности и въ этомъ частномъ истолкованіи необходимо проявится нѣчто общее, то, что останется неизмѣннымъ для всѣхъ познающихъ и во всѣ времена. Исторія науки изобилуетъ по Миллю примѣрами, когда считавшееся зна-

чала несомнѣннымъ потомъ оказывалось прямо невѣрнымъ, — Гамильтонъ согласился бы съ этимъ, но онъ только прибавилъ бы, что и въ этихъ ошибкахъ было нѣчто, нѣкоторый элементъ, остававшійся неизмѣнно вѣрнымъ. Въ доказательство, что Гамильтонъ могъ прибавить это, сошлемся на слѣдующую иллюстрацію проф. Монка положенія нашего философа по отношенію къ своимъ противникамъ. «Быть можетъ», говоритъ проф. Монкъ, «наиболѣе замѣчательнымъ, представляемымъ исторіею, примѣромъ ошибки простыхъ людей было популярное вѣрованіе, существовавшееее до времени Коперника, что небесныя тѣла каждые двадцать-четыре часа вращаются вокругъ земли. На теорію Коперника сначала смотрѣли какъ на странный парадоксъ, но сторонники ея съумѣли указать много примѣровъ, въ которыхъ наши собственныя движенія производили тѣ же самые чувственные эффекты, какъ и движенія внѣшнихъ тѣлъ—въ этихъ примѣрахъ мы сами двигались, а, казалось, двигается тѣло, на которое мы смотримъ». Вотъ тутъ-то, по проф. Монку, Гамильтонъ и могъ заявить: «Былъ такимъ образомъ элементъ истины въ популярномъ вѣрованіи, — было движеніе и движеніе вращенія, но только не то, какое предполагалъ человѣческій родъ вообще. Если бы возникъ затѣмъ споръ между сторонниками Коперниковской теоріи и другой школы философовъ, отрицавшихъ, чтобы въ данномъ случаѣ было движеніе вообще, и объяснявшихъ все явленіе какъ иллюзію, сторонники теоріи Коперника имѣли бы право сослаться на популярное вѣрованіе человѣчества въ доказательство, что здѣсь дѣйствительно имѣло мѣсто то или другое движеніе, и движеніе вызывало въ чувствахъ эффекты, подобные тѣмъ, въ которые вѣрили простые люди»[1]). Эти-то условія и это общее, остающееся неизмѣнно вѣрнымъ и въ измѣняющихся частныхъ истолкованіяхъ чувственнаго знанія, Гамильтонъ и имѣетъ въ виду, и его нельзя опровергнуть приглашеніемъ заняться изслѣдованіемъ происхожденія этихъ условій и этого общаго, такъ какъ съ его точки зрѣнія и приступить къ такому изслѣдованію можно, только уже допустивши эти условія, это общее. А что въ самомъ дѣлѣ шагу нельзя сдѣлать въ познаніи, не признавши нѣкоторыхъ общихъ, самоочевидныхъ, самонесо-

[1]) Sir Will. Hamilton, стр. 36—37.

мнѣнныхъ положеній,—это видно на примѣрѣ и самого Милля. Макъ Кошъ въ своей книгѣ «Обзоръ философіи Дж. Ст. Милля» указываетъ допущеніе Миллемъ не менѣе 24-хъ, по числу буквъ въ греческомъ алфавитѣ, такихъ положеній[1]),—но если оставить Макъ Коша, если просто взять одну изъ слѣдующихъ за тою главою, изъ которой мы привели выдержки, главъ сочиненія Милля (XI-ю главу), гдѣ нашъ критикъ дѣлаетъ попытку объяснить своимъ психологическимъ методомъ происхожденіе нашей вѣры во внѣшній міръ, можно видѣть, что эта глава прямо начинается съ «постулированія», какъ выражается Милль, предположеннымъ имъ объясненіемъ нѣкоторыхъ психологическихъ истинъ. Предположенная Миллемъ теорія, какъ оказывается, «постулируетъ — во 1-хъ, что мысль человѣческая способна къ ожиданію», «что мы способны образовывать представленія о возможныхъ ощущеніяхъ», и «во 2-хъ, она постулируетъ законы ассоціаціи идей», причемъ подъ общимъ выраженіемъ «законы ассоціаціи идей» разумѣются нѣсколько менѣе общихъ, болѣе частныхъ положеній[2]). Ни о какомъ происхожденіи этихъ истинъ у Милля нѣтъ и рѣчи,—напротивъ въ непосредственно слѣдующей (XII-ой) главѣ, трактующей «о приложимости психологической теоріи вѣры въ матерію къ духу», фактъ ожиданія вмѣстѣ съ фактомъ воспоминанія оказывается «конечною необъяснимостью». «Истинная непостижимость» здѣсь, по словамъ Милля, «быть можетъ заключается въ томъ, что нѣчто прекратившееся или уже не существующее можетъ, тѣмъ не менѣе, быть нѣкоторымъ образомъ на лицо: что рядъ чувствованій, безконечная часть котораго есть прошедшее или будущее, можетъ быть какъ-бы собранъ въ единичное находящееся на лицо въ данное время представленіе, сопровождаемое вѣрою въ реальность». Милль думаетъ, «что наиболѣе мудрою вещью, какую мы можемъ сдѣлать въ этомъ случаѣ, будетъ — принимать необходимый фактъ безъ какой-либо теоріи какъ онъ можетъ имѣть мѣсто, и, когда намъ приходится говорить о немъ въ терминахъ, предполагающихъ теорію, употреблять термины съ осторожностью

---

[1]) «An Examination of Mr. J. S. Mill's Philosophy» by J. McCosh, 2 Edit., Lond. 1880, chapt. III, стр. 59—78.

[2]) An Examin. of Sir. W. Hamilton's Philos., стр. 225 и слѣд.

относительно ихъ значенія»[1]). Стало быть, дѣйствительно не все можетъ быть объяснено происхожденіемъ; даже хуже того—при стремленіи понимать объясненіе только какъ объясненіе черезъ происхожденіе нѣкоторыя вещи остаются прямо непонятными. И хотя Милль и ссылается здѣсь на Гамильтона, который, какъ мы видѣли, также считаетъ конечныя истины непонятными, но о такой непонятности, какъ это имѣетъ мѣсто въ данномъ случаѣ у Милля, не можетъ быть и рѣчи у нашего философа. Непонятность—несомнѣнно неудачное выраженіе у Гамильтона означаетъ у него только невозможность доказать конечныя истины еще какими-либо другими истинами,—сами же онѣ понятны, по ученію Гамильтона, и ихъ смыслъ и значеніе постоянно проявляются на всѣхъ нашихъ знаніяхъ. Между тѣмъ, чѣмъ обусловливается непонятность въ данномъ случаѣ у Милля? не обусловливается ли она именно стремленіемъ разъединить, раздѣлить не могущее на самомъ дѣлѣ быть разъединеннымъ? Трудно здѣсь, по Миллю, представить существующимъ переставшее существовать, трудно представить въ прошедшемъ или будущемъ текущее ощущеніе. Несомнѣнно трудно—если смотрѣть на ощущеніе, какъ на совершенно самостоятельный и совершенно независимый ни отъ чего другого элементъ знанія. Но попробуйте присоединить къ ощущенію то, что отдѣляется отъ него ученіемъ, попробуйте съ самаго начала учить объ условіяхъ познанія, о томъ, что ничто, ни даже само текущее ощущеніе, не можетъ быть познано внѣ синтеза, внѣ отношеній, однимъ словомъ примите ученіе Гамильтона и его сторонниковъ,—и будетъ нетрудно. И тутъ, прибавимъ, мало пользы ученію Милля приноситъ и примирительное, изложенное Миллемъ въ примѣчаніи, объясненіе Герб. Спенсера—что наши первичныя формы мысли, кажущіяся намъ теперь стоящими внѣ происхожденія, на самомъ дѣлѣ суть продукты опыта; онѣ могли произойти или въ насъ самихъ, или у нашихъ предковъ и унаслѣдоваться нами по законамъ органическаго развитія. Не будетъ ли это примирительное объясненіе въ сущности также утвержденіемъ, что были или во всякомъ случаѣ могли быть познающія существа, которыя познавали внѣ условій познаній, что знаніе могло всеже вы-

[1]) Ibidem, стр. 248.

работать свои собственныя условія? Въ ходѣ развитія органическихъ существъ знаніе несомнѣнно явилось на одной изъ позднѣйшихъ ступеней, но оно явилось вмѣстѣ съ своими условіями; трудно допустить, чтобы могло быть опытное знаніе, пока не было условій опытнаго знанія. Какъ говоритъ въ своемъ сочиненіи—«Кантъ и его англійскіе критики», на которое мы уже ссылались, проф. Уотсонъ, критикуя взгляды Герб. Спенсера на происхожденіе разумнаго сознанія, т. е. сознанія, именно и являющагося, по Гамильтону, знаніемъ: «Г. Спенсеръ, какъ кажется, предполагаетъ, что если отбросить предполагаемый опытъ назадъ въ туманъ прошедшаго и вообразить, что протекъ громадный періодъ времени, въ продолженіе котораго раса накопляла знаніе, разумные элементы опыта будутъ разрѣшены въ чувственные элементы. Но поддерживать такое мнѣніе совершенно невозможно. Самое начало разумнаго опыта, въ индивидуумѣ ли или расѣ, должно содержать въ себѣ необходимые для нашего опыта элементы, и эти элементы не могутъ быть сведены ниже, чѣмъ къ синтезу субъекта и объекта, общаго и частнаго. Сознаніе, ограничивающееся чистымъ чувствованіемъ (a purely feeling consciousness), если и принять, что оно существуетъ въ продолженіе безконечнаго періода времени, всеже есть только чувствующее сознаніе: пока не произойдетъ перехода отъ этого неразумнаго состоянія, посредствомъ первичнаго акта абстракціи, сразу раздѣляющаго и соединяющаго субъектъ и объектъ, не можетъ быть никакого опытнаго знанія»[1]).

Далѣе въ этой же критикѣ Милля важно обратить вниманіе еще на слѣдующее обстоятельство. Методъ своего направленія Милль называетъ «извѣстнымъ и одобреннымъ методомъ естествознанія», —выходитъ, только его направленіе, по его мнѣнію, пользуется научнымъ, объективнымъ методомъ, методъ же его противниковъ субъективенъ, онъ удовлетворяетъ только нѣкоторыхъ философовъ. Однако, такъ ли это, дѣйствительно ли противники Милля въ своемъ методѣ не имѣютъ общаго съ методомъ естественныхъ наукъ, дѣйствительно ли ихъ методъ субъективенъ? Если вѣрно что́ мы старались показать выше, если вѣрно, что, напр., Гамильтонъ по преимуществу занятъ установленіемъ условій знанія, того, что

[1]) J. Watson «Kant and his English critics», стр. 272.

лежитъ въ основаніи знаній вообще и является однимъ и тѣмъ же у всѣхъ познающихъ существъ и во всѣ времена, то не значитъ ли это, что и эти условія объективны, что и они — эти самоочевидныя, несомнѣнныя положенія представляютъ собою нѣчто необходимо данное? Можно пойти даже далѣе и утверждать, что эти условія суть нѣчто опытно данное. Опытъ этотъ не будетъ опытомъ, о которомъ шла рѣчь выше, онъ не будетъ чувственнымъ опытомъ, совершенно невозможнымъ безъ этихъ условій — опытомъ Милля и Герб. Спенсера, онъ будетъ опытомъ т. ск. раціональнымъ, но онъ всеже будетъ опытомъ, чѣмъ-то что дается познающему; эти условія необходимо предлежатъ всякому познающему и познающій не творитъ ихъ, но, открывая ихъ и удостовѣряясь при пользованіи чувственнымъ опытомъ въ значеніи ихъ, изучаетъ собственную данную познавательную природу. Правда, напр. самъ Гамильтонъ по отношенію къ открытію этихъ необходимыхъ истинъ, какъ мы видѣли, никогда не употреблялъ эпитета «опытный», онъ, слѣдуя терминологіи и взглядамъ своего времени, оставлялъ терминъ «опытъ» только за чувственнымъ опытомъ, эти же условія называлъ «прирожденными», «апріорными»,—но вѣдь важна сущность дѣла, а не мнѣнія отдѣльныхъ представителей даннаго философскаго направленія, важно то, къ чему шло направленіе. Эта же сущность дѣла, какъ мы указывали въ нашей предыдущей главѣ—при изложеніи въ общихъ чертахъ ученія Канта, привела послѣдующихъ, уже современныхъ мыслителей, болѣе сочувствующихъ сторонникамъ интроспективнаго, по терминологіи Милля, метода, къ утвержденію, что даже Кантовскія категоріи и необходимыя формы разсудка—вообще раціональные элементы, элементы мысли при познаніи, должны находиться во-внѣ, во внѣшнемъ для познающаго. Вотъ какъ выражается еще по этому поводу проф. Сетъ, на котораго мы уже ссылались и при нашемъ изложеніи ученія Канта: «Данный элементъ не долженъ быть отожествляемъ съ чистымъ ощущеніемъ или случайностью. Онъ даетъ познающему объекты и отношенія объектовъ, которые, съ самаго начала, именно представляютъ собою то, что категоріи, какъ предполагалось, дѣлаютъ изъ нихъ позже, и которые—но только къ затрудненію» (Сетъ говоритъ здѣсь — «къ стыду») «для дѣла — Кантъ назвалъ бы раціональными и необходимыми. И аргументъ, когда-либо доведенный до конца, — это едва ли нужно приба-

влять,— приложимъ ко всей линіи — къ чистымъ перценціямъ пространства и времени не менѣе, чѣмъ къ категоріямъ. Но если мы признáемъ такимъ образомъ опытъ просто равнозначащимъ доставляемому объектомъ, — въ такомъ случаѣ опытное происхожденіе вовсе не будетъ заключать въ себѣ отсутствія разума. Ошибка—проводить нѣкоторую разъединяющую черту, какъ это дѣлаетъ Кантъ и какъ постоянно склонны дѣлать боязливые идеалисты, между тѣмъ, что доставляется объектомъ, и тѣмъ, что доставляется субъектомъ, и утверждать, что исходящее отъ субъекта обладаетъ бóльшею цѣною. Поступать такъ значитъ вызывать ошибочное представленіе; ибо доказательство, что въ какомъ-либо случаѣ познанія нѣтъ субъективнаго происхожденія, обыкновенно довольно нетрудное, легко можетъ быть принято за доказательство, что факты, о которыхъ идетъ рѣчь, лишены и разумнаго характера. Мы не должны нисколько колебаться провозгласить, что мы всѣ — сторонники опыта, всѣ — эволюціонисты»[1]). Нашъ философъ, Гамильтонъ,—спѣшимъ подтвердить это еще разъ,— не шелъ такъ далеко, онъ въ своихъ познавательныхъ ученіяхъ вообще, какъ мы говорили уже въ той же предыдущей главѣ и какъ будемъ имѣть случай видѣть еще и въ слѣдующей главѣ, во многомъ находился подъ вліяніемъ Канта, тѣмъ не менѣе, уже въ виду указаннаго послѣдующаго хода англійской философіи, трудно согласиться съ положеніемъ Милля, что методъ противнаго ему направленія существенно отличался отъ метода естественныхъ наукъ, что методомъ этого направленія было простое самонаблюденіе, самоуглубленіе — въ сущности субъективное, можно сказать довольно случайное толкованіе какимъ-либо отдѣльнымъ мыслителемъ собственныхъ состояній сознанія. Трудно согласиться и по отношенію къ Канту, ибо и методомъ Канта конечно не было только такое самонаблюденіе, самоуглубленіе. И здѣсь, при упоминаніи о Кантѣ, отмѣтимъ кстати неточность, можно сказать противорѣчіе, въ которое впалъ по отношенію къ этому мыслителю въ этой же своей критикѣ Милль. Поучая, какъ мы видѣли, Кузена, Милль ставитъ ему на видъ, что онъ игнорируетъ мнѣніе своихъ противниковъ, по которому законы ассоціаціи согласно одному классу мыслителей, категоріи

[1]) Scott. Philos., стр. 147—148.